

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОХРАНЫ И ЗАЩИТЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ ПРИ РАЗРАБОТКЕ МЕСТОРОЖДЕНИЙ ПОЛЕЗНЫХ ИСКОПАЕМЫХ В АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЕ РОССИИ

© 2023 г. П. П. Баттахов*, Ю. С. Овчинникова**

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

*E-mail: battakhov@mail.ru

**E-mail: domosedka@mail.ru

Поступила в редакцию 02.05.2023 г.

Аннотация. В статье рассматриваются аспекты правового регулирования охраны и защиты окружающей среды в ходе разработки и последующего освоения месторождений в Арктике для достижения целей эффективного экономического развития государства. Анализируются основные функции государства в добывающей отрасли, а также конкретные обязанности коммерческих организаций по охране окружающей среды в ходе разработки месторождений полезных ископаемых. В работе проведено исследование существующих подходов к правовому регулированию данной отрасли. Предложены теоретические решения и практические меры, посредством которых можно будет обеспечивать экологическую безопасность в государстве.

В статье также уделено внимание фактору сочетания публично-правового и частноправового начал в регулировании правоотношений в сфере охраны окружающей среды. Особое внимание уделено экологическому страхованию как необходимому условию достижения экологической безопасности Арктической зоны. Определено понятие «экологический риск», отмечены функции и цели экологического страхования. Предложено введение специального правового регулирования перестрахования имущественных интересов при страховании именно в Арктической зоне.

Ключевые слова: правоотношение, охрана окружающей среды, Арктическая зона, причинение вреда, экологическая безопасность, экономическое развитие, правовое регулирование, добыча полезных ископаемых, ответственность за причинение вреда, экологическое страхование.

Цитирование: Баттахов П.П., Овчинникова Ю.С. Особенности правового регулирования охраны и защиты окружающей среды при разработке месторождений полезных ископаемых в Арктической зоне России // Государство и право. 2023. № 10. С. 110–118.

DOI: 10.31857/S102694520027957-3

SPECIFICS OF LEGAL REGULATION OF ENVIRONMENTAL PROTECTION AND PROTECTION DURING DEVELOPMENT OF MINERAL DEPOSITS IN THE ARCTIC ZONE OF RUSSIA

© 2023 P. P. Battakhov*, J. S. Ovchinnikova**

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

*E-mail: battakhov@mail.ru

**E-mail: domosedka@mail.ru

Received 02.05.2023

Abstract. The article discusses aspects of the legal regulation of environmental protection and protection during the development and subsequent development of deposits in the Arctic are considered in order to achieve the goals of effective economic development of the state. Analyzes the main functions of the state in the extractive industry, as well as the specific responsibilities of commercial organizations for environmental protection during the development of mineral deposits. The study of existing approaches to the legal regulation of this industry is carried out. Theoretical solutions and practical measures were proposed, through which it will be possible to ensure environmental safety in the state.

The article pays attention to the factor of combination of public and private law principles in the regulation of legal relations in the field of environmental protection. Special attention is paid to environmental insurance as a necessary condition for achieving environmental safety of the Arctic zone. The concept “environmental risk” is developed in the article, the functions and goals of environmental insurance are noted. It is proposed to introduce a special legal regulation of reinsurance of property interests in insurance specifically in the Arctic zone.

Key words: legal relationship, environmental protection, Arctic zone, harm, environmental safety, economic development, legal regulation, mining, liability for harm, environmental insurance.

For citation: Battakhov, P.P., Ovchinnikova, J.S. (2023). Specifics of legal regulation of environmental protection and protection during development of mineral deposits in the Arctic zone of Russia // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 110–118.

Арктическая зона является уникальным регионом с совершенно нераскрытым потенциалом. Сохранность данных территорий обеспечивается крайне суровыми климатическими условиями, которые долгое время не позволяли человечеству осуществлять освоение ее ресурсов. Вместе с тем Арктическая зона уникальна во многом благодаря разнообразию и богатству природных ресурсов. С данными территориями и акваториями связано большое количество проблем, которые носят экономический, политический, социальный и экологический характер. Главная особенность заключается в том, что Российская Федерация вступила в совершенно новый этап освоения и изучения арктических пространств. Данный процесс освоения региона весьма актуальный, поскольку регион богат своими природными ресурсами, что привлекает внимание многих государств¹. Известен тот факт, что основой российской экономики является минерально-сырьевая база. Большая часть существующих полезных ископаемых добывается именно на территории Российской Федерации. При этом Российская Федерация располагает одними из самых крупных запасов полезных ископаемых в мире. Значительная часть доходов бюджета обеспечивается именно за счет добычи и экспорта минерального сырья, а также продуктов его переработки.

Необходимо подчеркнуть, что именно Арктическая зона выступает в качестве основы для дальнейшего экономического развития Российской Федерации, поскольку именно здесь располагается большая часть сырьевых и топливно-энергетических ресурсов государства, которые осваиваются

в промышленных масштабах многие десятилетия². Исходя из занимаемой площади в Арктике, именно Российская Федерация является господствующим государством в данном регионе, и ни одно другое арктическое государство не может соревноваться с ней в вопросах планирования и стратегического развития. Освоение Арктической зоны направлено на обеспечение разнообразных интересов Российской Федерации в экономической сфере, в области охраны окружающей среды и биологического разнообразия, а также разработки природных ресурсов.

Необходимо отметить, что недра Арктической зоны до конца не изучены, вследствие чего данный регион может рассматриваться в качестве российской «подушки безопасности», которая будет обеспечивать дальнейшее стабильное развитие экономики государства³. На данной территории располагается огромное количество углеводородов, рыбных запасов, а также обширные земли, которые могут заселяться и использоваться для организации транспортного сообщения. Кроме того, важной представляется задача сохранения коренных малочисленных народов Арктической зоны, которые хранят тысячелетнюю историю и опыт человеческого выживания в столь суровых климатических условиях. Несмотря на суровый климат, в Арктической зоне живет достаточно большое количество народов с самобытной культурой, которые буквально «выживают» в трудных социально-экономических условиях. В связи с этим актуальным вопросом является разработка соответствующей правовой основы,

¹ См.: Будникова Ю.Е. Проблемы государственно-правового регулирования освоения Арктической зоны РФ // Вестник Института мировых цивилизаций. 2020. Т. 11. № 1 (26). С. 102–106.

² См.: Battakhov P.P. Правовые аспекты предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации // Государство и право. 2022. № 11. С. 99–105.

³ См.: Коваленко М.С., Сибилева Е.В. Ресурсный состав Арктики, сложности добычи и перспективы ее развития // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. 2023. № 1 (31). С. 26–36.

которая позволит обеспечить постепенное и гармоничное развитие данной территории.

В связи со сложной ситуацией с экологической безопасностью в Российской Федерации в целом и в Арктической зоне в частности встает вопрос о необходимости реализации мер контроля рекультивационных работ в ходе добычи полезных ископаемых. Реализация подобных мер контроля — функция региональных и федеральных органов власти. Очевидно, что основная задача местных органов власти заключается именно в осуществлении первоначального этапа контроля, а далее в случае обнаружения нарушений необходимо предпринимать соответствующие меры для их решения. Таким образом, следует минимизировать соответствующие риски, это касается не только предприятий ТЭК, но и химической, деревообрабатывающей, бумажной, автомобильной и других отраслей промышленности⁴.

Далее, обращаясь к вопросу о загрязнении морской среды в Арктической зоне, следует отметить, что одно из значимых загрязнений связано с отходами. Для обеспечения экологической безопасности Арктической зоны важно, чтобы утилизация подобных отходов осуществлялась еще на суше. Следует отметить, что загрязнение суши приводит к достаточно быстрому загрязнению водных ресурсов, поскольку подобные отходы начинают попадать в реки, после чего в морские пространства⁵.

Вместе с тем одна из актуальных проблем и задач государства состоит в том, что в Арктической зоне Российской Федерации в ходе добычи полезных ископаемых зачастую предприятия, осуществляющие данную деятельность, не соблюдают в обязательном порядке нормы права об охране окружающей среды, основная цель которых — обеспечение экологической безопасности. В связи с этим необходимо развивать меры, позволяющие снизить ущерб окружающей среде.

Вне всякого сомнения, разработка и добыча минеральных богатств не должна приводить к кардинальным изменениям в состоянии окружающей среды Арктической зоны. Особого внимания заслуживает влияние используемых мер добычи⁶ на про-

⁴ См.: Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2017 году». М., 2018. С. 713.

⁵ См.: Куделькин Н.С. Правовая охрана морской среды арктической зоны Российской Федерации: материалы науч.-практ. конф. и круглого стола «Арктика — территория устойчивого развития и сотрудничества» и круглого стола «Правовые проблемы социально-экономического и инновационного развития Арктического региона России». М., 2018. С. 98–102.

⁶ См.: Федоров А.В. Методология определения количества добытого полезного ископаемого // Экспозиция Нефть Газ. 2010. № 3 (9). С. 15–19.

живание коренных малочисленных народов Севера. Кроме того, можно сказать, что в целом методы добычи природных ресурсов (минеральных и биологических) в Арктической зоне увеличивают риски наступления экологической катастрофы. Более того, необходимо отметить, что другие государства могут использовать этот момент в качестве инструмента для политического давления на Российскую Федерацию в целях уменьшения ее влияния в Арктике.

В результате анализа практики добычи полезных ископаемых можно прийти к выводу⁷, что отраслевые компании в ходе добычи на шельфе наносят огромный урон природе. К примеру, в ходе транспортировки добытой нефти всегда происходит ее частичный разлив. Следовательно, основная задача государства в области защиты окружающей среды в Арктике должна заключаться в недопущении экологических катастроф в данном регионе. Вместе с этим важно учитывать опыт других субъектов Российской Федерации, в которых нерациональная деятельность предприятий привела к нанесению ущерба природной среде.

Необходимо отметить, что на территории Российской Федерации происходит *постоянное обновление законодательства как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов Федерации*. Не менее актуальным становится внесение определенных изменений в законодательство, основная цель которых заключается в обеспечении экологической безопасности в Арктической зоне. Среди таких мер можно выделить определение конкретных хозяйствующих субъектов, ответственных за проведение рекультивационных работ, введение штрафов за несвоевременную эксплуатацию земель, а также снижение срока аренды земель⁸.

Далее представлен анализ законодательства:

1) Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»⁹. В данном нормативном правовом акте содержится положение о различных вариантах ответственности за нарушение законодательства в области охраны среды. Так, в зависимости от типа правонарушения в качестве меры наказания может назначаться административная, дисциплинарная и уголовная ответственность;

2) Закон РФ от 21 февраля 1992 г. № 2395-1 «О недрах»¹⁰.

⁷ См.: Бринчук М.М. Право собственности на природные ресурсы принадлежит природоресурсному праву // Государство и право. 2019. № 9. С. 30–43.

⁸ См.: Самончик О.А. Правовое регулирование использования и охраны земель Арктической зоны РФ: некоторые актуальные проблемы // Право и политика. 2022. № 1. С. 1–8.

⁹ См.: СЗ РФ. 2002. № 2, ст. 133.

¹⁰ См.: Росс. газ. 1992. 5 мая.

В процессе анализа государственного доклада о состоянии окружающей среды в Российской Федерации в 2020 г. обнаружено, что объем образования отходов, связанных с производством и последующим потреблением предприятий ТЭК, составляет более 60%, что является актуальной проблемой, соответственно, гарантии обеспечения эффективной правовой охраны окружающей среды в ходе недропользования есть стратегическая цель государства. Все дело в том, что именно отрасли, связанные с добычей и переработкой нефти и газа, выступают в качестве главных источников загрязнения окружающей среды, более того, данные отрасли так или иначе затрагивают все виды человеческой деятельности¹¹. Все это лишь дополнительно подтверждает вывод о том, что вопрос обеспечения правового регулирования охраны окружающей среды при использовании данных объектов требует скорейшего рассмотрения.

Примечательной в этом смысле представляется позиция Е. С. Муштаковой, которая указывает в качестве проблемы Российской Федерации то, что она не обладает стратегическим нормативным правовым актом, при помощи которого бы обеспечивалось эффективное правовое регулирование отношений в Арктической зоне. Несмотря на то что именно Российская Федерация располагает самой большой территорией в Арктике, в государстве все еще отсутствует соответствующий закон, при помощи которого определялись бы особенности комплексного освоения и охраны окружающей среды в ходе добычи полезных ископаемых¹². Следует отметить, что в последние годы ведется определенная работа, регламентирующая правоотношения в Арктической зоне, в частности Указ Президента РФ от 2 мая 2014 г. № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации»¹³, Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года. Нет никаких сомнений в том, что подобные акты создают определенные предпосылки для развития Арктического региона. Однако актуальным вопросом являются унификация и объединение существующих нормативных правовых актов. Так,

¹¹ См.: *Галимова А. Р.* Правовое регулирование охраны окружающей среды при пользовании недрами: проблемы и пути их решения // Вестник Совета молодых ученых и специалистов Челябинской области. 2022. Т. 2. № 2 (37). С. 41–45.

¹² См.: *Муштакова Е. С.* Анализ законодательства, регламентирующего недропользование и охрану окружающей среды в Арктической зоне Российской Федерации // Конференция молодых ученых «Правовое регулирование деятельности топливно-энергетического комплекса в современных условиях»: сб. науч. тр. конф., Москва, 22 октября 2021 года / сост.: С. Н. Рожнов, С. И. Конев; отв. ред. В. Г. Мартынов. М., 2021. С. 235–240.

¹³ См.: СЗ РФ. 2014. № 18 (ч. 1), ст. 2136.

требуется разработка единого нормативного правового акта — речь идет о разработке и принятии Арктического кодекса РФ. Данный вывод связан с необходимостью систематизации арктического законодательства по разным отраслям экономики. Дело в том, что разработка кодифицированного акта позволит, во-первых, упорядочить законодательство Российской Федерации в отношении Арктической зоны и, во-вторых, учесть *специфику правового регулирования Арктической зоны, которое должно формироваться исходя из особых рисков и суровых климатических условий данной территории.*

Необходимо подчеркнуть, что одной из основных проблем формирования законодательства о защите окружающей среды при добыче полезных ископаемых в Арктической зоне Российской Федерации является то, что все правила здесь определяются исключительно хозяйствующими субъектами крупного бизнеса. Формирование систематизированного законодательства могло бы послужить правовой основой для обеспечения безопасного и рационального использования ресурсов и экологической безопасности. Очевидно, что в подобных условиях многие крупные корпорации не заинтересованы в систематизации законодательства об охране арктической окружающей среды.

Для решения вопросов защиты окружающей среды особое значение приобретает идея гармоничного сочетания публично-правовых и частноправовых начал правового регулирования, что актуально для всех сфер социально-экономического развития Российской Федерации в целом и в Арктической зоне в частности. Причины, по которым публично-правовой аспект правового регулирования охраны окружающей среды не менее важен, чем частноправовой, состоят в следующем. Во-первых, значительные масштабы самой экономики и территории страны, а также сложившиеся российские традиции¹⁴.

Во-вторых, под воздействием изменившихся социально-экономических условий (в том числе санкционное давление) происходит формирование новой модели государственного регулирования экономики в целом с особым значением публично-правового фактора, преуменьшение роли которого неизбежно ведет к негативным последствиям¹⁵.

В-третьих, факт участившихся в последнее время в России экологических катастроф, что создает необходимость защиты как частных, так и публичных интересов. В сфере охраны окружающей среды

¹⁴ См.: *Лаптев В. В.* О предпринимательском законодательстве // Государство и право. 1995. № 5. С. 48–56.

¹⁵ См.: Современные проблемы предпринимательского (хозяйственного) права / под ред. В. В. Лаптева, С. С. Занковского. М., 2011.

вопросы публичных и частных интересов настолько взаимосвязаны, что при комплексном регулировании, в том числе посредством норм гражданского права, при воздействии на субъектов частного интереса происходит одновременно охрана и публичных интересов.

Идея гармонизации частноправовых и публично-правовых начал при регулировании охраны и защиты окружающей среды может реализоваться в развитии *экологического страхования*. При этом может быть достигнута основная цель — защита природной среды, а также интересов лиц, которые несут ответственность за причинение вреда при разработке месторождений полезных ископаемых.

Можно признать, что данный вид страхования недостаточно развит в Российской Федерации, хотя имеет огромный потенциал и мог бы служить одним из способов охраны окружающей среды и достижения экологической безопасности, прежде всего это актуально для Арктической зоны. Значение экологического страхования связано с функционированием в России большого количества предприятий, представляющих собой значительную экологическую опасность, в том числе связанных с разработкой месторождений полезных ископаемых. Особенно остро данная проблема стоит в Арктической зоне РФ. Так, в п. 3 ст. 18 Федерального закона «Об охране окружающей среды» содержится только положение общего характера о том, что экологическое страхование реализуется на основании законодательства Российской Федерации, при этом собственно правовая основа для данного вида страхования отсутствует. Вместе с тем правоотношения по экологическому страхованию имеют специфику, которая должна быть учтена и урегулирована на уровне специального нормативного правового акта, о необходимости принятия которого неоднократно высказывались ученые¹⁶. В связи с этим представляется, что в данном аспекте государственного регулирования страховой отрасли имеется существенный пробел.

Возвращаясь к историческому аспекту данной проблемы, необходимо отметить, что попытки принятия специального нормативного правового акта об экологическом страховании были осуществлены в 1996 г., когда в Государственную Думу был внесен законопроект «Об обязательном экологическом страховании», однако при этом в 1997 г. он был отклонен, по этой причине правоотношения по экологическому страхованию регулируются Гражданским кодексом РФ и общими нормами страхового законодательства.

¹⁶ См.: Каратаев О. Г., Амелин Л. А. Экологическое страхование в РФ: правовые аспекты // Журнал Университета водных коммуникаций. 2011. Вып. 3. С. 141–145.

Указанный пробел — одна из причин недостаточного развития экологического страхования. Исключением являются специальные нормы законодательства об охране окружающей среды, в которых предусмотрено обязательное экологическое страхование на случай аварийного разлива нефти. Это касается предприятий, которые осуществляют деятельность по добыче, разведке, транспортировке и т. д., связанную с углеводородным сырьем. В частности, учеными в области экономики были предложены методики выявления и анализа факторов, способствующих развитию аварийных ситуаций при обязательном страховании на случай разливов нефти¹⁷.

При этом следует подчеркнуть, что функции и, соответственно, значение экологического страхования существенно отличаются от введенного в Российской Федерации института платного природопользования¹⁸ за негативное воздействие на окружающую среду. При этом под негативным понимается такое воздействие на окружающую среду, которое качественно ухудшает состояние окружающей среды. Можно согласиться с позицией, что плата за негативное воздействие на окружающую среду *представляет собой одну из финансово-правовых мер, которая обеспечивает природоохранную функцию государства*¹⁹. При этом основная функция экологического страхования компенсационная, суть которой будет раскрыта далее.

Обозначенная разница функций связана с различным целевым назначением правовых механизмов экологического страхования и платы за негативное воздействие на окружающую среду. Речь идет о том, что плата за негативное воздействие на окружающую среду — финансово-правовая мера, *обусловленная функционированием предприятий в обычном режиме*, тогда как экологическое страхование представляет собой *правовой механизм компенсации при наступлении страхового случая* (разного рода чрезвычайных ситуаций техногенного и (или) природного характера). При этом, вне всякого сомнения, несмотря на существенную разницу, данные правовые механизмы направлены на *достижение экологической безопасности в Российской Федерации*.

Компенсационная функция экологического страхования прослеживается в процессе анализа признаков

¹⁷ См.: Жебутович Е. А. Оценка и страхование экологических рисков аварийных разливов нефти и нефтепродуктов на морских акваториях: автореф. дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2012.

¹⁸ См.: постановление Правительства РФ от 03.03.2017 г. № 255 «Об исчислении и взимании платы за негативное воздействие на окружающую среду» // СЗ РФ. 2017. № 11, ст. 1572.

¹⁹ См.: Лунина Н. А. Плата за негативное воздействие на окружающую среду как финансово-правовая мера обеспечения природоохранной (экологической) функции Российского государства // Вестник ВГУ. Сер.: Право. 2008. № 2. С. 224–235.

страховых экологических рисков. При этом необходимо отметить, что признаки страховых экологических рисков и экологических рисков по законодательству об охране окружающей среды не совпадают. Так, экологические риски представляют собой возможность наступления события, которое характеризуется, во-первых, неблагоприятными последствиями для природной среды и, во-вторых, тем, что может быть вызвано не только разного рода чрезвычайными ситуациями техногенного и природного характера, но и негативным воздействием хозяйственной либо иной деятельности. При этом страховые экологические риски, в отличие от вышесказанного, представляют собой возможность наступления предусмотренных договором страховых случаев, связанных именно с аварийными ситуациями техногенного или природного характера.

От других видов страховых рисков в имущественном страховании страховые экологические риски отличаются тем, что *страховой случай вызван именно причинением вреда природной среде и представляет в связи с этим наступление гражданско-правовой ответственности за его возмещение.* При этом под вредом природной среде понимается ее негативное изменение, которое влечет деградацию экосистем и истощение естественных ресурсов.

Другой особенностью страховых экологических рисков является то, что страховые случаи, как уже упоминалось, вызваны не функционированием предприятий в обычном режиме, а чрезвычайными ситуациями техногенного и (или) природного характера при осуществлении хозяйственной деятельности (в том числе разработке месторождений полезных ископаемых). Наконец, страховой случай в экологическом страховании состоит не только в причинении вреда природной среде, а в двух других не менее важных составляющих. Речь идет о следующем: при причинении вреда природной среде в результате чрезвычайной ситуации возникает необходимость нейтрализации ее негативных последствий, или иначе — компенсации имущественных потерь, связанных с восстановлением утраченного природного баланса, ради чего и установлена гражданско-правовая ответственность за причинение вреда, это — с одной стороны. С другой — возникает необходимость компенсации имущественных потерь страхователя в связи с наступлением ответственности за причинение вреда природной среде. В этих двух составляющих страхового случая проявляются две основные функции экологического страхования — в первом случае *восстановительная*, поскольку речь идет о защите окружающей среды при причинении вреда, во втором случае — *компенсационная* функция экологического страхования, которая способствует нейтрализации, или иначе — компенсации страховых имущественных потерь, возникающих у страхователей при наступлении ответственности за причинение вреда. Кроме того,

страховой случай в экологическом страховании должен содержать в себе причинную связь между причинением вреда природной среде и чрезвычайными ситуациями техногенного и (или) природного характера.

Две перечисленные составляющие страхового случая в экологическом страховании можно объединить в одно понятие — имущественные потери, которые возникают вследствие причинения вреда природной среде вследствие чрезвычайных ситуаций природного и (или) техногенного характера в процессе осуществления хозяйственной деятельности.

Таким образом, страховой экологический риск представляет собой возможность наступления страхового случая, связанного с имущественными потерями вследствие причинения вреда природной среде в процессе осуществления хозяйственной деятельности по причине чрезвычайных ситуаций природного и (или) техногенного характера.

Можно прийти к выводу, что страховой интерес страхователя в экологическом страховании состоит в нейтрализации страховых имущественных потерь, возникающих при причинении вреда природной среде в процессе осуществления хозяйственной деятельности в результате возникновения чрезвычайных ситуаций природного и (или) техногенного характера. На основе вышесказанного можно прийти к выводу, что целью страхования является компенсация страховых имущественных потерь, возникших в результате причинения вреда природной среде (*компенсационная функция экологического страхования*) и ее восстановление (*восстановительная функция экологического страхования*).

Благодаря восстановительной функции экологического страхования данный институт можно считать одной из мер по защите окружающей среды. При этом под защитой окружающей среды можно понимать совокупность мер (правовых, управленческих, хозяйственных, технических, экономических), направленных на предотвращение негативных явлений в окружающей среде в целях экологической безопасности²⁰.

Как известно, имущественные интересы потерпевших и страхователей при возникновении различного рода природных или техногенных аварий на опасных объектах защищаются также посредством такого механизма, как страхование гражданской ответственности владельцев таких объектов за причинение вреда²¹. В данном случае страховой

²⁰ См.: *Власов В.А.* Государственное управление в сфере охраны окружающей среды и природопользования: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2007.

²¹ См.: Федеральный закон от 27.07.2010 г. № 225-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельца опасного объекта за причинение вреда в результате аварии на опасном объекте» // *Росс. газ.* 2010. 2 авг.

защите подлежат имущественные интересы потерпевших, которые связаны с причинением вреда их имуществу, а также жизни и здоровью в результате аварий на опасном объекте²². В том случае, если будет развит институт экологического страхования, можно будет говорить о наличии *полноценной страховой защиты интересов лиц*, которые понесли те или иные имущественные потери при чрезвычайных ситуациях природного или техногенного характера.

Таким образом, учитывая вышеизложенную специфику экологического страхования как специфического вида страховых правоотношений и его значение, можно прийти к выводу о необходимости принятия *специального нормативного правового акта об экологическом страховании*.

Вопросы правового регулирования защиты окружающей среды при разработке месторождений связаны с развитием Северного морского пути²³. В этом отношении можно говорить о двух аспектах проблемы: с одной стороны, Северный морской путь является, вне всякого сомнения, «транспортной артерией» для освоения и эксплуатации полезных ископаемых Арктической зоны²⁴, с другой — транспортировка по Северному морскому пути несет риски причинения вреда природной среде²⁵. В связи с этим правомерен вопрос о защите не только имущественных интересов участников транспортного процесса, но и природной среды Северного морского пути. Одним из эффективных механизмов защиты данных интересов является морское страхование и перестрахование. Под морским страхованием понимаются, в частности, такие виды правоотношений, как страхование гражданской ответственности владельца судна, морское страхование грузов, судов.

Проблема морского страхования на Северном морском пути состоит в том, что стоимость морских судов значительно выше, чем при обычном судоходстве, что приводит к увеличению страховой суммы и страховой премии. Кроме того, существуют определенные проблемы при оценке риска в климатически трудных арктических условиях,

что также влияет на увеличение стоимости страховых услуг. В данной ситуации остро стоит вопрос о необходимости перестрахования имущественных интересов страховщиков в Арктической зоне для обеспечения стабильности института страхования и надежности страховых выплат.

Вместе с тем при реализации механизма перестрахования возникают проблемы, что вызвано введением санкций и уходом с рынка международных перестраховочных компаний. Частично данную проблему удалось решить посредством заключения договоров перестрахования с Российской национальной перестраховочной компанией (РНПК), перестраховочные возможности которой были расширены в последнее время путем докапитализации. Однако, несмотря на это, в настоящее время перестраховочных средств недостаточно для защиты интересов страховщиков в зоне страховых обеспечений по особо крупным рискам. Речь идет в том числе о страховых экологических рисках и рисках морского страхования Арктической зоны, о которых было сказано выше. По этой причине представляется целесообразным *введение специального правового регулирования перестрахования имущественных интересов страховщиков при страховании именно в Арктической зоне* в связи с повышенными рисками данной территории. Так, РНПК осуществляет перестрахование по обязательствам страховщиков, которые связаны с рисками гибели (утраты) жилых помещений в результате воздействия чрезвычайных ситуаций, при этом размер перестрахования составляет 95% (тогда как по другим рискам 50%)²⁶. По нашему мнению, аналогичную норму необходимо ввести и применительно к страховому обеспечению в Арктической зоне по причине особо крупных и мало прогнозируемых рисков на данной территории, которые связаны с суровым климатом.

Все вышеизложенное имеет значение при решении проблем охраны и защиты окружающей среды при разработке месторождений полезных ископаемых в Арктической зоне РФ. Это связано с тем, что именно данный вид хозяйственной деятельности несет в себе особенно большие риски для природной среды Арктики.

* * *

В заключение необходимо отметить, что, во-первых, для решения вышеназванных проблем желательно *проведение комплексных научных исследований в Арктической зоне по различным направлениям*. К подобной деятельности желательно привлечь разнообразные научные центры и институты, которые смогут тщательно изучить особенности Арктической зоны. Совокупность проведенных

²² См.: Рузанова Е. В. Обязательства вследствие причинения вреда: доктринальные основания дифференциации // Юридический вестник Самарского ун-та. 2017. Т. 3. № 1. С. 35–40.

²³ См.: Федеральный закон от 28.07.2012 г. № 132-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части государственного регулирования торгового мореплавания в акватории Северного морского пути» // СЗ РФ. 2012. № 31, ст. 4321.

²⁴ См. Щербанин Ю. А. Северный морской путь: внешние факторы и природные ресурсы // Вестник РГГУ. Сер. «Экономика. Управление. Право». 2020. № 2. С. 71–84.

²⁵ См.: Жудро И. С., Редникова Т. В. Арктика: устойчивое развитие региона и обеспечение национальной безопасности // Государство и право. 2022. № 3. С. 127–137.

²⁶ См.: Закон РФ от 27.11.1992 г. № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» (п. 2 ст. 13.2) // Росс. газ. 1993. 12 янв.

научных исследований позволит сформировать качественные предложения по поводу *необходимых мер комплексной защиты окружающей среды в ходе добычи полезных ископаемых, что, в частности, послужит решению целого ряда проблем правового регулирования.*

Во-вторых, в ходе комплексных научных исследований необходимо изменить подход к анализу системы рисков при добыче и разработке месторождений полезных ископаемых в Арктической зоне. Несомненно, речь идет о системных научных исследованиях, касающихся добывающей отрасли экономики в Арктической зоне, что могло бы послужить фактором для предупреждения причинения вреда. Наконец, важным фактором для обеспечения экологической безопасности в Арктической зоне является развитие экологического страхования и перестрахования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Баттахов П. П.* Правовые аспекты предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации // Государство и право. 2022. № 11. С. 99–105.
2. *Бринчук М. М.* Право собственности на природные ресурсы принадлежит природоресурсному праву // Государство и право. 2019. № 9. С. 30–43.
3. *Будникова Ю. Е.* Проблемы государственно-правового регулирования освоения Арктической зоны РФ // Вестник Института мировых цивилизаций. 2020. Т. 11. № 1 (26). С. 102–106.
4. *Власов В. А.* Государственное управление в сфере охраны окружающей среды и природопользования: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2007.
5. *Галямова А. Р.* Правовое регулирование охраны окружающей среды при пользовании недрами: проблемы и пути их решения // Вестник Совета молодых ученых и специалистов Челябинской области. 2022. Т. 2. № 2 (37). С. 41–45.
6. *Жебутович Е. А.* Оценка и страхование экологических рисков аварийных разливов нефти и нефтепродуктов на морских акваториях: автореф. дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2012.
7. *Жудро И. С., Редникова Т. В.* Арктика: устойчивое развитие региона и обеспечение национальной безопасности // Государство и право. 2022. № 3. С. 127–137.
8. *Каратаев О. Г., Амелин Л. А.* Экологическое страхование в РФ: правовые аспекты // Журнал Университета водных коммуникаций. 2011. Вып. 3. С. 141–145.
9. *Коваленко М. С., Сибилева Е. В.* Ресурсный состав Арктики, сложности добычи и перспективы ее развития // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. 2023. № 1 (31). С. 26–36.
10. *Куделькин Н. С.* Правовая охрана морской среды арктической зоны Российской Федерации: материалы науч.-практ. конф. и круглого стола «Арктика – территория устойчивого развития и сотрудничества» и круглого
- стола «Правовые проблемы социально-экономического и инновационного развития Арктического региона России». М., 2018. С. 98–102.
11. *Лаптев В. В.* О предпринимательском законодательстве // Государство и право. 1995. № 5. С. 48–56.
12. *Лунина Н. А.* Плата за негативное воздействие на окружающую среду как финансово-правовая мера обеспечения природоохранной (экологической) функции Российского государства // Вестник ВГУ. Сер.: Право. 2008. № 2. С. 224–235.
13. *Муштакова Е. С.* Анализ законодательства, регламентирующего недропользование и охрану окружающей среды в Арктической зоне Российской Федерации // Конференция молодых ученых «Правовое регулирование деятельности топливно-энергетического комплекса в современных условиях»: сб. науч. тр. конф., Москва, 22 октября 2021 года / сост.: С. Н. Рожнов, С. И. Конев; отв. ред. В. Г. Мартынов. М., 2021. С. 235–240.
14. *Рузанова Е. В.* Обязательства вследствие причинения вреда: доктринальные основания дифференциации // Юридический вестник Самарского ун-та. 2017. Т. 3. № 1. С. 35–40.
15. *Самончик О. А.* Правовое регулирование использования и охраны земель Арктической зоны РФ: некоторые актуальные проблемы // Право и политика. 2022. № 1. С. 1–8.
16. *Современные проблемы предпринимательского (хозяйственного) права / под ред. В. В. Лаптева, С. С. Занковского.* М., 2011.
17. *Федоров А. В.* Методология определения количества добытого полезного ископаемого // Экспозиция Нефть Газ. 2010. № 3 (9). С. 15–19.
18. *Щербанин Ю. А.* Северный морской путь: внешние факторы и природные ресурсы // Вестник РГГУ. Сер. «Экономика. Управление. Право». 2020. № 2. С. 71–84.

REFERENCES

1. *Battakhov P. P.* Legal aspects of entrepreneurial activity in the Arctic zone of the Russian Federation // State and Law. 2022. No. 11. P. 99–105 (in Russ.).
2. *Brinchuk M. M.* Ownership of natural resources belongs to Natural Resource Law // State and Law. 2019. No. 9. P. 30–43 (in Russ.).
3. *Budnikova Yu. E.* Problems of state-legal regulation of the development of the Arctic zone of the Russian Federation // Herald of the Institute of World Civilizations. 2020. Vol. 11. No. 1 (26). P. 102–106 (in Russ.).
4. *Vlasov V. A.* State administration in the field of environmental protection and environmental management: issues of theory and practice: abstract ... PhD in Law. Yekaterinburg, 2007 (in Russ.).
5. *Galyamova A. R.* Legal regulation of environmental protection in the use of subsoil: problems and ways to solve them // Herald of the Council of Young Scientists and Specialists of the Chelyabinsk Region. 2022. Vol. 2. No. 2 (37). P. 41–45 (in Russ.).
6. *Zhebutovich E. A.* Assessment and insurance of environmental risks of accidental oil and petroleum product spills in off-

- shore waters: abstract ... Cand. Econ. Sciences. SPb., 2012 (in Russ.).
7. *Zhudro I.S., Rednikova T.V.* Arctic: sustainable development of the region and ensuring national security // *State and Law*. 2022. No. 3. P. 127–137 (in Russ.).
  8. *Karataev O.G., Amelin L.A.* Environmental insurance in the Russian Federation: legal aspects // *Journal of the University of Water Communications*. 2011. No. 3. P. 141–145 (in Russ.).
  9. *Kovalenko M.S., Sibileva E.V.* The resource composition of the Arctic, the complexity of mining and the prospects for its development // *Arctic XXI century. Humanities*. 2023. No. 1 (31). P. 26–36 (in Russ.).
  10. *Kudelkin N.S.* Legal protection of the Marine Environment of the Arctic Zone of the Russian Federation: materials of the Scientific and Practical Conference and Round Table “Arctic – Territory of Sustainable Development and Cooperation” and Round Table “Legal Problems of Socio-Economic and Innovative Development of the Arctic Region of Russia”. M., 2018. P. 98–102 (in Russ.).
  11. *Laptev V.V.* On entrepreneurial legislation // *State and Law*. 1995. No. 5. P. 48–56 (in Russ.).
  12. *Lunin N.A.* Payment for the negative impact on the environment as a financial and legal measure to ensure the environmental (environmental) function of the Russian state // *VSU Journal. Law*. 2008. No. 2. P. 224–235 (in Russ.).
  13. *Mushtakova E.S.* Analysis of legislation regulating subsoil use and environmental protection in the Arctic Zone of the Russian Federation // *Conference of Young Scientists “Legal Regulation of the Fuel and Energy Complex in Modern Conditions”*: Collection of Scientific Works of the Conference, Moscow, October 22, 2021 / comp.: S.N. Rozhnov, S.I. Konev; res. ed. V.G. Martynov. M., 2021. P. 235–240 (in Russ.).
  14. *Ruzanova E.V.* Obligations due to harm: doctrinal grounds for differentiation // *Legal Herald of Samara University*. 2017. Vol. 3. No. 1. P. 35–40 (in Russ.).
  15. *Samonchik O.A.* Legal regulation of the use and protection of lands of the Arctic zone of the Russian Federation: some urgent problems // *Law and Policy*. 2022. No. 1. P. 1–8 (in Russ.).
  16. *Modern problems of Entrepreneurial (Economic) Law* / ed. by V.V. Laptev, S.S. Zankovsky. M., 2011 (in Russ.).
  17. *Fedorov A.V.* Methodology for determining the amount of mined mineral resources // *Exposition Oil Gas*. 2010. No. 3 (9). P. 15–19 (in Russ.).
  18. *Shcherbanin Yu.A.* Northern Sea route: external factors and natural resources // *Herald of the Russian State Humanitarian University. Ser. “Economics. Management. Law”*. 2020. No. 2. P. 71–84 (in Russ.).

Сведения об авторах

БАТТАХОВ Петр Петрович —
кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

ОВЧИННИКОВА Юлия Сергеевна —
кандидат юридических наук,
научный сотрудник
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

BATTAKHOV Petr P. —
PhD in Law,
Senior Researcher, Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

OVCHINNIKOVA Julia S. —
PhD in Law,
Research Associate, Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

**АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО
И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС**

**ПРЕДВИДЕНИЕ В НАУКЕ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА
(По трудам юбиляра – учёного-административиста П.П. Сергуна)**

© 2023 г. А. В. Малько^{1, *}, К. А. Ишеков^{2, **}, К. В. Черкасов^{3, ***}

¹Поволжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России), г. Саратов

²Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова;
Университет «Синергия», г. Москва

³Вятский государственный университет, г. Киров;
Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), г. Москва

*E-mail: alex25-58@mail.ru

**E-mail: ishekov77@mail.ru

***E-mail: CherkasovKV1978@yandex.ru

Поступила в редакцию 24.03.2023 г.

Аннотация. В статье представлен анализ основных научных публикаций ведущего административиста, доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Российской Федерации Петра Павловича Сергуна в год его 70-летнего юбилея. Дана оценка научным разработкам учёного в сферах государственной службы, административной реформы, административной ответственности, административных и информационных правоотношений, цифровизации государственного управления, внедрения технологий искусственного интеллекта в управленческую деятельность. Отмечен значительный вклад юбиляра в развитие категориального аппарата юриспруденции в целом и науки административного права в частности. Сформулированы выводы о прогностическом характере ключевых научных исследований П.П. Сергуна, основе его научных изысканий на предвидении как важнейшем факторе развития науки административного права.

Ключевые слова: государственная служба, административная реформа, органы исполнительной власти, поощрительное производство, административная ответственность, субъектно-объектное образование, административные правоотношения, информационные правоотношения, цифровизация государственного управления, искусственный интеллект.

Цитирование: Малько А.В., Ишеков К.А., Черкасов К.В. Предвидение в науке административного права (По трудам юбиляра – учёного-административиста П.П. Сергуна) // Государство и право. 2023. № 10. С. 119–124.

DOI: 10.31857/S102694520027964-1

**FORESIGHT IN THE SCIENCE OF ADMINISTRATIVE LAW
(From the works of the anniversary – administrativist scientist P.P. Sergun)**

© 2023 А. В. Mal'ko^{1, *}, К. А. Ishekov^{2, **}, К. В. Cherkasov^{3, ***}

¹Volga Region (Branch) Institute of the All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia), Saratov

²Lomonosov Moscow State University;
Synergy University, Moscow

³Vyatka State University, Kirov;
All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Moscow

*E-mail: alex25-58@mail.ru

**E-mail: ishekov77@mail.ru

***E-mail: CherkasovKV1978@yandex.ru

Received 24.03.2023

Abstract. The article presents an analysis of the main scientific publications of the leading administrative expert, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation Peter Pavlovich Sergun in the year of his 70th birthday. An assessment is given to the scientific developments of the scientist in the areas of public service, administrative reform, administrative responsibility, administrative and information legal relations, digitalization of public administration, and the introduction of artificial intelligence technologies in management activities. The significant contribution of the hero of the day to the development of the categorical apparatus of jurisprudence in general and the science of Administrative Law in particular is noted. Conclusions are formulated about the prognostic nature of P.P. Sergun, the basis of his scientific research on foresight as the most important factor in the development of the science of Administrative Law.

Key words: public service, administrative reform, executive authorities, incentive proceedings, administrative responsibility, subject-object formation, administrative legal relations, information legal relations, digitalization of public administration, artificial intelligence.

For citation: *Mal'ko, A.V., Ishekov, K.A., Cherkasov, K.V. (2023). Foresight in the science of Administrative Law (From the works of the anniversary – administrativist scientist P.P. Sergun) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 119–124.*

В 2023 г. научная общественность отмечает 70-летний юбилей учёного и педагога Петра Павловича Сергуна. Свой творческий путь этот талантливый ученый-административист начал в советское время, но пылкий взгляд юриста-исследователя был всегда устремлён в будущее.

Предвидение и осознание с опорой на прошлое и настоящее вероятных тенденций развития государственно-правовых институтов – вот главная черта, которая всегда отличала П.П. Сергуна. Мало кому из известных правоведов удалось уже в период подготовки диссертации на соискание учёной степени кандидата юридических наук сформулировать положения, воспринятые впоследствии в законодательных актах, в особенности на федеральном уровне. Однако случилось именно так, и разработанный П.П. Сергуном теоретический постулат в области административной ответственности¹ нашел своё восприятие в ст. 1.5 «Презумпция невиновности» действующего уже более 20 лет Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Значимым научным достижением П.П. Сергуна явилась подготовленная им и успешно защищённая четверть века назад диссертация на соискание учёной степени доктора юридических наук, в которой проведено фундаментальное теоретико-правовое исследование института государственной службы в органах внутренних дел Российской Федерации, не имеющее аналогов и не утратившее

своей актуальности². И снова заслуженный результат, и снова практика по достоинству оценила научный труд учёного. Диссертация не только послужила мощным толчком совершенствования и развития законодательства о государственной службе в органах внутренних дел, но и в силу глубокой теоретической проработки внесла значимый вклад в учебный процесс – составила основу специального курса (учебной дисциплины) «Государственная служба в органах внутренних дел МВД России», преподавание которой осуществляется в профильных образовательных учреждениях.

Но и сегодня юбиляр не поживает на лаврах, не останавливается на достигнутых результатах. Напротив, он всё с большим и большим интересом и присущим ему усердием погружается в широкий круг проблем государственно-правовой науки вообще и науки административного права в частности. Исследовательский интерес ученого по-прежнему сфокусирован на оптимизации правового регулирования государственной службы, но в контексте новых и актуализированных вопросов, на спорных и неоднозначных моментах организации и функционирования органов публичного управления, на совершенствовании механизма государственного администрирования, а в последнее время – цифровизации управленческого процесса и перспективах внедрения в него технологии искусственного интеллекта. В своих трудах П.П. Сергун, в частности, сосредоточился на аргументации наличия объективно существующих, но пока не внедренных в юридическую науку новых граней устоявшихся и общепризнанных категорий; проблемах административной реформы, последовательно и основательно отстаивая идею разработки и принятия федерального закона об

¹ См.: *Сергун П.П.* Охрана прав и свобод личности в производстве по делам об административных правонарушениях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1987.

² См.: *Сергун П.П.* Государственная служба в органах внутренних дел Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1998.

органах исполнительной власти; вопросах административного процесса в части поощрительного производства на государственной службе; различных аспектах административно-правового статуса государственных служащих и лиц, замещающих государственные должности³.

Анализируя творческое наследие юбиляра последних лет, невольно обращаешь внимание на актуальность научных изысканий автора, посвящённых исследованию структуры и содержания административных правоотношений, их, по сути, пророческий характер. На страницах своих работ, например, он закономерно ставит вопрос о том, всегда ли только человек будет субъектом правоотношений вообще и административных правоотношений в частности, или же допустимы и другие субъекты — животные, роботы? В процессе размышлений учёный приходит к верному суждению о том, что выделять животных в качестве субъектов правоотношений преждевременно, однако субъектно-объектными образованиями административных правовых отношений они вполне могли бы быть, например, в качестве служебной собаки. Вполне вероятен и прогноз о том, что уже скоро искусственный интеллект может быть признан субъектом права, и это будет субъект с узким правовым статусом и объект одновременно. Таким образом, в системе управления появится новый элемент, который можно именовать как «субъектно-объектное образование»⁴. Действительно, вероятность наделения искусственного интеллекта элементами правосубъектности складывается объективно и неотвратимо. Однако есть основания полагать, что полноценным субъектом права, выступающим противоположной стороной правоотношений с человеком, может стать сильный или,

возможно, сверхсильный искусственный интеллект, который только предстоит сформировать.

В условиях осуществляемой сегодня полномасштабной информационной войны против Российской Федерации и негативного влияния этого процесса на внутригосударственные отношения остро встает вопрос о необходимости обеспечения информационной безопасности, цифрового суверенитета нашего государства. Для этого используемый в действующем законодательстве категориальный аппарат должен быть предельно ясен, а законодательные дефиниции должны исключать двусмысленность и неопределенность. В унисон данной позиции ещё до активной фазы противостояния П.П. Сергуном были озвучены научные идеи и сформулированы конкретные дефиниции, способные восполнить пробелы правового регулирования в этой области. Речь идёт о предложенных или конкретизированных автором определениях информационных правовых отношений, информационной культуры, информационной безопасности, компьютерного правонарушения⁵.

По утверждению учёного, в теории административного права ранее не стоял вопрос об опережающем развитии. Между тем научно-технический прогресс остро ставит перед наукой административного права вопрос о сущности происходящего и требует выработки обоснованных рекомендаций, в силу чего «особое внимание должно уделяться такой категории, как предвидение»⁶. Исходя из этого, автором определены две основные задачи, которые состоят, во-первых, в достижении уровня современного состояния управления не только в организационном, но и в правовом аспекте; во-вторых, в опережающем решении тех проблем, которые в первую очередь исходят от развития технической сферы (информатики, робототехники)⁷. Этому созвучно и его суждение о приоритетности формирования нормативных предписаний,

³ См., напр.: *Сергун П.П.* Государственная власть и государственное управление // Правовая культура. 2017. № 4 (31). С. 90–94; *Его же.* К вопросу о высшем должностном лице субъекта Российской Федерации // Правовая культура. 2019. № 4 (39). С. 56–63; *Сергун П.П., Бобров А.М.* Исполнительная власть в условиях современной экономики России // Пермский юридический альманах. 2020. № 3. С. 242–249; *Сергун П.П.* Поощрительные правовые нормы: проблемы теории // Право как социокультурная ценность: материалы конф. М., 2001. С. 88–91; *Его же.* Поощрительное производство в органах внутренних дел // Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия: сб. материалов V Междунар. науч.-практ. конф. Пермь, 2018. С. 142–145; *Сергун П.П., Бобров А.М.* Оптимизация ограничений при поступлении на государственную службу иных видов как фактор профилактики коррупции // Правовая культура. 2019. № 3 (38). С. 30–37; *Бобров А.М., Сергун П.П.* Поощрение и дисциплина в уголовно-исполнительной системе // Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия: сб. материалов VI Междунар. науч.-практ. конф. Пермь, 2019. С. 133, 134.

⁴ *Сергун П.П., Бобров А.М.* Субъектно-объектное образование как структурный элемент административного правоотношения // Пермский юрид. альманах. 2019. № 2. С. 140, 141, 144.

⁵ См.: *Сергун П.П., Бобров А.М., Саттаров В.Д.* К вопросу об информационных правовых отношениях // Вестник Московского ун-та. Сер. 21: Управление (государство и общество). 2022. № 4. С. 14, 15; *Сергун П.П., Мордовец А.С.* Гласность и информационная культура: теория и практика в XXI веке // Правовая культура. 2014. № 4 (19). С. 27; *Сергун П.П., Герасимов Ю.С.* Информационная безопасность в Российской Федерации: отдельные аспекты правового регулирования // Вестник РПА. 2020. № 2. С. 116.

⁶ *Сергун П.П.* Субъектно-объектное образование как субъект управления // WORLD SCIENCE: PROBLEMS AND INNOVATIONS: сб. ст. XIV Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. Пенза, 2017. С. 248.

⁷ См.: *Сергун П.П.* Интеллектуальный робот как субъект управления: миф или завтрашняя реальность // Публичная власть: реальность и перспективы: сб. науч. тр. по материалам III Ежегодных Саратовских административно-правовых чтений (Междунар. науч.-практ. конф.) (Саратов, 28–29 сентября 2017 г.) / под ред. А.Ю. Соколова. Саратов, 2017. С. 42.

регулирующих статус роботов и их взаимодействие с человеком, обществом⁸. Позволим себе в этой части уточнить, что необходимость оперативной разработки правовых актов, посредством которых возможно устранить противоречия между сложившимся позитивным правом и фактически развивающимися отношениями, не вызывает сомнений. Вместе с тем, чтобы законопроекты получили своё воплощение в форме действующих источников права, потребуется приложить значительные усилия, устранить противоречия, избавиться от многих пережитков прошлого.

Следует согласиться с юбиляром, что с интенсивным развитием цифровых технологий наметится серьёзное отставание национального правового регулирования. Очевидно, что в этой сфере присутствует значительное количество нерешённых проблем, требующих принятия неотложных организационно-правовых мер не только на практике, но и в научной, образовательной сферах. В этой связи более чем справедливо замечание П. П. Сергуна, что инициаторами в разработке правовых документов являются, как правило, не образовательные организации и научные учреждения, а другие структуры, и это выступает своеобразным индикатором отсутствия должного интереса к проблеме. По его мнению, в образовательных организациях и научных учреждениях на междисциплинарной основе необходимо создать кафедры, научные центры, иные подразделения, которые непосредственно должны заниматься вопросами правового обеспечения цифровых технологий⁹.

Научными разработками и ценными мыслями юбиляр делится со своими учениками, среди которых более сотни студентов и магистрантов, свыше десятка кандидатов и два доктора юридических наук, каждому из которых учёный подарил частичку своего таланта. И конечно же, невозможно не отметить высочайшие человеческие качества Петра Павловича, его чуткое и уважительное отношение к людям.

* * *

Будут новые научные и личные успехи и высоты, достойные ученики-последователи, долгие и полные радостными событиями годы активной творческой жизни! Нет ни малейшего сомнения

⁸ См.: Сергун П. П., Бобров А. М. Общественно-властная природа административных правовых отношений // Правовая культура. 2018. № 3 (34). С. 55.

⁹ См.: Сергун П. П. Цифровые технологии и современные правовые системы // Актуальные вопросы теории и практики реализации публичной власти: сб. науч. тр. по материалам IV Ежегодных Саратовских административно-правовых чтений (Междунар. науч.-практ. конф.) (Саратов, 11–12 октября 2018 г.) / под ред. А. Ю. Соколова. Саратов, 2018. С. 27.

в том, что всё запланированное обязательно получится, а желаемое сбудется.

Таким гражданином, юристом, учёным, учителем-педагогом, наставником, отдающим все свои творческие силы и энергию развитию административно-правовой мысли в нашей стране и формированию эффективной государственности, является доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ Пётр Павлович Сергун.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бобров А. М., Сергун П. П. Поощрение и дисциплина в уголовно-исполнительной системе // Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия: сб. материалов VI Междунар. науч.-практ. конф. Пермь, 2019. С. 133, 134.
2. Сергун П. П. Государственная власть и государственное управление // Правовая культура. 2017. № 4 (31). С. 90–94.
3. Сергун П. П. Государственная служба в органах внутренних дел Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1998.
4. Сергун П. П. Интеллектуальный робот как субъект управления: миф или завтрашняя реальность // Публичная власть: реальность и перспективы: сб. науч. тр. по материалам III Ежегодных Саратовских административно-правовых чтений (Междунар. науч.-практ. конф.) (Саратов, 28–29 сентября 2017 г.) / под ред. А. Ю. Соколова. Саратов, 2017. С. 42.
5. Сергун П. П. К вопросу о высшем должностном лице субъекта Российской Федерации // Правовая культура. 2019. № 4 (39). С. 56–63.
6. Сергун П. П. Охрана прав и свобод личности в производстве по делам об административных правонарушениях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1987.
7. Сергун П. П. Поощрительное производство в органах внутренних дел // Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия: сб. материалов V Междунар. науч.-практ. конф. Пермь, 2018. С. 142–145.
8. Сергун П. П. Поощрительные правовые нормы: проблемы теории // Право как социокультурная ценность: материалы конф. М., 2001. С. 88–91.
9. Сергун П. П. Субъектно-объектное образование как субъект управления // WORLD SCIENCE: PROBLEMS AND INNOVATIONS: сб. ст. XIV Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. Пенза, 2017. С. 248.
10. Сергун П. П. Цифровые технологии и современные правовые системы // Актуальные вопросы теории и практики реализации публичной власти: сб. науч. тр. по материалам IV Ежегодных Саратовских административно-правовых чтений (Междунар. науч.-практ. конф.) (Саратов, 11–12 октября 2018 г.) / под ред. А. Ю. Соколова. Саратов, 2018. С. 27.
11. Сергун П. П., Бобров А. М. Исполнительная власть в условиях современной экономики России // Пермский юридический альманах. 2020. № 3. С. 242–249.

12. *Сергун П.П., Бобров А.М.* Общественно-властная природа административных правовых отношений // Правовая культура. 2018. № 3 (34). С. 55.
13. *Сергун П.П., Бобров А.М.* Оптимизация ограничений при поступлении на государственную службу иных видов как фактор профилактики коррупции // Правовая культура. 2019. № 3 (38). С. 30–37.
14. *Сергун П.П., Бобров А.М.* Субъектно-объектное образование как структурный элемент административного правоотношения // Пермский юрид. альманах. 2019. № 2. С. 140, 141, 144.
15. *Сергун П.П., Бобров А.М., Саттаров В.Д.* К вопросу об информационных правовых отношениях // Вестник Московского ун-та. Сер. 21: Управление (государство и общество). 2022. № 4. С. 14, 15.
16. *Сергун П.П., Герасимов Ю.С.* Информационная безопасность в Российской Федерации: отдельные аспекты правового регулирования // Вестник РПА. 2020. № 2. С. 116.
17. *Сергун П.П., Мордовец А.С.* Гласность и информационная культура: теория и практика в XXI веке // Правовая культура. 2014. № 4 (19). С. 27.
6. *Sergun P.P.* Protection of the rights and freedoms of the individual in proceedings on administrative offenses: abstract ... PhD in Law. Saratov, 1987 (in Russ.).
7. *Sergun P.P.* Incentive production in internal affairs bodies // Penitentiary system and society: experience of interaction: collection of materials of the V International Scientific and Practical Conf. Perm, 2018. P. 142–145 (in Russ.).
8. *Sergun P.P.* Incentive legal norms: problems of theory // Law as a socio-cultural value: materials of Conf. M., 2001. P. 88–91 (in Russ.).
9. *Sergun P.P.* Subject-object education as a subject of management // WORLD SCIENCE: PROBLEMS AND INNOVATIONS: collection of art. XIV International Scientific and Practical Conf.: in 2 parts. Penza, 2017. P. 248 (in Russ.).
10. *Sergun P.P.* Digital technologies and modern legal systems // Actual issues of theory and the practice of implementing public power: collection of scientific works based on the materials of the IV Annual Saratov Administrative and Legal Readings (International Scientific and Practical Conference) (Saratov, October 11–12, 2018) / ed. by A. Yu. Sokolov. Saratov, 2018. P. 27 (in Russ.).
11. *Sergun P.P., Bobrov A.M.* Executive power in the conditions of the modern economy of Russia // Perm Legal Almanac. 2020. No. 3. P. 242–249 (in Russ.).
12. *Sergun P.P., Bobrov A.M.* Socio-imperious nature of administrative legal relations // Legal culture. 2018. No. 3 (34). P. 55 (in Russ.).
13. *Sergun P.P., Bobrov A.M.* Optimization of restrictions on admission to public service of other types as a factor of prevention of corruption // Legal culture. 2019. No. 3 (38). P. 30–37 (in Russ.).
14. *Sergun P.P., Bobrov A.M.* Subject-object education as a structural element of administrative legal relations // Perm legal almanac. 2019. No. 2. P. 140, 141, 144 (in Russ.).
15. *Sergun P.P., Bobrov A.M., Sattarov V.D.* On the issue of information legal relations // Herald of the Moscow University. Ser. 21: Management (state and society). 2022. No. 4. P. 14, 15 (in Russ.).
16. *Sergun P.P., Gerasimov Yu.S.* Information security in the Russian Federation: certain aspects of legal regulation // Herald of the RPA. 2020. No. 2. P. 116 (in Russ.).
17. *Sergun P.P., Mordovets A.S.* Glasnost and information culture: theory and practice in the XXI century // Legal culture. 2014. No. 4 (19). P. 27 (in Russ.).

REFERENCES

1. *Bobrov A.M., Sergun P.P.* Encouragement and discipline in the penal system // Penitentiary system and society: experience of interaction: collection of materials of the VI International Scientific and Practical Conf. Perm, 2019. P. 133, 134 (in Russ.).
2. *Sergun P.P.* State power and public administration // Legal culture. 2017. No. 4 (31). P. 90–94 (in Russ.).
3. *Sergun P.P.* Public service in the internal affairs bodies of the Russian Federation: abstract ... Doctor of Law. M., 1998 (in Russ.).
4. *Sergun P.P.* Intelligent robot as a subject of management: myth or tomorrow's reality // Public power: reality and prospects: collection of scientific works based on the materials of the III Annual Saratov Administrative and Legal Readings (International Scientific and Practical Conference) (Saratov, September 28–29, 2017) / ed. by A. Yu. Sokolov. Saratov, 2017. P. 42 (in Russ.).
5. *Sergun P.P.* To the question of the highest official of the subject of the Russian Federation // Legal culture. 2019. No. 4 (39). P. 56–63 (in Russ.).

Сведения об авторах

МАЛЬКО Александр Васильевич — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Поволжского института Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России); 410003 г. Саратов, ул. им. Радищева А.Н., д. 55

ИШЕКОВ Константин Анатольевич — доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры правовых основ управления факультета государственного управления Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; 119992 г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4; профессор кафедры фундаментальных юридических и социально-гуманитарных дисциплин Университета «Синергия»; 125190 г. Москва, Ленинградский проспект, д. 80, корп. Г

ЧЕРКАСОВ Константин Валерьевич — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного, административного права и правового обеспечения государственной службы Вятского государственного университета; 610000 Кировская область, г. Киров, ул. Московская, д. 36; профессор кафедры конституционного и административного права Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России); 117149 г. Москва, Б. Каретный пер., д. 10 А

Authors' information

MAL'KO Alexander V. — Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the Volga Region Institute of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia); 55 str. named Radishcheva A.N., 410003 Saratov, Russia

ISHEKOV Konstantin A. — Doctor of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Legal Foundations of Management, Faculty of Public Administration, Lomonosov Moscow State University; 27, bld. 4 Lomonosovsky Ave., 119992 Moscow, Russia; Professor of the Department of Fundamental Legal and Social-Humanitarian Disciplines, Synergy University; 80, bld. G Leningradsky Ave., 125190 Moscow, Russia

CHERKASOV Konstantin V. — Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Constitutional, Administrative Law and Legal Support of Public Service, Vyatka State University; 36 Moskovskaya str., 610000 Kirov Region, Kirov, Russia; Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia); 10A Bolshoy Karetny Lane, 117149 Moscow, Russia

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ ДЕТЕЙ

© 2023 г. Н. В. Летова

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: letovanv@mail.ru

Поступила в редакцию 19.10.2022 г.

Аннотация. В статье автором рассмотрены особенности правосубъектности детей, обусловленные их участием в отношениях разноотраслевого вида (гражданские, семейные, процессуальные, трудовые), выявлены особенности их правоспособности и дееспособности, представлена взаимосвязь субъективных прав ребенка и специфики его межотраслевых связей, возникающих в связи с его участием в самых разных отношениях.

В статье сформулирован вывод о потребности учитывать в процессе правового регулирования отношений с участием детей именно нормы отраслевого вида, поскольку они определяют не только содержание его специальной правоспособности, но и позволяют конкретизировать значение индивидуальных критериев ребенка (возраст, гендерная принадлежность, состояние здоровья, социальное положение и др.) в содержании его правосубъектности.

Ключевые слова: дети, семья, традиционные семейные ценности, государство, правоспособность, дееспособность, отраслевая правоспособность, правосубъектность, права ребенка, защита, правовой статус, общий правовой статус, индивидуальный правовой статус, субъективные права и обязанности, приоритетная защита прав ребенка, сделки, законные представители.

Цитирование: *Летова Н. В.* Особенности правосубъектности детей // Государство и право. 2023. № 10. С. 125–132.

DOI: 10.31857/S102694520027963-0

FEATURES OF LEGAL PERSONALITY OF CHILDREN

© 2023 N. V. Letova

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: letovanv@mail.ru

Received 19.10.2022

Abstract. In the article, the author considers the features of the legal personality of children due to their participation in relations of a diversified type (civil, family, procedural, labor), reveals the features of their legal capacity and capacity, presents the relationship between the subjective rights of the child and the specifics of his intersectoral relations arising in connection with his participation in a variety of relationships.

The article formulates a conclusion about the need to take into account in the process of legal regulation of relations with the participation of children precisely the norms of a sectoral type, since they determine not only the content of his special legal capacity, but also allow specifying the meaning of the individual criteria of the child (age, gender, health status, social status and etc.) in the content of its legal personality.

Key words: children, a family, traditional family values, state, legal capacity, capacity, branch legal capacity, legal personality, the rights of the child, protection, legal status, general legal status, individual legal status. subjective rights and obligations, priority protection of the rights of the child, transactions, legal representatives.

For citation: *Letova, N.V. (2023). Features of legal personality of children // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 125–132.*

Защита семьи, материнства и детства провозглашены в качестве приоритетного направления семейной политики государства, а дети, в силу их особого правового положения, определены в качестве таких субъектов, которые нуждаются в особом внимании и поддержке. Дети относятся к наиболее уязвимой категории граждан в правовом смысле, что обусловлено причинами объективного характера, а именно: спецификой их правового статуса, отсутствием полной дееспособности, что не позволяет им самостоятельно защищать свои права и интересы, существенным влиянием возрастного критерия на содержание разноотраслевых норм с их участием¹.

Системные изменения, произошедшие в самых разных областях общественных отношений, трансформация социально-экономических отношений в стране предопределили появление возможностей для участия детей в качестве субъектов в самых разных отношениях, в частности семейных, гражданских, процессуальных, трудовых, корпоративных и др., что потребовало иного теоретического осмысления сущности их правосубъектности с учетом современных тенденций развития законодательства Российской Федерации.

Полагаем, что определение специфики правосубъектности детей не может быть выявлено в «отрыве» от общей направленности политики

государства, обеспечивающей потребности приоритетной защиты их прав и интересов, заботу об их благосостоянии и полноценном развитии, что свидетельствует о сохранении традиционных семейных ценностей, формирует морально-нравственную основу общества и является критерием благополучия государства. Потребность государства в обеспечении защиты детей в приоритетном порядке обусловлена в первую очередь их особым правовым положением, их индивидуальными потребностями с учетом умственного, нравственного, интеллектуального развития, возраста, состояния здоровья, гендерной принадлежности, потребности участия законных представителей (родителей, органов опеки и попечительства, в некоторых случаях государства), в защите их прав и интересов в целях восполнения неполной дееспособности².

Особенности правосубъектности конкретного ребенка проявляются не только с учетом его персональных критериев, которые указывают на его индивидуальные особенности, но и необходимости оценки специфики элементов, образующих состав правосубъектности (правоспособность, дееспособность, деликтоспособность), и принадлежности к общей группе субъектов, поименованной в законодательстве как несовершеннолетние³.

² Аналогичный подход закреплен в международных документах, посвященных детям. Так, «ребенок в силу его физической и умственной незрелости нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту как до, так и после рождения» (см.: Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989 г. (вступила в силу для СССР 15.09.1990 г.)) // Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI.

³ Как справедливо отмечали отдельные авторы, ранее права человека рассматривались как определенные блага, в содержании которых внимание было акцентировано на социально-экономической сфере, лицо есть носитель прав и обязанностей, а учет таких признаков, как социальные, национальные, половые, определялся как пропагандистская акция (см.: Чиркин В.Е. Конституция и международный опыт // Государство и право. 1998. № 12. С. 11, 12; Кельзен Г. Чистое учение о праве, справедливость и естественное право / пер. с нем., англ.,

¹ См.: *Glendon M.A.* The transformation of family Law States: law and Family in the United States and Western Europe. Chicago, London, 1989. P. 5; *Shmueli B.* Love and the law, children against mothers and fathers: or, what's love got to do with it? // *Duke Journal of Gender Law & Policy.* 2010. Vol. 17; *Смышляева О.В.* Семья и право, их создание в Российской Федерации: семейно-брачное регулирование и конституционно-судебная защита // *Российское правосудие.* 2017. № 12 (140). С. 56; *Нарутто С.В.* Семья как конституционная ценность // *Актуальные проблемы рос. права.* 2017. № 5. С. 21, 30; *Ермолаева Т.А., Ананьева А.А.* Гражданская правосубъектность физических лиц: эволюция содержания // *Lex russica.* 2019. № 12. С. 11; *Никитина Е.Е.* Система прав и свобод человека в условиях технологической революции // *Журнал рос. права.* 2020. № 8. С. 27–44; и др.

Структурные изменения социально-экономических отношений в нашей стране, цифровизация услуг, развитие предпринимательской деятельности, корпоративных, семейных, трудовых отношений способствовали тому, что несовершеннолетние стали их активными участниками, что потребовало иного взгляда на традиционные положения законодательства, направленные на определение их правового положения в соответствующих отношениях в целях обеспечения их полноценной защиты в гражданском обороте.

Современный уровень развития законодательства позволяет признать, что дети являются участниками самых разных общественных отношений, что обуславливает своеобразие их правового положения в зависимости от содержания разноотраслевых отношений. Регулирование отношений с их участием осуществляется в рамках разных отраслей российского законодательства, в частности гражданского, информационного, трудового, семейного права, гражданского процесса, что требует определения сущности специальных прав в содержании правосубъектности ребенка, их места в системе общих прав⁴. Как известно, специфика каждой отрасли права определяется с учетом регулируемых отношений, своеобразием метода их правового регулирования, который оказывает влияние не только на содержание специальных прав ребенка, но и на механизмы их регулирования, включая и те, которые направлены на защиту его прав и интересов.

Защиту прав и интересов ребенка осуществляют не только законные представители (родители, лица, их заменяющие, опекуны, попечители, усыновители), но и специальные органы, в частности уполномоченный по правам ребенка, который содействует восстановлению нарушенных прав и законных интересов ребенка, органы опеки и попечительства, комиссии по делам несовершеннолетних, прокурор, суд. В некоторых случаях помимо государственных органов и учреждений, их должностных лиц защиту прав детей осуществляет и нотариус, выступая от имени государства⁵. Очевидно, что перечень таких

лиц и органов достаточно широк, что свидетельствует о проведении политики государства, направленной на осуществление защиты ребенка в приоритетном порядке и возложении на государство такой заботы в особых случаях, когда ребенок относится к определенной социальной группе и взять заботу по его воспитанию не могут его законные представители, близкие родственники или иные граждане (ст. 67¹ Конституции РФ).

Как отмечалось, каждая из перечисленных отраслей права обладает не только специальным предметом, методом, определяющими особенности отраслевого регулирования соответствующих отношений, но и в процессе их реализации наглядно проявляется некоторая «трансформация» норм общего вида в специальные, что, в свою очередь, обуславливает не только их взаимосвязь, но и определяет присутствие отраслевых особенностей в содержании правосубъектности несовершеннолетних. В некотором смысле можно признать, что содержание специальных норм, направленных на регулирование отношений с участием детей, позволяют выделять не только их общую правосубъектность, но и специальную или отраслевую⁶.

В самом общем понимании правосубъектность указывает на свойство субъекта иметь субъективные права и юридические обязанности и осуществлять их в своих действиях. Наличие правосубъектности позволяет лицам выступать в качестве субъектов права, в том числе и быть участниками разноотраслевых отношений. Правосубъектность несовершеннолетнего выражается в его правоспособности, дееспособности и деликтоспособности, а конкретизируется именно в отношениях отраслевого вида, в процессе реализации его отдельных специальных прав (гражданских, процессуальных, семейных, трудовых, информационных и проч.). Полагаем, что содержание норм разноотраслевого вида, направленных на регулирование отношений с участием ребенка, определяют своеобразие его правового положения, поскольку именно их содержание оказывает непосредственное воздействие на нормы общего вида. Так, например, нормы Семейного кодекса РФ, определяющие возможности ребенка, достигшего возраста 10 лет, значительно

франц., сост. и вступ. ст. М.В. Антонова. СПб., 2015. С. 156, 157; *Поленина С.В.* Тридцатилетие Конвенции ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин // *Международное право и защита прав женщин.* М., 2009. С. 8, 9; и др.).

⁴ Об особенностях каждой из указанных отраслей, специфике защиты отдельных прав граждан, в том числе и детей, см.: *Летова Н.В., Михайлова Е.В., Соловяненко Н.И., Чуча С.Ю.* Судебная и несудебная защита гражданских, семейных и трудовых прав в условиях глобализации и цифровизации государства и общества // *Государство и право.* 2022. № 9. С. 66–74.

⁵ Как справедливо отмечают отдельные авторы, на практике родители нередко дают согласие на совершение ребенком сделки по распоряжению его имуществом, не отвечающей его интересам, в силу самых разных обстоятельств, в частности по

причине недобросовестного отношения к родительским обязанностям, личной заинтересованностью в ущербе интересам ребенка, поэтому задача нотариуса состоит в совершении действий, направленных на предотвращение таких сделок (см.: *Михайлова И.А.* Согласование сделок несовершеннолетних лиц: практические и теоретические проблемы // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2015. № 1. С. 8–13; *Левушкин А.Н.* Семейное право в нотариальной практике. М., 2018. С. 225; и др.).

⁶ См.: *Тарасова А.Е.* Правосубъектность граждан. Особенности правосубъектности несовершеннолетних, их проявления в гражданских правоотношениях. М., 2008. С. 274, 275; *Циндяйкина Е.П.* Перевод в трудовом праве. М., 2003. С. 7, 11; и др.

отличаются от соответствующих норм Гражданского кодекса РФ, предусматривающие иные возрастные границы в пределах гражданских отношений, определяющих участие лиц в имущественном и неимущественном обороте.

Как представляется, именно содержание отраслевых норм, их специфика позволяют определить их «видовое» влияние и воздействие на нормы общего вида, реализация которых помогает выявить отраслевые особенности правосубъектности ребенка. Можно признать, что отраслевые нормы, их содержание формируют иное представление о правосубъектности ребенка, именно отраслевые нормы, на наш взгляд, имеют преобладающее значение по отношению к нормам общего вида, в определенной степени «подстраивают их под себя», с учетом специфики отраслевого регулирования отношений с участием ребенка.

В этой связи, если рассматривать общие нормы по отношению к разноотраслевому, последние оказывают влияние не только на определение отраслевой специфики прав ребенка, но и существенно влияют на механизм реализации норм с его участием. Кроме того, теоретическое осмысление взаимосвязи и взаимообусловленности отраслевых и общих норм наглядно проявляется в рамках категории «правовой статус ребенка», когда специальные нормы, их практическая реализация фактически формируют содержание специального статуса ребенка, а нормы общего вида определяют содержание его общего статуса⁷.

В некотором смысле в законодательстве произошел определенный концептуальный «разворот» в сторону специальных норм, содержание которых позволило акцентировать внимание прежде всего на специальном правовом статусе ребенка, поскольку именно реализация отраслевых норм позволяет выявить специфику его отраслевой правосубъектности. Можно предположить, что участие детей в каких бы то ни было отношениях скорее обусловлено потребностью их участия в отраслевых отношениях, нежели отношениях общего вида, поскольку последние не в состоянии выявить своеобразие их отраслевых прав, содержание которых в конечном итоге формирует их специальный правовой статус и отраслевую правосубъектность. Кроме того, именно специальный статус ребенка помогает выявить специфику его прав.

Нормы общего вида, формирующие содержание общего статуса ребенка, как правило, указывают на наличие единых требований, распространяющихся на всех участников гражданского оборота,

⁷ О проблемах определения правового статуса ребенка в теории права, его видах, содержании и практическом значении см.: *Летова Н. В.* Семейный статус ребенка: проблемы теории и практики. М., 2018. С. 30, 53.

не конкретизируя особенности специальных прав ребенка. Именно специальный статус и, как следствие, отраслевые особенности правосубъектности ребенка позволяют учесть его персональные критерии, такие как индивидуальные особенности, навыки, привычки, наклонности, принадлежность к определенному полу, возраст, специфика участия его законных представителей, состояние здоровья, социальное положение и пр.

Иными словами, можно признать, что специфика правосубъектности ребенка нагляднее проявляется именно в процессе реализации специальных норм, что свидетельствует не только об активном вовлечении детей в гражданский оборот, но и о системном «опережении» специальных норм по отношению к общим, а значит, поступательном расширении «отраслевых возможностей» ребенка по достижении им определенного возраста.

Общеизвестно, что правоспособность – фундаментальный элемент правосубъектности, поскольку принадлежит каждому человеку от рождения, не зависит от каких-либо его личных качеств, является равной для всех без исключения, указывает на потенциальную возможность участия в самых разных отношениях ребенка, но и не конкретизирует его отдельные возможности⁸.

Статья 17 ГК РФ, определяющая понятие и содержание правоспособности, относится к общим нормам, которые определяют потенциальные возможности для участия в отношениях разноотраслевого вида, т.е. является общей предпосылкой для реализации в последующем специальных прав ребенка. Практическая возможность участия ребенка в различных по своей природе правоотношениях свидетельствует о том, что ребенок обладает разноотраслевой правоспособностью, содержание которой формируют его специальные права – гражданского, процессуального, трудового и семейного вида. Несмотря на то что ребенком считается лицо до достижения им возраста 18 лет (совершеннолетия)⁹, законом ему предоставлены самые разные права, реализация которых возможна по достижении указанного возраста. Так, например, он может вступить в брак до достижения совершеннолетия

⁸ Значение правоспособности было весьма точно описано Я. Р. Веберсом: «Правоспособность гражданина является обязательной предпосылкой обладания конкретными субъективными правами и обязанностями, предшествует каждому конкретному субъективному праву и обязанности» (см.: *Веберс Я. Р.* Правосубъектность граждан в советском гражданском и семейном праве. Рига, 1976. С. 41).

⁹ См.: Федеральный закон от 24.07.1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1998. № 31, ст. 3802.

(ст. 13 СК РФ)¹⁰, заключать сделки до 14 лет, от 14 до 18 лет (ст. 26, 28 ГК РФ), приобретать статус эмансипированного по достижении 16 лет (ст. 27 ГК РФ), заключать трудовой договор по достижении возраста 14 лет (ст. 20 ТК РФ)¹¹, защищать свои права в суде с 14 лет (ст. 37 ГПК РФ), а малолетние граждане в возрасте от восьми лет имеют право быть членами и участниками детских общественных объединений¹².

Расширение на практике сфер общественных отношений с участием ребенка актуализировало исследования по отдельным вопросам теории права, традиционные положения которых потребовали нового осмысления, в частности, вопроса о присутствии у ребенка специальной правоспособности, ее значении, месте по отношению к общей правоспособности и оценки новых предпосылок для ее отождествления с отраслевой. Действительно, указанные возможности участия детей в отношениях разного вида, выявление межотраслевых связей ребенка позволяют полемизировать о сущности и присутствии в его правосубъектности специальной правоспособности, возможно ли ее отождествление с отраслевой и является ли она полноценной «заменой» его общей правоспособности.

Как известно, в теории права под специальной правоспособностью понимается наличие у лица каких-либо особых прав, льгот, преимуществ или ограничений, предусмотренных разноотраслевыми нормами. Как правило, потребность в ее применении возникает, когда общая правоспособность не позволяет реализовать права ребенку, тогда и возникает необходимость в «привлечении» дополнительных прав. Полагаем, что такой подход к пониманию специальной правоспособности ребенка выглядит узко и одноаспектно, поскольку не учитывает всего многообразия межотраслевых связей ребенка и комплекса его специальных прав. Так, например, обратившись к отдельным нормам Семейного кодекса РФ, можно проследить достаточно широкое вовлечение детей в отраслевые отношения, что является дополнительным аргументом в пользу расширительного понимания его правоспособности в современных реалиях.

¹⁰ Как справедливо отмечают отдельные авторы, снижение брачного возраста на территории определенного субъекта Российской Федерации, привязанное к месту жительства, а не к национальности, говорит о необоснованном установлении различий, о дискриминации в зависимости от места жительства (см.: *Леканова Е. Е.* Правовая регламентация минимального брачного возраста: история и современность // *Актуальные проблемы рос. права.* 2020. № 8. С. 84–95; *Беспалов Ю. Ф.* Семейные отношения и семейные споры в практике судов РФ: науч.-практ. пособие. М., 2020; и др.).

¹¹ См.: СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. I), ст. 3.

¹² См.: Федеральный закон от 19.05.1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» (ст. 10) // СЗ РФ. 1995. № 21, ст. 1930.

Системный анализ содержания гл. 11 «Права несовершеннолетних детей» СК РФ позволяет утверждать, что ребенок обладает определенным набором прав, которые в подавляющем большинстве относятся к личным неимущественным правам, за исключением отдельных имущественных, поименованных в ст. 60 СК РФ. Если рассматривать семейную правоспособность как специальную, можно признать, что ребенок наделен юридически обеспеченной возможностью обладать не всеми правами и обязанностями, а лишь теми, которые ему предоставлены семейным законодательством. Вместе с тем необходимо учитывать, что такой структурный элемент в содержании правоспособности ребенка, как его обязанности, представлен весьма «условно» в гл. 11 СК РФ по сравнению с обязанностями, например, в сфере гражданских или трудовых отношений.

Кроме того, в содержании специальных прав ребенка проявляется их зависимость от индивидуальных критериев носителя таких прав, в частности возраста, с достижением которого законодатель связывает наступление специальных правовых последствий, обусловленных совершением определенных юридических фактов, например, достижение возраста 10 лет имеет особое значение именно в сфере семейных отношений (ст. 57 СК РФ), что не характерно для гражданских, процессуальных, трудовых. Таким образом, можно признать, что семейная правоспособность ребенка является специальной по отношению к другим ее видам, поскольку ребенок в сфере семейных отношений наделен большими возможностями и правами по достижении более раннего возраста, чем в иных отраслях, что указывает на присутствие в содержании его статуса специальных норм и позволяет говорить о наличии у него специальной правоспособности.

Считаем, что возрастной критерий имеет определяющее значение именно для характеристики особенностей правового положения детей, поскольку указывает на его принадлежность как к общей группе субъектов права (дети), так и отдельным (малолетние, несовершеннолетние, эмансипированные).

Кроме того, значение возрастного критерия наглядно проявляется именно в процессе реализации специальных прав ребенка, содержание которых обусловлено его возрастом, и с ним законодатель связывает наступление разных правовых последствий. Некоторые из них, например, прекращаются по достижении совершеннолетия (право ребенка жить и воспитываться в семье (ст. 54 СК РФ)¹³).

¹³ Как верно отмечала А. И. Пергамент, «каждый родившийся ребенок имеет право на воспитание как неотъемлемое от его личности субъективное право, возникающее одновременно с признанием ребенка субъектом права, т. е. с момента

Как правило, такое право ребенка ограничено сроком и прекращается в связи с тем, что ребенок больше не нуждается в родительском попечении и воспитании.

Как отмечалось ранее, правоспособность ребенка и ее содержание не совпадают с его субъективными правами, поскольку первая указывает на потенциальные его возможности, эти права условно находятся в статике, а их динамику обеспечивают как раз субъективные права ребенка, реализация которых осуществляется в том числе и в рамках его специальных прав¹⁴.

Правоспособность определяет стадию возможностей ребенка обладания определенными правами, движение которых осуществляется уже в рамках стадии реализации, а их динамика обеспечивается юридическими фактами. Так, статус эмансипированного позволяет ребенку «расширить» объем правосубъектности в связи с тем, что он занимается предпринимательской деятельностью, получает доход, может заключать трудовые договоры и защищать свои права в суде. В этом смысле наличие такого статуса позволяет ему иметь такой же набор прав и обязанностей, что у совершеннолетнего лица (ст. 27 ГК РФ).

Иными словами, наличие специального основания возникновения прав и обязанностей позволяет «вычленивать» не только его специальные права, но и признать, что законодатель дополняет, «расширяет» перечень его прав в связи с совершением им определенных юридических фактов.

Буквальное толкование ст. 17 ГК РФ позволяет констатировать, что законодатель признает за ребенком способность иметь не только права, составляющие содержание его правоспособности, но и нести обязанности, которые возникают с момента его рождения, но большую часть из них он может реализовать только по достижении определенного возраста. Это означает, что момент реализации отдельных прав ребенка не совпадает по времени с моментом реализации прав, которые составляют общую правоспособность ребенка, тем самым специальные права в определенном смысле «опережают» по времени реализации некоторые общие, что позволяет признавать за ними их особое место в содержании правоспособности ребенка и в системе его общих прав. Следует отметить, что субъективные права ребенка наглядно

его рождения» (см.: *Пергамент А.И.* Основания возникновения и сущность родительских прав. Правовые вопросы семьи и воспитания детей. М., 1968. С. 59).

¹⁴ По справедливому мнению отдельных авторов, правоспособность и все виды ее проявления в соотношении с субъективным правом лежат в сфере возможности, а субъективное право находится в сфере действительности (см.: *Чечот Д.М.* Избр. труды по гражданскому процессу. СПб., 2005. С. 18, 19).

проявляются через категорию правомочие, которое отличается динамикой и позволяет реализовать права ребенка на практике. Их динамика обусловлена не только системой юридических фактов, но и возможностью участия ребенка в качестве субъекта отраслевых правоотношений, а значит, быть дееспособным.

Семейная дееспособность ребенка отличается от гражданской и по объему, и по содержанию, как правило, по мере взросления ребенка она видоизменяется. Так, например, ребенок может вступить в брак по достижении возраста 16 лет (ч. 2 ст. 13 СК РФ), а недееспособное лицо, напротив, не может вступить в брак, стать усыновителем или опекуном ребенка (ст. 14, 127, 146 СК РФ). Особенность семейной дееспособности состоит в том, что ребенку не требуется наличие у него полной дееспособности для того, чтобы быть участником семейных отношений.

Учитывая значение возрастного критерия в содержании дееспособности, его можно рассматривать как разновидность межотраслевых критериев, учитываемых законодателем в самых разных отраслях права. Специфика отраслевых отношений, в частности семейных, обуславливает своеобразие дееспособности лица в таких отношениях, тем самым конкретизируя не только особенности его правового положения, но и позволяет рассматривать ее как специальную по отношению к общей дееспособности. На наш взгляд, специальная дееспособность позволяет как раз конкретизировать индивидуальные особенности носителя прав, то есть ребенка, как бы «трансформируя» общие критерии в частные, учесть его возраст, физическую и социальную зрелость в отраслевых отношениях. Это позволяет обеспечить необходимой динамикой его субъективные права, которые видоизменяются под влиянием юридических фактов, осуществление которых обусловлено наличием у ребенка хотя бы частичной дееспособности.

Нет сомнений, что права и интересы ребенка как личности должны быть не только признаны государством, но и гарантированно обеспечены защитой в лице его органов¹⁵ в целях закрепления за ребенком определенных благ для его благополучия.

¹⁵ Как верно отмечено в литературе, правовой статус личности и ее субъективные права в единстве с юридическими обязанностями являются средствами «прямого» обеспечения ее интересов. По утверждению С.Н. Братуся, субъективное право предоставлено для защиты и осуществления определенного интереса, однако интерес не является субъективным правом, а является его предпосылкой и целью. Другие авторы, напротив, считают, что трансформация статуса осуществляется через правосубъектность, которая иногда рассматривается в качестве элемента правового статуса в виде особого субъективного права (см.: *Братусь С.Н.* Субъекты гражданского права. М., 1950. С. 11; *Толстой Ю.К.* К теории правоотношения. Л., 1959. С. 45, 46;

* * *

На основании изложенного можно сформулировать вывод, что правоспособностью обладают все дети без исключения, динамика их прав проявляется в процессе его участия в отраслевых отношениях и обеспечивается системой юридических фактов. Перечень прав, составляющих содержание правоспособности, образует общий статус ребенка, соответственно, отраслевые права формируют содержание специального статуса ребенка и специальной правоспособности. Полагаем, что возможность ребенка иметь и общие, и специальные права обусловлена наличием у него индивидуальных критериев, которые определяют специфику как его правового положения в отношениях разноотраслевого вида, формируя содержание отраслевой правоспособности, так и его правосубъектности.

Возможность участия ребенка в самых разных отношениях свидетельствует о присутствии в российском законодательстве предпосылок для обеспечения его специальных прав и определения видовых особенностей его отраслевой правосубъектности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Беспалов Ю. Ф.* Семейные отношения и семейные споры в практике судов РФ: науч.-практ. пособие. М., 2020.
2. *Братусь С. Н.* Субъекты гражданского права. М., 1950. С. 11.
3. *Веберс Я. Р.* Правосубъектность граждан в советском гражданском и семейном праве. Рига, 1976. С. 41.
4. *Ермолаева Т. А., Ананьева А. А.* Гражданская правосубъектность физических лиц: эволюция содержания // *Lex russica*. 2019. № 12. С. 11.
5. *Ильина О. Ю., Туманова Л. В.* Материальные основания и процессуальные условия обеспечения интересов ребенка при рассмотрении судами дел об установлении его происхождения // *Вестник Тверского гос. ун-та. Сер.: Право*. 2017. № 1. С. 68.
6. *Кельзен Г.* Чистое учение о праве, справедливость и естественное право / пер. с нем., англ., франц., сост. и вступ. ст. М. В. Антонова. СПб., 2015. С. 156, 157.
7. *Леканова Е. Е.* Правовая регламентация минимального брачного возраста: история и современность // *Актуальные проблемы рос. права*. 2020. № 8. С. 84–95.
8. *Летова Н. В.* Семейный статус ребенка: проблемы теории и практики. М., 2018. С. 30, 53.
9. *Летова Н. В., Михайлова Е. В., Соловяненко Н. И., Чуча С. Ю.* Судебная и несудебная защита гражданских, семейных и трудовых прав в условиях глобализа-

Ильина О. Ю., Туманова Л. В. Материальные основания и процессуальные условия обеспечения интересов ребенка при рассмотрении судами дел об установлении его происхождения // *Вестник Тверского гос. ун-та. Сер.: Право*. 2017. № 1. С. 68; и др.).

- ции и цифровизации государства и общества // *Государство и право*. 2022. № 9. С. 66–74.
10. *Левушкин А. Н.* Семейное право в нотариальной практике. М., 2018. С. 225.
  11. *Михайлова И. А.* Согласование сделок несовершеннолетних лиц: практические и теоретические проблемы // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2015. № 1. С. 8–13.
  12. *Нарутто С. В.* Семья как конституционная ценность // *Актуальные проблемы рос. права*. 2017. № 5. С. 21, 30.
  13. *Никитина Е. Е.* Система прав и свобод человека в условиях технологической революции // *Журнал рос. права*. 2020. № 8. С. 27–44.
  14. *Пергамент А. И.* Основания возникновения и сущность родительских прав. Правовые вопросы семьи и воспитания детей. М, 1968. С. 59.
  15. *Поленина С. В.* Тридцатилетие Конвенции ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин // *Международное право и защита прав женщин*. М., 2009. С. 8, 9.
  16. *Смышляева О. В.* Семья и право, их создание в Российской Федерации: семейно-брачное регулирование и конституционно-судебная защита // *Российское правосудие*. 2017. № 12 (140). С. 56.
  17. *Тарасова А. Е.* Правосубъектность граждан. Особенности правосубъектности несовершеннолетних, их проявления в гражданских правоотношениях. М., 2008. С. 274, 275.
  18. *Толстой Ю. К.* К теории правоотношения. Л., 1959. С. 45, 46.
  19. *Циндяйкина Е. П.* Перевод в трудовом праве. М., 2003. С. 7, 11.
  20. *Чечот Д. М.* Избр. труды по гражданскому процессу. СПб., 2005. С. 18, 19.
  21. *Чиркин В. Е.* Конституция и международный опыт // *Государство и право*. 1998. № 12. С. 11, 12.
  22. *Glendon M. A.* The transformation of family Law States: law and Family in the United States and Western Europe. Chicago, London, 1989. P. 5.
  23. *Shmueli B.* Love and the law, children against mothers and fathers: or, what's love got to do with it? // *Duke Journal of Gender Law & Policy*. 2010. Vol. 17.

REFERENCES

1. *Bespalov Yu. F.* Family relations and family disputes in the practice of the courts of the Russian Federation: scientific and practical manual. M., 2020 (in Russ.).
2. *Bratus S. N.* Subjects of Civil Law. M., 1950. P. 11 (in Russ.).
3. *Webers Ya. R.* Legal personality of citizens in Soviet Civil and Family Law. Riga, 1976. P. 41 (in Russ.).
4. *Ermolaeva T. A., Ananyeva A. A.* Civil legal personality of individuals: the evolution of content // *Lex russica*. 2019. No. 12. P. 11 (in Russ.).
5. *Ilyina O. Yu., Tumanova L. V.* The material grounds and procedural conditions for ensuring the interests of the child

- when considering cases by courts on the establishment of his origin // Herald of the Tver State University. Ser.: Law. 2017. No. 1. P. 68 (in Russ.).
6. *Kelsen G.* Pure doctrine of law, justice and natural law / transl. from German, English, French, comp. and intro. art. M.V. Antonov. SPb., 2015. P. 156, 157 (in Russ.).
  7. *Lekanova E.E.* Legal regulation of the minimum age of marriage: history and modernity // Actual problems of Russ. law. 2020. No. 8. P. 84–95 (in Russ.).
  8. *Letova N.V.* The family status of a child: problems of theory and practice. M., 2018. P. 30, 53 (in Russ.).
  9. *Letova N.V., Mikhailova E.V., Solovyanyenko N.I., Chucha S. Yu.* Judicial and non-judicial protection of civil, family and labor rights in the context of globalization and digitalization states and societies // State and Law. 2022. No. 9. P. 66–74 (in Russ.).
  10. *Levushkin A.N.* Family Law in notary practice. M., 2018. P. 225 (in Russ.).
  11. *Mikhailova I.A.* Coordination of transactions of minors: practical and theoretical problems // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2015. No. 1. P. 8–13 (in Russ.).
  12. *Narutto S.V.* Family as a constitutional value // Actual problems of Russ. law. 2017. No. 5. P. 21, 30 (in Russ.).
  13. *Nikitina E.E.* The system of human rights and freedoms in the conditions of the technological revolution // Journal of Russ. law. 2020. No. 8. P. 27–44 (in Russ.).
  14. *Parchment A.I.* The grounds for the emergence and essence of parental rights. Legal issues of family and child rearing. M., 1968. P. 59 (in Russ.).
  15. *Polenina S.V.* Thirtieth anniversary of the UN Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women // International Law and the protection of women's rights. M., 2009. P. 8, 9 (in Russ.).
  16. *Smyshlyaeva O.V.* Family and law, their creation in the Russian Federation: family and marriage regulation and constitutional and judicial protection // Russian Justice. 2017. No. 12 (140). P. 56 (in Russ.).
  17. *Tarasova A.E.* Legal personality of citizens. Features of the legal personality of minors, their manifestations in civil legal relations. M., 2008. P. 274, 275 (in Russ.).
  18. *Tolstoy Yu.K.* To the theory of legal relations. L., 1959. P. 45, 46 (in Russ.).
  19. *Tsindyakina E.P.* Translation in Labor Law. M., 2003. P. 7, 11 (in Russ.).
  20. *Chechot D.M.* Selected works on Civil Procedure. SPb., 2005. P. 18, 19 (in Russ.).
  21. *Chirkin V.E.* Constitution and international experience // State and Law. 1998. No. 12. P. 11, 12 (in Russ.).
  22. *Glendon M.A.* The transformation of family Law States: law and Family in the United States and Western Europe. Chicago, London, 1989. P. 5.
  23. *Shmueli B.* Love and the law, children against mothers and fathers: or, what's love got to do with it? // Duke Journal of Gender Law & Policy. 2010. Vol. 17.

Сведения об авторе

ЛЕТОВА Наталия Валерьевна —
доктор юридических наук,
главный научный сотрудник сектора
процессуального права
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

LETOVA Natalia V. —
Doctor of Law,
Chief Researcher, Sector of Procedural Law,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

НАЦИОНАЛЬНЫЕ КОДИФИКАЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА: ОБЩИЙ ЗАКОН УРУГВАЯ № 19.920

© 2023 г. Н. Ю. Ерпылева*, И. В. Гетьман-Павлова**, А. С. Касаткина***

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва

*E-mail: natasha.erpyleva@rambler.ru

**E-mail: getmanpav@mail.ru

***E-mail: akusatkina@hse.ru

Поступила в редакцию 22.03.2022 г.

Аннотация. Процессы национальной кодификации международного частного права и международно-гражданского процесса в современном мире отличаются высокой интенсивностью, однако каждое государство демонстрирует свои специфические особенности. В этом отношении страны Латинской Америки представляют большой интерес — кодифицированное международное частное право во многих из них появилось уже в XIX в., и тогда же начались процессы его региональной унификации. При том, что национальное международное частное право во всех этих странах изначально было международно-ориентированным, каждый законодатель решал вопросы его систематизации по-своему. Ввиду этого представляет интерес предпринять краткий анализ Общего закона о международном частном праве Уругвая, который был принят в 2020 г. и вступил в силу в 2021 г. Исследование нацелено на выяснение и осмысление мотивов рекодификации международного частного права / международного гражданского процесса Уругвая; анализ способа (формы) кодификации и выявление причин его избрания; оценку способа кодификации и основных новелл, получивших закрепление в новом нормативном акте. При проведении исследования использовались актуальная юридическая методология: сравнительно-правовой и диалектический методы, методы исторического анализа, смыслового и догматического толкования закона. Анализ Общего закона Уругвая позволяет прийти к выводу, что избранный законодателем способ двухчастной кодификации международного частного права / международного гражданского процесса является не совсем удачным: в нем отсутствует важнейшая часть — нормы о признании и исполнении иностранных решений. В стране произведена автономная комплексная кодификация международного частного права / международного гражданского процесса, но она получилась неполной и логически незавершенной. Содержательно новый Закон заслуживает высокой оценки, удачно совмещая традиционные латиноамериканские подходы с новейшими разработками, присутствующими в международных актах и доктринальных исследованиях.

Ключевые слова: международное частное право, Уругвай, кодификация, коллизионные нормы, международная юрисдикция, коллизионная и процессуальная автономия воли.

Цитирование: Ерпылева Н.Ю., Гетьман-Павлова И.В., Касаткина А.С. Национальные кодификации международного частного права: Общий закон Уругвая № 19.920 // Государство и право. 2023. № 10. С. 133–148.

Статья подготовлена с помощью СПС «КонсультантПлюс».

DOI: 10.31857/S102694520027960-7

NATIONAL CODIFICATIONS OF PRIVATE INTERNATIONAL LAW: GENERAL LAW OF URUGUAY No. 19.920

© 2023 N. Yu. Erpyleva*, I. V. Get'man-Pavlova**, A. S. Kasatkina***

National Research University Higher School of Economics, Moscow

*E-mail: natasha.erpyleva@rambler.ru

**E-mail: getmanpav@mail.ru

***E-mail: akusatkina@hse.ru

Received 22.03.2022

Abstract. The processes of national codification of Private International Law and International Civil Procedure in the modern world are characterized by high intensity, but each state demonstrates its own specific features. In this regard, Latin American countries are of great interest – the codified Private International Law appeared in many of them already in the XIX century, and then the processes of its regional unification began. Despite the fact that the national Private International Law in all these countries was initially internationally oriented, each legislator solved the issues of its systematization in his own way. In view of this, it is of interest to undertake a brief analysis of the General Law on Private International Law of Uruguay, which was adopted in 2020 and entered into force in 2021. The research is aimed at clarifying and understanding the motives for the recodification of Private International Law / International Civil Procedure of Uruguay; analyzing the method (form) of codification and identifying the reasons for its election; evaluating the method of codification and the main novelties that have been consolidated in the new normative act. During the research, the relevant legal methodology was used: comparative legal and dialectical methods, methods of historical analysis, semantic and dogmatic interpretation of the law. Analysis of the General Law of Uruguay allows us to conclude that the method of two-fold codification of Private International Law / International Civil Procedure chosen by the legislator is not entirely successful: it lacks the most important part – the rules on recognition and enforcement of foreign decisions. An autonomous complex codification of Private International Law / International Civil Procedure has been carried out in the country, but it turned out to be logically incomplete. The new General Law deserves high evaluation for its content, successfully combining traditional Latin American approaches with the latest developments present in international acts and doctrinal studies.

Key words: Private International Law, Uruguay, codification, conflict of laws rules, international jurisdiction, conflict and procedural party autonomy.

For citation: Erpyleva, N. Yu., Get'man-Pavlova, I.V., Kasatkina, A.S. (2023). National codifications of Private International Law: General Law of Uruguay No. 19.920 // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 133–148.

The article was prepared with the help of the SPS “ConsultantPlus”.

Введение

С точки зрения кодификации международного частного права Латинская Америка – привлекательный регион. Процессы региональной унификации МЧП здесь начинаются раньше всех в мире. В конце 1880-х годов в Европе только идет подготовка к созыву Первой Гагской конференции по МЧП, а в Латинской Америке в 1889 г. уже работает Первый Южноамериканский конгресс, который принимает Договор о международном гражданском праве (1889)¹ (далее – Договор Монтевидео). Национальные кодификационные процессы в сфере МЧП в этом регионе также начались раньше, чем во многих европейских государствах.

Среди других стран региона «Уругвай всегда был центром международного частного права»² – это высказывание абсолютно справедливо: именно в Монтевидео был принят первый акт региональной унификации МЧП, и в дальнейшем столица государства многократно давала свое название различным соглашениям в этой сфере. С XIX в. в Уругвае существует «выдающаяся международная доктрина»³, которая внесла свой вклад

в развитие МЧП в двух его направлениях – национальном и международном. Не случайно кодифицированное МЧП появилось в стране достаточно рано – в 1868 г., а его рекодификация произведена в 1941 г. Два года назад произошло еще более значимое событие: вступил в силу Общий закон, представляющий собой акт автономной комплексной кодификации МЧП / МГП⁴. Представляется, что для отечественной доктрины и практики будет небезынтесным познакомиться с его основными характеристиками.

1. Мотивы принятия Общего закона о международном частном праве Уругвая

До принятия Общего закона в Уругвае имели место две кодификации МЧП. Первый ГК Уругвая (1868) воспринимал модель Гражданского кодекса Чили (1855), основанного, в свою очередь, как на испанских *Siete Partidas* (1265) и *Recopilacions*⁵, так и на Французском гражданском кодексе (1804). Это касается и сферы МЧП – Вводный титул

de la Ley General del 2016 // Anuario Hispano-luso-americano de Derecho Internacional. 2017–2018. Vol. 23. P. 428.

⁴ Все тексты иностранных законов на рус. языке даны по сайту: Проектная группа «Современная конструкция международного частного права». Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» [Electronic resource] available at URL: <http://pravo.hse.ru/intprilaw/> (здесь и далее по всем интернет-ресурсам дата обращения: 24.02.2023).

⁵ Новый сборник Кастилии (*Nueva Recopilacion de Castilla*) (1567) и сборник законов Индийских королевств (*Recopilacion de Leyes de los Reinos de las Indias*) (1680).

¹ Действующая редакция принята на Втором Южноамериканском конгрессе по МЧП (1939/1940).

² *Samtleben J., Lorenzo Idiarte G.A.* Das Allgemeine Gesetz des Internationalen Privatrechts von Uruguay // *Rabels Zeitschrift für Ausländisches und Internationales Privatrecht.* 2021. Vol. 85. S. 811.

³ *Ortiz de la Torre T.J.A.* El Derecho Internacional Privado de la Republica Oriental del Uruguay: Una Aproximacion con Motivo

к Гражданскому кодексу в разделе о действии законов в пространстве содержит краткий перечень основных коллизионных решений, выведенных из теории статутов (личный статут, имущества, договоры, форма актов и публичный порядок). Еще несколько разрозненных коллизионных норм (брачно-семейные и наследственные отношения) закрепляется в других разделах Кодекса. Такой способ кодификации свойствен законодательству XIX в., и Гражданский кодекс 1868 г. устанавливал достаточно передовое для того времени решение (учитывая, что многие развитые европейские страны не имели кодифицированных норм МЧП).

Рекодификация уругвайского МЧП была произведена в 1941 г. посредством принятия Приложения к ГК (Закон Варгаса⁶) в ходе реформы гражданского законодательства. Нормы МЧП были сведены в отдельный заключительный титул (ст. 2393–2404); общие положения не устанавливались (за исключением оговорки о публичном порядке); ст. 2401–2403 кратко и самым общим образом закрепляли правила международной юрисдикции. Наличие в Законе Варгаса правил разрешения конфликтов как законов, так и юрисдикций позволяет утверждать, что способ кодификации претерпел существенные изменения — это уже не простая, а комплексная внутриотраслевая форма. Содержательно новое коллизионное регулирование было основано не столько на национальных, сколько на интернациональных подходах — по существу, оно следовало положениям Договора Монтевидео, «чи правила продолжают оставаться неизбежным ориентиром для адекватного определения и толкования различных частных правоотношений»⁷. Оказание правовой помощи и исполнение иностранных решений всегда кодифицировались отдельно в рамках процессуальных законов; кроме того, обширный конгломерат коллизионных норм фиксировался в различных законах — о детях, ценных бумагах, легализации и т.д.

Однако «с 1941 года социальная, политическая и экономическая реальность головокружительно трансформировалась... 1) международная

⁶ Главный автор Приложения — уругвайский профессор МЧП Альваро Варгас Гильметте (*Alvaro Vargas Guillemette*).

⁷ *Operti Badán D., Fresnedo de Aguirre C.* The Latest Trends in Latin American Private International Law: The Uruguayan 2009 General Law on Private International Law // *Yearbook of Private International Law*. 2009. Vol. 11. P. 315. Тем не менее в уругвайской доктрине отмечается, что многие решения, воплощенные в Договоре, «со временем демонстрируют очевидную деградацию» (см.: *Santos Belandero R.* Ley general de Derecho internacional privado de la República Oriental del Uruguay 19.920, de 17 de noviembre de 2020. El texto y su contexto americano — Curso general. Montevideo, 2021. P. 12 (здесь и далее страницы указаны по интернет-версии) [Electronic resource] available at URL: <https://www.litres.ru/asociacion-de-escrib/ley-general-de-derecho-internacional-privado-de-la-re/chitat-onlayn/page-12/>

политическая арена: в 1941 году мы были в эпицентре Второй мировой войны, а сейчас находимся в сложной многополярности с запретом на применение силы и угрозы ее применения; 2) межнациональные семейные отношения, правила регулирования которых стали более гибкими... 3) система международной торговли... явления глобализации, миграции и т.д.»⁸. Сфера МЧП подверглась не менее «головокружительной трансформации» — появились новые способы кодификации (комплексный автономный, комплексный внутриотраслевой, межотраслевой), интенсифицировались процессы региональной и универсальной унификации. Ввиду этого в начале 1990-х годов в Уругвае и законодатель, и юристы-практики, и академическое сообщество пришли к консенсусу о необходимости разработать новое регулирование.

В 1998 г. по инициативе уругвайского ученого и политика Дидье Оперти Бадана (*Didier Operti Badán*)⁹ в Институте МЧП¹⁰ была создана рабочая группа для разработки проекта закона. В ее состав под руководством Д. Оперти Бадана вошли наиболее известные уругвайские ученые-юристы¹¹. Первый Проект был представлен парламенту в 2004 г., но судьба его оказалась нелегкой — он пересматривался и претерпевал изменения в 2009, 2013 и 2016 гг., а окончательно Закон о МЧП был принят 27 ноября 2020 г. (вступил в силу 16.03.2021 г.)¹². Таким образом, процесс новой кодификации МЧП Уругвая занял более 20 лет.

Мотивы принятия Закона о МЧП предваряют тексты всех его проектов. Вкратце они сводятся к следующему¹³.

1. Признание принципа защиты прав человека и основных свобод в качестве когентной нормы международного права. основополагающие универсальные и региональные акты, отражающие

⁸ *Ferreira Marino A.M.* Criterios de atribución de competencia directa en la reforma del derecho internacional privado uruguayo // *Revista Electrónica de Derecho Internacional Contemporáneo*. 2022. Vol. 5. No. 5 [Electronic resource] available at URL: <https://revistas.unlp.edu.ar/Redic/article/view/13431/12847>

⁹ Занимал в то время пост министра иностранных дел Уругвая.

¹⁰ Структурное подразделение факультета права Университета Монтевидео.

¹¹ Berta Feder, Cecilia Fresnedo, Carmen González, Ronald Herbert, Marcelo Solari, Eduardo Telchea Bergman, Paul Arrighi, Gonzalo Lorenzo, Jorge Tálce et al.

¹² См.: Ley 19.920. Apruebase la Ley General de Derecho Internacional Privado (5.373*R). Подробнее о перипетиях принятия Закона см.: *Samtleben J., Lorenzo Idiarte G.A.* Op. cit. S. 819–827.

¹³ См.: Exposición de motivos del anteproyecto de ley de Derecho Internacional Privado de la Rep. Oriental del Uruguay [Electronic resource] available at URL: http://www.derechocomparado.org.ar/sites/default/files/DIP.LEY_PROYECTO.EXPOSICIONMOTIVOS.OCT08.FINALFINAL.pdf

динамику принципа защиты прав человека, были приняты после Второй мировой войны, и национальное измерение МЧП необходимо привести в соответствие с ними. В частности, право на свободный доступ к правосудию — одно из основных прав человека, которое должно быть гарантировано законодательством, регулирующим трансграничные частные отношения.

2. Международная нормативная эволюция МЧП — количество унифицированных на наднациональном уровне норм «печально умножилось с 1940 года». Уругвай активно участвует в региональной интеграции, являясь членом Организации американских государств (далее — ОАГ), Общего рынка стран Южной Америки (далее — МЕРКОСУР) и стороной многих заключенных в рамках этих объединений договоров¹⁴. С самого начала работы Межамериканской специализированной конференции по МЧП (CIDIP) Уругвай выступает ее деятельным участником. На универсальном уровне Уругвай как член ООН присоединился к ряду соглашений, разработанных под эгидой ЮНСИТРАЛ и УНИДРУА. В 1983 г. Уругвай вступил в Гаагскую конференцию по МЧП и ратифицировал несколько Гаагских конвенций по вопросам МЧП / МГП. Таким образом, «международное измерение» МЧП Уругвая претерпело принципиальные изменения, которые в соответствии с принципом *pacta sunt servanda* требуют адаптации во внутренней сфере.

3. Концептуальное и нормативное развитие МЧП, обновление его контента как с точки зрения международных унифицированных норм, так и с точки зрения теорий сравнительного права, которые стремятся к наиболее гибким, но одновременно определенным и единообразным решениям. Современное национальное измерение МЧП должно представлять собой синтез оптимальных международных правил и наиболее востребованных доктрин сравнительного правоведения. В частности, нормы о разрешении конфликтов законов должны составлять единую систему с нормами о разрешении конфликта юрисдикций.

4. Особое место международного торгового права и специфика его источников. Общее признание *lex mercatoria* как самого удобного регулятора трансграничной коммерции произошло в последней четверти XX в., с 90-х годов идет стремительное развитие онлайн-коммерции. Данные тенденции необходимо закрепить в национальном источнике МЧП.

¹⁴ Кроме ОАГ и МЕРКОСУР, Уругвай принимает участие и в других региональных интеграционных объединениях — Группе Рио, ОПАНАЛ, МАБР, ЛАИ, ЛАЭС, Андского сообщества, Латиноамериканской ассоциации свободной торговли.

Во время последнего обсуждения Проекта в Палате сенаторов было подчеркнуто, что сейчас мир столкнулся с трансцендентной проблемой, поскольку значение МЧП (которое всегда было «великим сценарием интернационализма») еще более усилилось в связи с расширением международной торговли и миграционными потоками, когда миллионы людей постоянно перемещаются из одного места в другое. Для регулирования таких отношений необходим закон, представляющий собой фундаментальное прогнозирование, поскольку «для человека нет ничего хуже, чем непредсказуемость, муки нерешительности, незнание того, какой закон или какой суд компетентны применительно к его деяниям»¹⁵.

При этом авторы текста Закона изначально подчеркивали, что новое регулирование не означает радикальной модификации существующих решений, правильность которых подтверждена временем и судебной практикой. Цель более скромная: обновить национальные правила, согласовав их с международными нормами, уже ратифицированными Уругваем или в разработке которых Уругвай активно участвовал, учесть достижения сравнительного правоведения, чтобы МЧП Уругвая не оказалось в неуместной изоляции¹⁶.

Подобная мотивация является практически всеобщей — *mutatis mutandis* эти же аргументы приводятся в других странах Латинской Америки, которые производят рекодификацию МЧП¹⁷. Перечисленные мотивы представляются весьма убедительными. Действительно, основные принципы МЧП (*lex personalis*, *lex rei sitae*, *lex actus*, *lex voluntatis*), известные в Древнем мире, вполне успешно действуют и в наши дни. Однако все меняется, и если до конца 1980-х годов МЧП было одной из самых стабильных отраслей законодательства и функционировало практически без изменений на протяжении многих десятилетий, то к настоящему моменту повсеместно идет процесс его масштабного обновления. Новое поколение прав человека, как и новые технологии, порождает проблемы выбора права для неизвестных ранее отношений — интернет-транзакции, право на индивидуальность, определение центра жизненных интересов физического лица. Новые правоотношения требуют пересмотра коллизионного

¹⁵ *Ferreira Marino A.M.* Op. cit.

¹⁶ Exposición de motivos del anteproyecto.

¹⁷ См., напр.: Exposición de Motivos de la Ley De Derecho Internacional Privado. Venezuela [Electronic resource] available at URL: <http://www.defiendete.org/html/de-interes/LEYES%20DE%20VENEZUELA/>; Exposición de Motivos. Anteproyecto de Ley de Derecho Internacional Privado. Chile [Electronic resource] available at URL: https://www.uchile.cl/documentos/revisa-el-anteproyecto-de-ley-de-derecho-internacional-privado_168925_1_0739.pdf

регулирования, его адаптации к реалиям объективной жизни.

2. Способ (форма) кодификации

Общий закон о МЧП¹⁸ имеет комплексный характер, включая правила разрешения как конфликта законов, так и конфликта юрисдикций, при этом коллизионные нормы предшествуют юрисдикционным правилам. Такая очередность справедливо критикуется в доктрине — «по *временному порядку* первоначально должна быть определена международная юрисдикция..., чтобы судья мог применить то или иное право, будь то закон суда или иностранное право, он должен сначала обладать “*международной юрисдикцией или компетенцией*”, а затем, после того как национальная юрисдикция и компетенция будут исчерпаны, он должен ознакомиться с данным процессом... применить соответствующее право, указанное в коллизионной норме, и вынести соответствующее решение»¹⁹. Действительно, более логичным было бы решение по схеме: общие вопросы — международная юрисдикция — применимое право²⁰.

Поскольку в Законе закреплены как правила выбора применимого права (коллизионные нормы), так и основные начала международного гражданского процесса, то, вроде бы, можно говорить, что Уругвай произвел комплексную автономную кодификацию МЧП / МГП. Однако в Законе отсутствует необходимый третий элемент полномасштабной кодификации — нормы о признании и исполнении иностранных судебных актов. Это весьма своеобразное решение, хотя и не новое на мировой арене — схожая модель закреплена в Законе о МЧП Албании (2011): он имеет двухчастную структуру²¹, и сфера его действия — правила о праве, применимом к гражданским правоотношениям с иностранным элементом, а также юрисдикция

и процессуальные правила по гражданским правоотношениям с иностранным элементом (ст. 1). Нормы о правовой помощи, признании и исполнении иностранных решений в Законе Албании отсутствуют.

Албанское регулирование не использовалось в качестве источника Закона Уругвая. Подробный перечень источников приводится в текстах проектов Закона; кроме Органического закона о судостроительстве (1985), Гражданского кодекса и Общего процессуального кодекса (1988; ред. 1997) (далее — ОПК) Уругвая, доминирующее положение занимают международно-правовые акты: двусторонние договоры Уругвая с Аргентиной, Чили и Перу, региональные соглашения в рамках CIDIP²², ОАГ, МЕРКОСУР, конвенции и регламенты ЕС, универсальные акты ЮНСИТРАЛ, УНИДРУА, Гагской конференции по МЧП. Также уругвайские специалисты использовали законы о МЧП Венесуэлы (1998), Швейцарии (1987), Италии (1995), Кодекс МЧП Бельгии (2004)²³, т.е. тот иностранный опыт, который однозначно предлагает полномасштабную кодификацию МЧП по трехчастной структуре: компетентная юрисдикция — применимое право — исполнение иностранных решений. Именно подобное структурирование позволяет говорить, что в стране действует комплексный автономный закон о МЧП.

К моменту начала работы над законопроектом из всех государств Латинской Америки комплексный автономный закон о МЧП был принят только в Венесуэле. Несмотря на то что в этом регионе есть международный договор, практически полностью унифицирующий МЧП / МГП (Кодекс Бустаманте)²⁴, латиноамериканские национальные законодатели (в отличие от европейских) никогда не демонстрировали пристрастия к автономной кодификации МЧП, предпочитая ей путь внутриотраслевой (простой или комплексной) кодификации. Однако общая глобальная тенденция автономной кодификации (обозначившаяся в Европе в 1980-х годах) в XXI в. стала трендом и в этом регионе — в 2014 г. были приняты Закон о МЧП Доминиканской Рес-

¹⁸ Закон состоит из 13 глав, отдельные из которых содержат всего одну статью: I. Общие положения (ст. 1–13); II. Место жительства физических лиц (ст. 14–16); III. Существование, семейное положение и дееспособность физических лиц (ст. 17–21); IV. Семейное право (ст. 22–29); V. Наследование (ст. 30–32); VI. Юридические лица (ст. 33–38); VII. Вещи (ст. 39–42); VIII. Форма актов (ст. 43); IX. Обязательства (Секция I. Обязательства из контрактов — ст. 44–51; Секция II. Обязательства из закона — ст. 52, 53); X. Доверенности (ст. 54); XI. Прескрипции (сроки давности) (ст. 55, 56); XII. Международная юрисдикция (ст. 57–61); XIII. Заключительные положения (ст. 62, 63).

¹⁹ *Ortiz de la Torre T.J.A.* Op. cit. P. 433, 451.

²⁰ По такой схеме построен, в частности, т. IV «Нормы по международному частному праву» ГТК Аргентины (2014).

²¹ Поскольку во всех современных кодификациях МЧП есть отдельная часть «Общие положения», то двухчастная структура — это: общие положения, 1) правила выбора права, 2) правила определения международной юрисдикции; трехчастная — общие положения, 1) правила определения международной юрисдикции, 2) правила выбора права, 3) правила исполнения иностранных судебных решений.

²² Наибольшее влияние на текст Закона оказала Межамериканская конвенция об общих нормах международного частного права (Монтевидео, 1979) (далее — Конвенция Монтевидео). Эта Конвенция с точки зрения ее объекта является уникальной. Текст Конвенции см.: [Electronic resource] available at URL: <https://aldiaargentina.microjuris.com/wp-content/uploads/2014/06/convencic3b3n-interamericana-sobre-normas-generales-de-derecho-internacional-privado.pdf>

²³ *Exposicion de motivos del anteproyecto.*

²⁴ Уругвай в этом соглашении не участвует, но государственные суды эпизодически применяли его положения «в силу разумности и целесообразности».

публики и Кодекс МЧП Панамы²⁵. Эти акты, как и венесуэльский закон, построены по трехчастной структуре. На момент обсуждения проекта Закона в парламенте Уругвая в 2016 г. законы Доминиканской Республики и Панамы вступили в силу, их подготовка шла параллельно уругвайской, их проекты были хорошо известны уругвайскому юридическому сообществу. При этом даже на начальном этапе работы над Проектом не рассматривался вариант включения в Закон положений об исполнении иностранных решений.

Уругвайский законодатель пошел по нестандартному пути — принял двухчастный закон, включающий: 1) общие положения МЧП и конкретные правила выбора права; 2) правила международной юрисдикции. В итоге единого акта кодификации МЧП / МГП в стране так и нет — Общий закон 2020 г., конечно, является комплексным автономным правовым документом, но его нельзя считать полномасштабной кодификацией. Нормы, регламентирующие оказание международной правовой помощи и исполнение иностранных судебных актов, остаются в ОПК. Естественно, возникают вопросы о причинах такого решения (единственного подобного в регионе).

Прежде всего здесь сказывается модель, закрепленная в Договоре Монтевидео²⁶, титулы I—XII (ст. 1—55) которого содержат нормы МЧП, а титул XIV (ст. 56—64) посвящен международной юрисдикции²⁷. В списке источников Закона Договор возглавляет его международно-правовую составляющую. Договор Монтевидео — национальная гордость уругвайской доктрины МЧП: он был принят на Первом Южноамериканском конгрессе по МЧП, созванном по инициативе уругвайского юриста Гонсало Рамиреса (*Gonzalo Ramirez*). Роль Рамиреса в развитии и кодификации МЧП в Латинской Америке сравнивают с ролью его современника Паскуале Станислао Манчини в Европе. Что касается редакции Договора 1940 г., то главой делегации Уругвая на Втором конгрессе Монтевидео (1939) был проф. Альваро Варгас Гильметте, вдохновитель и основной автор Приложения к ГК 1941 г. Уругвайские ученые-юристы, отличавшиеся высокой квалификацией уже в XIX в., внесли огромный вклад в разработку текстов Договора и в 1889, и в 1940 гг.: «Договоры Монтевидео были кузницей, из которой выросло национальное

сознание»²⁸. Современная школа МЧП Уругвая с большим пиететом относится к наработкам своих предшественников, пытаясь сохранить достижения и адаптировать их к реальности, не отказываясь при этом от юридических традиций, подтвердивших свою жизнеспособность. К сожалению, любые традиции имеют тенденцию устаревать и превращаться в тормоз объективного развития.

Не менее важным является и то, что ОПК Уругвая²⁹ — это вполне актуальный правовой акт, содержащий масштабный разд. X «Международные отношения в области гражданского процесса» (ст. 524—543), в котором установлено регулирование правовой помощи и есть специальная гл. IV «Признание и приведение в исполнение иностранных судебных решений» (ст. 537—543). Моделью послужили Межамериканские конвенции о правовой помощи, признании иностранных судебных решений и исполнении обеспечительных мер; кроме того, в ОПК были воспроизведены практически все нормы Иberoамериканского модельного гражданского процессуального кодекса (1988), разработанного под эгидой Иberoамериканского института процессуального права³⁰. Положения о международной юрисдикции в ОПК отсутствуют. Разработчиками этого раздела выступали профессор Д. Опертти Бадан и Э. Теличеа Бергман (*Eduardo Tellechea Bergman*)³¹, соответственно, руководитель и участник рабочей группы по подготовке текста Закона о МЧП. Не в последнюю очередь благодаря им разд. X не был исключен из ОПК и Кодекс остался в неприкосновенности (что позволило сохранить его систематику, концепцию и целостность), но новый Закон о МЧП не получил своего логического завершения — необходимой в триаде части об исполнении иностранных судебных актов.

С практической точки зрения именно эта часть триады является важнейшей для отношений сферы МЧП — исполнение решения непосредственно обеспечивает защиту и охрану нарушенных законных субъективных прав. В конечном счете, именно для того, чтобы его решение было «безупречным», судья и производит выбор применимого права, предписанный ему законодателем: неправильный выбор права — это порок судебного решения и основание для его оспаривания. Для того чтобы решение было безупречным, следовательно, исполнимым, оно

²⁸ Santos Belandro R. Ley general de Derecho internacional privado. P. 7.

²⁹ Один из основных национальных источников Закона о МЧП.

³⁰ См.: Ермакова Е. П. Принципы судопроизводства по гражданским делам в конституциях стран Латинской Америки // Бизнес в законе. 2011. № 3. С. 55.

³¹ Exposición de motivos del anteproyecto.

²⁵ Отменен и заменен на новый Кодекс МЧП Панамы 2015 г.

²⁶ См.: Tratado de Montevideo de 1940 sobre Derecho Civil Internacional [Electronic resource] available at URL: <https://societip.files.wordpress.com/2013/12/tratado-de-montevideo-de-1940.pdf>

²⁷ Сразу же бросается в глаза, что по объему и количеству статей Закон Уругвая практически совпадает с Договором.

должно быть вынесено компетентным судом, поэтому так много внимания законодатель уделяет определению международной юрисдикции. И выбор компетентного суда, и выбор компетентного закона нацелены прежде всего на то, чтобы судебное решение могло вступить в законную силу. Без норм, регулирующих исполнение решений, любой автономный закон о МЧП является неполным.

Для определения сферы действия законодательства о МЧП латиноамериканская доктрина (в том числе уругвайская) отмечает наличие нескольких подходов³²:

ограничительная (узкая) концепция (в основном страны германской подсистемы права) – МЧП сводится только к коллизионным нормам, т.е. его сфера – исключительно конфликт материальных (и не только частноправовых, но и входящих в публичное право – административных, налоговых, валютных) законов. Процессуальные правила в МЧП не включаются;

промежуточная (смешанная) концепция (англосаксонские страны) – МЧП включает в себя как конфликт законов, так и конфликт юрисдикций. Распространение содержания МЧП на международное процессуальное право является следствием «судебного измерения» (ведущая роль судов в формировании понятия и содержания МЧП в процессе отправления правосудия). Такое понимание МЧП было предложено в XIX в. А. Дайси (*A. Dicey*), который писал, что «по мнению англичанина, отношения международного частного права составляют юрисдикция и коллизия законов»³³;

широкая концепция – основу МЧП составляет определение правовой системы, применимой к ситуациям с иностранным элементом; в МЧП также входят международное гражданское процессуальное право, право гражданства и право иностранцев. Эта концепция зародилась во французской доктрине XIX в., а в XX в. приобрела широкую международную популярность благодаря, не в последнюю очередь, трудам А. Батифоля, считавшего, что МЧП в совокупности должно ответить на вопрос о правовом положении личности в международных частных отношениях, следовательно, заниматься тремя последовательными вопросами: а) режим субъектов права (национальность и правовой статус иностранцев); б) осуществление прав: коллизионное право; в) санкция прав: конфликт юрисдикций³⁴.

³² См.: *Gonzalez Martin N., Rodriguez Jimenez S. Derecho internacional privado. Parte general. Mexico, 2010. P. 37, 38.*

³³ *Dicey A. On private international law as a branch of the law of England // Law Quarterly Review. 1891. Vol. 113. P. 7 (цит. по: Ortiz de la Torre T.J.A. Op. cit. P. 433).*

³⁴ См.: *Gonzalez Martin N., Rodriguez Jimenez S. Op. cit. P. 39.*

Широкая концепция МЧП была с симпатией воспринята в доктрине Латинской Америки, которая базировалась на идеях французского Просвещения и сильных антииспанских настроениях³⁵. В определенной степени она отражена в нормах и структуре Договора Монтевидео. В современной латиноамериканской доктрине такое понимание МЧП продолжает господствовать, что, естественно, оказывает влияние на итоговые законодательные решения. Это влияние, однако, проявляется косвенным образом – в частности, наибольшим акцентом на выработку коллизионного регулирования статуса физических лиц в сравнении с другими отраслями и институтами МЧП³⁶. Материальные нормы о статусе иностранцев и гражданстве (имеющие публично-правовой характер) в соответствии с концепцией МЧП как *jus privatista* в акты кодификации МЧП не включаются, однако в университетских курсах изучаются как часть МЧП наряду с коллизиями законов и юрисдикций³⁷.

Необходимо при этом учитывать, что и региональная доктрина, и законодательство всегда отличались эклектичностью³⁸, поскольку Латинская Америка – это стык англо-американского и континентального права, сплав местной и европейской культур, убежище для иммигрантов из всех европейских государств. В связи с этим неудивительно, что ограничительная концепция МЧП (в том смысле, что его ядро составляют коллизионные нормы) также оказала определенное влияние на развитие доктрины, законодательства и судебной практики. Немецкое влияние проявляется и в том, что основной методологией построения коллизионных норм по сей день выступает мультилатеральная теория центра тяжести правоотношения Ф.К. фон Савиньи.

В литературе подчеркивается, что Закон о МЧП Уругвая отражает промежуточную или

³⁵ См.: *Беликова К.М. Правовое регулирование торгового оборота и кодификация частного права в странах Латинской Америки. М., 2010. С. 29.*

³⁶ В Законе Уругвая ст. 14–32 – это правила выбора права к различным аспектам личного, семейного и наследственного статусов; коллизионное регулирование других отраслей МЧП – ст. 33–56.

³⁷ См.: *Pereznielo Castro L. Derecho Internacional Privado. Parte general / Séptima edición. Oxford University Press México, 2000. P. 5.*

³⁸ Эту эклектичность наглядно демонстрирует современная уругвайская доктрина: например, Рубен Сантос Беландро (*Ruben Santos Belandro*) полагает, что МЧП «состоит из трех традиционных подгрупп для решения частных проблем с трансграничными последствиями... международное гражданское право, международное коммерческое право и международное процессуальное право» (см.: *Santos Belandro R. Conflictos móviles y derecho transitorio en la ley general de derecho internacional privado // Revista de la Facultad de Derecho. 2022. No. 5. P. 23).*

англосаксонскую концепцию МЧП³⁹. Интересно отметить, что в латиноамериканской литературе англосаксонская концепция МЧП понимается в том смысле, как это утверждал А. Дайси в XIX в., хотя в английском общем праве уже давно господствует тройственное понимание МЧП. В 1935 г. вышло первое издание знаменитого курса Дж. Чешира «Частное международное право»⁴⁰, в котором была установлена «триада МЧП»: компетентная юрисдикция — компетентный закон — исполнение иностранных решений. Основные теоретические постулаты Чешира выступают фундаментом современной английской доктрины конфликтного права, его курс (адаптированный под актуальную действительность) регулярно переиздается, при этом «триада МЧП» остается неизменной⁴¹.

Тройственное понимание МЧП настолько прочно утвердилось в английской доктрине, что английские ученые воспроизводят его как общее место, без ссылки на его автора Дж. Чешира⁴². Аналогичная ситуация имеет место и в континентальной европейской доктрине: «Международное частное право (в англоязычных странах чаще называемое “конфликтным правом”) в самом узком смысле — это область права, состоящая лишь из коллизионных норм, т.е. норм, обозначающих правовую систему, регулируемую существо частноправового спора, имеющего международный характер. В более широком смысле оно включает также нормы, касающиеся специальных процессуальных вопросов, возникающих в спорах, имеющих международные последствия, такие как нормы о юрисдикции судов и о признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений. Все эти нормы взаимосвязаны»⁴³.

В Латинской Америке есть опыт законодательного закрепления промежуточной концепции МЧП — т. IV «Нормы международного частного права» ГТК Аргентины (2014) содержит правила международной юрисдикции и правила выбора применимого права. Однако Аргентина — это

федерация, и исполнение иностранных решений в соответствии с Конституцией (1853) не входит в общенациональную компетенцию, а относится к законодательному ведению провинций. Для этого государства двухчастная структура кодификации МЧП объяснима, хотя аргентинские исследователи критикуют подобное законодательное решение, подчеркивая целесообразность закрепления триады МЧП в одном автономном акте⁴⁴.

При пересмотре проектов Закона 2016 и 2020 гг. аргентинский опыт использовался⁴⁵, но почему-то уругвайские ученые и законодатели не захотели обратиться к вниманию на одновременный опыт других кодификаций в регионе — в Доминиканской Республике и Панаме, на проекты законов о МЧП, разрабатываемые в Боливии, Мексике и Чили⁴⁶. Более того, использованные при подготовке Закона иностранные национальные источники также не сподвигли уругвайцев на полномасштабную кодификацию МЧП / МГП. Увы, но они остались в плену своих традиционалистских представлений, и новый Закон страдает незавершенностью, изначально предполагая необходимость обращаться к ОПК (который предназначен для регулирования внутренних процессуальных отношений, а не гражданско-правовых споров, связанных с иностранным порядком). Регламентация трансграничных отношений в рамках законодательных актов, нацеленных на упорядочение внутрисударственных отношений, представляет собой «равное обращение с неравными вещами». Вопросы МЧП / МГП целесообразно автономизировать на законодательном уровне, приняв отдельный нормативный акт, охватывающий основные проблемы этой сферы.

3. Общая характеристика Закона

Если к способу кодификации и сфере действия нового уругвайского регулирования можно предъявить обоснованные претензии, то с содержательной точки зрения Общий закон о МЧП заслуживает высокой положительной оценки. Разработчикам удалось сохранить достижения региональных унификаций XIX–XX вв. и синтезировать их со специфическими особенностями латиноамериканских национальных кодификаций конца XX — начала XXI в., не игнорируя при этом основных изменений и трендов в глобальном развитии МЧП.

⁴⁴ См.: *Arroyo D.P.F.* Main Characteristics of the New Private International Law of the Argentinian Republic // *Rabels Zeitschrift für Ausländisches und Internationales Privatrecht*. 2017. Vol. 80. P. 132, 133.

⁴⁵ См.: *Ferreira Marino A.M.* Op. cit.

⁴⁶ Оба проекта структурированы по триаде (общие положения — 1) международная юрисдикция — 2) применимое право — 3) международная правовая помощь и исполнение иностранных судебных решений.

³⁹ См.: *Ortiz de la Torre T.J.A.* Op. cit. P. 426, 433, 450.

⁴⁰ *Cheshire G.C.* Private International Law. Oxford, 1935.

⁴¹ См.: *Cheshire, North & Fawcett.* Private International Law. 15th ed. Oxford University Press, 2017. P. 3, 6.

⁴² См., напр.: *Collier J.G.* Conflict of Laws. Third edition. Cambridge University Press, 2004. P. 3; *Rogerson P.* Collier's Conflict of Laws. 4th ed. Cambridge University Press, New York, 2013. P. 1. Кстати, мексиканские ученые, упоминая Дж. Чешира как автора тройственной концепции МЧП, не дают ссылки на его труды, поскольку также считают «триаду Чешира» общеизвестным фактом (см.: *Gonzalez Martin N., Rodriguez Jimenez S.* Op. cit. P. 38, 39).

⁴³ *Bogdan M.* Private International Law as Component of the Law of the Forum. BRILL, 2014. P. 20, 21; *Kunda I., Gonçalves C.M.* Practical Handbook on European Private International Law. Civil Justice Programme, 2010. P. 3.

3.1. Раздел I «Общие нормы» (ст. 1–13) – это достаточно детальное регулирование институтов Общей части МЧП, основанное главным образом на положениях Конвенции Монтевидео 1979 г. Автономизация данного раздела – прекрасное решение (впервые для законодательства Уругвая), акцентирующее внимание правоприменителя на общих принципах и основах применения иностранного права. Проработанность Общей части МЧП, освоенность ее институтов судами во многом представляют собой залог корректного применения конкретных коллизионных привязок по спорам из «ситуаций, которые касаются нескольких правовых систем».

В ст. 1 Закона закрепляется «остаточное измерение» национального источника МЧП, который применяется только в отсутствие международного договора. Необходимо отметить, что в Уругвае нет общего принципа верховенства международного права. С точки зрения юридической силы национальный закон и международный договор имеют один и тот же ранг; последний по времени акт обладает преимущественной силой в случае несовместимости (в соответствии с практикой Верховного суда)⁴⁷. Единственное исключение – договоры о защите прав человека, которые обладают тем же рангом, что и конституционные права (ст. 72 Конституции Уругвая). Однако для МЧП теперь прямо предусмотрено, что международные договоры имеют приоритет; это правило повторяется в ст. 57 Закона для вопросов международной юрисдикции.

Формулировка отдельных институтов Общей части демонстрирует своеобразие латиноамериканского подхода к МЧП. В частности, *иностранное право применяется по собственной инициативе судом ex officio и понимается как право, а не как факт* (ст. 2, 3). Концепция «иностранное право – это право, а не факт» воспринята в Уругвае с конца 1880-х годов благодаря Договору Монтевидео⁴⁸, иностранное право не требует доказательств, при установлении его содержания суд и стороны могут использовать любую законную процедуру⁴⁹. Кроме этого законодательно закреплен императив, что иностранное право должно толковаться и применяться так, как это имеет место «в его родном суде его родным судьей» (ст. 2.1). Этот императив основан на теории правового обычая (имитации иностранного права) (*teoría del uso jurídico*) классика

аргентинского МЧП Вернера Гольдшмидта⁵⁰, которая отражена в Конвенции Монтевидео, других латиноамериканских законах⁵¹ и подтверждается уругвайской судебной практикой⁵².

Правила квалификации иностранных правовых норм легально не установлены⁵³. Это представляется одним из недостатков Закона, обусловленным не критическим восприятием моделей региональной унификации, игнорирующих этот вопрос. Теории квалификации всегда разрабатывались в доктрине и судебной практике. Естественно, суды в основном выбирают самый легкий путь – квалификацию по *lex fori*; однако поскольку МЧП Уругвая всегда было ориентировано на международное сотрудничество, то необходимость автономной квалификации признается всеми. В современной доктрине наибольшей симпатией пользуется метод функционального анализа, в основе которого лежит сравнительный анализ целей и функций тех или иных институтов национального права (как *lex fori*, так и *lex causae*, основываясь на презумпции их равноценности (*praesumptio similitudinis*)), учет законодательной политики вовлеченных государств, воли сторон, требований справедливости, предсказуемости и удобства⁵⁴. Хорошо видно, насколько сильно на формирование такой позиции уругвайской доктрины повлияли идеи американской коллизионной революции.

В судебной практике Уругвая есть интересные примеры имплицитного применения функционального подхода к квалификации международных частных отношений: в широко известном деле *Corrit* суды первой и второй инстанций провели сравнительный анализ китайского, датского и уругвайского правопорядков, чтобы определить природу соглашения об универсальном семейном

⁵⁰ См.: Goldschmidt W. Derecho internacional privado: derecho de la tolerancia. Séptima edición. Buenos Aires, 1990. P. XX, XXVII, 16, 137, 140; и др.

⁵¹ Императив о применении иностранного права как «в его родном суде его родным судьей» закреплен почти во всех латиноамериканских кодификациях МЧП, произведенных в XX–XXI вв. (ст. 14 ГК Мексики, ст. 82 Закона о МЧП ДР); в других регионах мира далеко не все национальные законодатели легализуют этот принцип.

⁵² См.: Tribunal de Apelaciones Civil 3 No. 171, 15/09/99 (La Mannheim v. Uniglorry Marine Corp.) (цит. по: Fresnedo de Aguirre C. Op. cit. P. 476).

⁵³ В какой-то степени этот пробел компенсирует ст. 8, устанавливающая, что, если иностранное право содержит неизвестные законодательству Республики институты или процедуры, суды применяют это право, когда в уругвайском праве есть аналогичные учреждения или процедуры. Соответственно, в определенных ситуациях может иметь место квалификация по *lex causae*.

⁵⁴ См.: Lorenzo Idiarte G.A., González Pedrouzo C., Fernández Pereiro A. Uruguay. Private International Law. Wolters Kluwer, 2016. P. 49, 50.

⁴⁷ См.: Samtleben J., Lorenzo Idiarte G.A. Op. cit. S. 829.

⁴⁸ См.: Fresnedo de Aguirre C. Proof of and Information about Foreign Law in Uruguay / Treatment of Foreign Law – Dynamics towards Convergence? Ed. Yuko Nishitani. Springer International Publishing AG, 2017. P. 474.

⁴⁹ Это подчеркивает Верховный суд Уругвая в одном из своих решений: Corte Suprema de Justicia No. 1520/2013, 21/08/2013 (цит. по: Fresnedo de Aguirre C. Op. cit. P. 478).

партнерстве с точки зрения его действительности и статутной принадлежности (семейный статут или статут отношений между участниками юридического лица). С учетом принципа благоприятствования действительности отношения, требования справедливости и уважения семейных ценностей суды признали действительность семейного партнерства, применив китайское право (решение принято в 1975 г.)⁵⁵.

Согласно ст. 4 «если необходимо применение иностранного права, то допускаются все предусмотренные национальным законом ресурсы». Формулировка для российского исследователя непонятна⁵⁶ и нуждается в разъяснениях уругвайской доктрины. Имеется в виду, что *неправильное применение иностранного права является апелляционным или кассационным поводом*, что подтверждает «правовой» подход к его пониманию (при фактическом подходе такое обжалование невозможно)⁵⁷. Апелляция и кассация могут иметь место в следующих ситуациях: 1) мировой суд применил не национальный закон, уполномоченный регулировать отношение, а иностранное право; 2) когда решение было основано на национальном праве, а нужно было применить иностранное на основе предписаний коллизионной нормы; 3) ошибочное толкование или применение судом иностранного права⁵⁸. В основе этого подхода лежит идея международной унификации права, в соответствии с которой «правильное» применение закона не может быть ограничено только внутренним законодательством, а должно включать в себя все нормы права, даже иностранные, которые нужно не только соблюдать, но и правильно применять⁵⁹.

Главная защитная оговорка говорит о «международном публичном порядке, на котором Республика основывает свою правовую идентичность» (ст. 5).

⁵⁵ Датский подданный и эмигрантка из России поженились в датском консульстве в 1927 г. в Шанхае (Китай), где проживали совместно, а в 1946 г. заключили соглашение об универсальном семейном партнерстве. Впоследствии супруги переехали в Уругвай, где и развелись. В суде возник вопрос о действительности согласованного партнерства. Жена утверждала его действительность, апеллируя к китайскому праву, а муж отрицал ее на основании датского права, которое он считал применимым в силу положений китайско-датского договора XIX в. (к тому времени денонсированного Китаем) (см.: *Tellechea Bergman E. Aplicación e información del derecho extranjero no ámbito interamericano, regional e no Uruguai // Revista de la Secretaría del Tribunal Permanente de Revisión. 2014. No. 3. P. 44; Lorenzo Idiarte G.A., González Pedrouzo C., Fernández Pereiro A. Op. cit. P. 50).*

⁵⁶ Аналог — ст. 4 Конвенции Монтевидео.

⁵⁷ См.: *Santos Belandro R. Ley general de Derecho internacional privado. P. 26.*

⁵⁸ Аналогичные положения содержат ст. 525.4 ОПК Уругвая, ст. 3 Дополнительного протокола к Договору Монтевидео 1889/1940, ст. 4 Конвенции Монтевидео.

⁵⁹ См.: *Fresnedo de Aguirre C. Op. cit. P. 481.*

Такое понимание свойственно данному региону еще со времен Кодекса Бустаманте (ст. 3–5) — не просто «публичный порядок», а «международный», т.е. более узкая категория, учитывающая трансграничный характер отношений. В свое время Уругвай сделал оговорку к Конвенции Монтевидео, считая, что отсутствие в ее ст. 5 слова «международный» необоснованно расширяет сферу применения оговорки и не акцентирует внимания на том, что должно иметь место серьезное и очевидное противоречие фундаментальным ценностям. В Законе отражена данная устойчивая позиция⁶⁰, которая адаптирована к современным требованиям: ситуация противоречия международному публичному порядку «будет иметь место, когда применение иностранного права непримиримо противоречит основным правам, закрепленным в Конституции и международных конвенциях». В уругвайской литературе высказывается мнение, что таким образом прямо декларируется принцип защиты прав человека, что не имеет прецедентов в МЧП Уругвая⁶¹.

Защитная оговорка о запрете обхода закона (ст. 7) традиционно закрепляется в законодательстве о МЧП стран Латинской Америки, и Закон от нее не отказывается. В судебной практике Уругвая применение этой оговорки — давняя традиция: например, в 1960-х годах суды прибегали к ней, когда лица из других стран пытались подать заявление о разводе в Уругвае (развод в соседних государствах региона еще не допускался), манипулируя коллизионной привязкой «супружеское место жительства»⁶². В 2000–2010-х гг. оговорка неоднократно применялась по делам, связанным с усыновлением за границей, и в одном из решений было указано: «Усыновление регулируется законом места жительства несовершеннолетних; этот связующий фактор... избран законодателем не случайно; это предпочтительно для защиты несовершеннолетнего..., если кто-то решает изменить место жительства несовершеннолетнего, очевидно, что это также меняет применимый закон и компетентный суд, но манипулирование связующим фактором известно международному законодательству как гипотеза *fraus legis*, которая исключает применение иностранного права»⁶³.

⁶⁰ См.: *Esplugues Mota C. La aplicación del derecho extranjero en Iberoamérica y la Unión Europea: paralelismos desde la diferencia // Revista Boliviana de Derecho. 2021. No. 31. P. 33.*

⁶¹ См.: *Santos Belandro R. Ley general de Derecho internacional privado. P. 27.*

⁶² *Lorenzo Idiarte G.A., González Pedrouzo C., Fernández Pereiro A. Op. cit. P. 59.*

⁶³ Tribunal de Apelaciones de Familia 1, Dec. 193/2007. См. также: Tribunal de Apelaciones en lo Civil 6, Dec. 98/2007; Tribunal de Apelaciones de Trabajo 2, Dec. 387/2012 (цит. по: *Lorenzo Idiarte G.A., González Pedrouzo C., Fernández Pereiro A. Op. cit. P. 59, 60).*

Раздел I Закона интересен еще и тем, что содержит целый ряд положений, которые легализуются, по общему правилу, исключительно в кодификациях МЧП латиноамериканских стран. Статья 9 закрепляет *английскую доктрину приобретенных прав* — права, законно приобретенные в иностранном государстве, признаются в Уругвае, если на момент возникновения они имеют связь с соответствующим государством и их признание не противоречит международному публичному порядку республики. Как в регионе в целом, так и в отдельных странах Латинской Америки защита приобретенных прав понимается и как один из принципов МЧП, и как его особый метод регулирования.

По латиноамериканской традиции коллизионному регулированию *предварительных и побочных вопросов* посвящена отдельная норма (ст. 10), и для их решения используется независимый метод — компетентный закон определяется отдельно и может быть отличным от *lex causae*. Уругвайская судебная практика демонстрирует освоенность этой методологии: например, в одном наследственном споре, подчиненном уругвайскому праву, истец просил применить к предварительному вопросу (отношения сожителства) бразильский закон⁶⁴.

Независимый метод решения предварительных вопросов естественным образом приводит к *dépeçage* и может породить «хромяющие отношения». В связи с этим неудивительно, что имеется необходимость легального закрепления *правил гармоничного применения законов (адаптация или «выравнивание»)* (ст. 11). Эта норма — типичный традиционный латиноамериканский эксклюзив (ст. 9 Конвенции Монтевидео); в законодательстве других регионов мира не встречается. Формулировка достаточно расплывчатая — «нормы... должны применяться гармонично, принимая во внимание цель, выполняемую каждой отраслью права. Возможные трудности... будут решены с учетом справедливости в конкретном случае». Адаптация всецело отдана на откуп судейскому усмотрению: судья в процессе исследует применимые правовые нормы, принимая во внимание обстоятельства *ad hoc* и руководствуясь, прежде всего, принципом справедливости.

Принципиальной новеллой в Общих положениях является ст. 6 «*Нормы непосредственного применения*», устанавливающая третья защитную оговорку и введенная под влиянием европейских национальных кодификаций и регламентов ЕС. Понятие «нормы непосредственного применения», естественно, не раскрывается; единственная их конкретизация — они приняты «для выполнения

социально-экономической политики». Императивные положения иностранного права, с которым дело имеет тесную связь, также могут (но не должны) учитываться.

Еще одна новелла — ст. 12 «*Обратная отсылка*» (*renvoi*). Исторически латиноамериканский законодатель (как национальный, так и региональный) к этому институту относился негативно и предпочитал его либо игнорировать, либо прямо запрещать. Однако в 1990-х годах отношение к отсылке изменилось и она стала восприниматься как полезный инструмент для достижения справедливости в определенных случаях. Суды самостоятельно восполняли законодательный пробел — так, в уругвайской судебной практике есть немало примеров (в основном, по спорам из морской перевозки грузов) применения норм иностранного МЧП. Правда, это была «косвенная отсылка»: в случаях, когда уругвайские коллизионные нормы отсылали к иностранному праву, предусматривающему автономии воли сторон, применялось право, избранное сторонами⁶⁵.

Генеральное правило ст. 12: применимое иностранное право — это материальное право, исключая коллизионные нормы, т.е. общий запрет *renvoi* любой степени. Исключение: иное может быть установлено в специальном законе; *renvoi* не применяется в договорных отношениях. Кроме того (и это самое важное!), отсылка применяется, если обращение к иностранному материальному праву в конкретном деле несовместимо с основной целью коллизионной нормы, отославшей к этому праву. В Латинской Америке такая конструкция впервые была закреплена в ст. 14.2 ГК Мексики (1928) под влиянием немецкой доктрины МЧП. По смыслу норма прямо перекликается с правилом адаптации, имея такой же расплывчатый и гибкий характер, — в конкретном судебном процессе судья в соответствии со своим правосознанием оценивает цель национальной коллизионной нормы и решает, применять ли ему иностранную материальную или коллизионную норму. Приоритет в оценке имеют права человека⁶⁶. Учитывая опыт уругвайских судов по использованию механизма *renvoi*, можно утверждать, что особых трудностей у них не возникнет.

Весьма значимой новеллой является ст. 13 «*Особенность международного торгового права*» — это право особого характера, которое имеет свои собственные источники, применимые в отсутствие международного договора или национального закона: 1) основные — обычаи (прежде всего, специальные торговые), общие принципы, применяемые к международным торговым отношениям, судебная

⁶⁴ См.: Tribunal de Apelaciones de Familia 2, Dec. 332/2008 (цит. по: Lorenzo Idiarte G.A., González Pedrouzo C., Fernández Peireiro A. Op. cit. P. 53).

⁶⁵ См.: *ibid.* P. 54–56.

⁶⁶ См.: Samtleben J., Lorenzo Idiarte G.A. Op. cit. S. 836.

практика, наиболее принятые сравнительно-правовые доктрины; 2) вспомогательные — торговые обыкновения и общие принципы международного торгового права, признанные международными учреждениями, членом которых является Уругвай. Международное торговое право является «специальным предметом Закона»⁶⁷.

Закон на легальном уровне закрепил применение негосударственного права — *lex mercatoria*, прежде всего универсальных Принципов международных коммерческих контрактов УНИДРУА. Естественно, что применяется и региональное *lex mercatoria* (в том числе его доктринальные проекты) — Американское руководство по праву, применимому к международным коммерческим контрактам (2019), Принципы Латиноамериканского договорного права (2017). Общие принципы торгового права, зафиксированные в конвенциях, подписанных, но не ратифицированных Уругваем, принимаются как выражение общепринятой доктрины (*doctrina más recibida*) и могут применяться даже в спорах с участием лиц из государств, участниками конвенций не являющихся⁶⁸.

3.2. Особенная часть МЧП (разд. II–XI) (ст. 14–56) всегда была урегулирована более подробно; такая же картина имеет место и в Общем законе. Новаций достаточно много, они имеют принципиальное значение и по большей части заслуживают положительной оценки. Хотелось бы обратить внимание только на одно нововведение, зато самое кардинальное — ст. 45 «*Право, применимое по соглашению сторон*» закрепляет возможность автономии воли сторон контракта. Уже на стадии Проекта 2004 г. высказывалось мнение, что «самым важным является введение автономии сторон в договорах, что в Уругвае можно рассматривать как почти революцию»⁶⁹.

В Латинской Америке вообще, а в Уругвае особенно (под влиянием влиятельного и выдающегося ученого Квентина Альфонсина (*Quintín Alfonsín*)) к автономии воли всегда было отрицательное отношение, даже препятствующее участию страны в целом ряде межамериканских конвенций в 1990-е годы. Возможность и целесообразность выбора права сторонами отношения стала признаваться в Уругвае только в последние 20 лет. При этом как в доктрине, так и во власти это признание разделяется не всеми — в частности, Проект 2016 г. был единогласно одобрен Палатой представителей,

но встретил противодействие в Сенате именно потому, что предусматривал коллизионную автономию воли в контрактных обязательствах. Сенат посчитал, что это может нарушить интересы слабой стороны, поскольку на практике не существует равенства, а всегда есть «превосходство той стороны, которая имеет лучшие условия для ведения тяжбы с точки зрения языка и правовой среды»⁷⁰. Традиционное предубеждение против автономии воли, укоренившееся в уругвайском сообществе, затормозило процесс модернизации МЧП.

Благодаря стараниям наиболее интернационально ориентированных представителей современной уругвайской доктрины в 2020 г. это предубеждение удалось преодолеть. Более того, ст. 45 была дополнена возможностью выбирать не только государственное право, но и *lex mercatoria* как свод нейтральных и сбалансированных норм, исходящих от международных организаций, членом которых является Уругвай. Актуальная редакция воплощает в жизнь концепцию: нет более адекватного регулирования для международного контракта, чем тот, который избрали сами стороны, при этом их выбор никогда не будет идти вразрез с их собственными интересами⁷¹. Кроме того, выбор права не подразумевает выбора суда, а выбор суда не подразумевает выбора применимого права (ст. 46). Данное правило коррелируется процессуальной автономией воли, установленной в разделе о международной юрисдикции. В этом вопросе удалось преодолеть архаистические традиционалистские представления, препятствовавшие принятию адекватного реальной действительности законодательства.

3.3. Международная юрисдикция (разд. XII) (ст. 57–61). Этот раздел можно считать полностью модернизированным, поскольку ранее только ст. 2401 Приложения к Гражданскому кодексу определяла прямую международную юрисдикцию. Сейчас юрисдикционные правила разделены на четыре блока: 1) общие положения (ст. 57); 2) специальная подсудность (ст. 59); 3) договорная подсудность (ст. 60); 4) исключительная подсудность (ст. 61)⁷². Главная новелла — *возможность договорной подсудности по соглашению сторон международного контракта*: «одно из величайших нововведений, поскольку оно ломает традиционную позицию против автономии воли»⁷³. Установлены формальные требования к процессуальной автономии воли и ее ограничения — договорная подсудность не может

⁶⁷ Florio de Leon E. The new Uruguayan private international law: an open door to party autonomy in international contracts // *Uniform Law Review*. 2021. Vol. 26. Iss. 1. P. 183.

⁶⁸ См.: Samtleben J., Lorenzo Idiarte G.A. Op. cit. S. 818.

⁶⁹ Fernández Arroyo D.P. What's New in Latin American Private International Law? // *Yearbook of Private International Law*. 2005. Vol. 7. P. 102, 103.

⁷⁰ Samtleben J., Lorenzo Idiarte G.A. Op. cit. S. 824.

⁷¹ См.: Santos Belandro R. *Ley general de Derecho internacional privado*. P. 22.

⁷² Статья 58 посвящена принципу *lis alibi pendens*.

⁷³ Ferreira Marino A.M. Op. cit.

иметь места в спорах из контрактов, по которым не допустима коллизионная автономия воли (ст. 50).

Все новации являются актуальными, но они уже известны законодательству большинства европейских государств. Ввиду этого хотелось бы обратить внимание на одно из прежних положений Договора Монтевидео (ст. 56.1), получившее новое рождение в ст. 57.3 Закона — *юрисдикцией обладает суд той страны, право которой применимо к договору в соответствии с уругвайскими коллизионными нормами*. Это правило называется «критерий Ассера» (классический, традиционный критерий в Латинской Америке)⁷⁴ или *forum causae*⁷⁵. Оно основано на теории «параллелизма», связывающей компетентное право с компетентным судом («данное основание подсудности обеспечивает применение судом собственного права, что чрезвычайно удобно»⁷⁶).

Таким образом, сначала необходимо определить право, применимое к делу, и в зависимости от этого суд решает вопрос о собственной компетенции, т.е. решение коллизионного вопроса предшествует решению конфликта юрисдикций. В результате имеет место явная инверсия логического правопорядка: определение компетентного судьи подчинено определению компетентного права. Однако коллизионный вопрос обсуждается в ходе судебного разбирательства и решается в большой степени по усмотрению судьи, который выносит решение по существу дела. Кроме того, спор может затрагивать несколько вопросов, которые предполагают применение разных правопорядков (например, вопросы личного, формального и договорного статута)⁷⁷. К тому же возникает конкурирующая юрисдикция — общий критерий подсудности по месту жительства ответчика является равноценным критерию применимого права (ст. 57 Закона). Эта проблемность критерия Ассера выявилась давно: в хрестоматийном деле *Lamas* (1968)⁷⁸ ответчик оспаривал компетенцию аргентинского суда, установленную ввиду применимого аргентинского права (место исполнения договора), и настаивал на

юрисдикции уругвайского суда (место жительства ответчика)⁷⁹.

Представляется, что сохранение критерия Ассера в новом Законе — это еще одна не особо удачная дань устоявшейся традиции, которая может усложнить и замедлить процесс, снизить определенность и предсказуемость рассмотрения трансграничных частнопроводных споров.

Заключение

В латиноамериканской доктрине Общий закон о МЧП Уругвая получил чрезвычайно высокую оценку — «приятно читать и удивляться нормативным решениям, имеющим несомненную ценность... это лучшее и самое современное законодательство, из которого можно многому научиться»⁸⁰. Акт не разрешает всех теоретических и технических коллизий, но это текст, отвечающий международной реальности, поскольку содержащиеся в нем положения возникли из применения конвенций, судебных решений, практического опыта. При этом Закон «не произвел юридического землетрясения в уже действующей системе МЧП», а по большей части предложил более подходящие формулировки в соответствии с современными мировыми тенденциями⁸¹.

Безусловно, Закон нельзя считать исчерпывающим регулированием всех вопросов МЧП / МГП. Кодификаторы к этому и не стремились, поскольку в латиноамериканских странах главная функция национального источника МЧП заключается в том, чтобы заполнить пробелы и пустоты, которые есть в международных соглашениях. Тексты законов нельзя считать «неудачными» или «несостоятельными», если они не регулируют все аспекты МЧП, так как стандарт, «обычно принятый в процессах национальной кодификации, — допускать оправданные пробелы вместо того, чтобы навязывать решения по вопросам, которые еще не созрели для кодификации»⁸². Кроме того, «с точки зрения правовой техники кодификация является поворотным моментом, из которого происходит доктринальное совершенствование нашей

⁷⁴ Назван в честь известного голландского ученого Тобиаса Михаэля Ассера: «Договоры Монтевидео содержат классические нормы коллизионного права в традиционной модели Савиньи, но также демонстрируют влияние других авторов XIX века, таких как Феликс и Стори, и, особенно, голландской школы Ассера» (см.: *Samleben J., Lorenzo Idiarte G.A.* Op. cit. S. 814).

⁷⁵ То есть какое право — такой и суд. Для нас эта конструкция представляется перевернутой с ног на голову, поскольку мы привыкли к более логичному: какой суд — такое право.

⁷⁶ *Fresnedo de Aguirre C., Lorenzo Idiarte G.A.* Texto y Contexto. Ley General de Derecho Internacional Privado No. 19.920. Montevideo, 2021. P. 121.

⁷⁷ См.: *Goldschmidt W.* Op. cit. P. 461.

⁷⁸ См.: «*Lamas, Emilio Luis c. Banco Mercantil del Río de la Plata de la ciudad de Montevideo*», la Corte Suprema de Justicia de la Nación (1968).

⁷⁹ См.: *Quaranta Costerg J.P.* Jurisdicción internacional en materia contractual: de los Tratados de Montevideo al Protocolo de Buenos Aires // *El Derecho*. 2008 [Electronic resource] available at URL: <https://www.diprargentina.com/2008/03/jurisdiccion-internacional-en-materia.html>

⁸⁰ *Perezniето Castro L.* Reseñas: Texto y contexto. Ley general de Derecho Internacional Privado N19.920 // *Revista Mexicana de Derecho Internacional Privado y Comparado*. 2022. No. 47. P. 82, 83.

⁸¹ См.: *Ferreira Marino A.M.* Op. cit.

⁸² *de Maekelt T.B.* General rules of private international law in the Americas: new approach / Collected Courses of The Hague Academy of International Law — *Recueil des cours*. Vol. 177. Leiden, Boston, 1982. P. 205, 206.

дисциплины»⁸³. Эту аксиому Закон уже подтвердил: с 2021 г. в Уругвае происходит доктринальный всплеск — огромное количество публикаций, анализирующих разные аспекты Закона, в том числе масштабный комментарий (практически экзегеза текста) с «дорожной картой» для правоприменителя⁸⁴. Судебная практика также постепенно осваивает его применение⁸⁵. Будем надеяться, что в скором времени Закон подтвердит и актуальность, и востребованность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Беликова К.М.* Правовое регулирование торгового оборота и кодификация частного права в странах Латинской Америки. М., 2010. С. 29.
2. *Ермакова Е.П.* Принципы судопроизводства по гражданским делам в конституциях стран Латинской Америки // Бизнес в законе. 2011. № 3. С. 55.
3. *Arroyo D.P.F.* Main Characteristics of the New Private International Law of the Argentinian Republic // *Rabels Zeitschrift für Ausländisches und Internationales Privatrecht*. 2017. Vol. 80. P. 132, 133.
4. *Bogdan M.* Private International Law as Component of the Law of the Forum. BRILL, 2014. P. 20, 21.
5. *Cheshire G.C.* Private International Law. Oxford, 1935.
6. *Cheshire, North & Fawcett.* Private International Law. 15th ed. Oxford University Press, 2017. P. 3, 6.
7. *Collier J.G.* Conflict of Laws. Third edition. Cambridge University Press, 2004. P. 3.
8. *de Maekelt T.B.* General rules of private international law in the Americas: new approach / *Collected Courses of The Hague Academy of International Law — Recueil des cours*. Vol. 177. Leiden, Boston, 1982. P. 205, 206, 210.
9. *Dacey A.* On private international law as a branch of the law of England // *Law Quarterly Review*. 1891. Vol. 113. P. 7.
10. *Esplugues Mota C.* La aplicación del derecho extranjero en Iberoamérica y la Unión Europea: paralelismos desde la diferencia // *Revista Boliviana de Derecho*. 2021. No. 31. P. 33.
11. *Fernández Arroyo D.P.* What's New in Latin American Private International Law? // *Yearbook of Private International Law*. 2005. Vol. 7. P. 102, 103.
12. *Ferreira Marino A.M.* Criterios de atribución de competencia directa en la reforma del derecho internacional privado uruguayo // *Revista Electrónica de Derecho Internacional Contemporáneo*. 2022. Vol. 5. No. 5 [Electronic resource] available at URL: <https://revistas.unlp.edu.ar/Redic/article/view/13431/12847>
13. *Florio de Leon E.* The new Uruguayan private international law: an open door to party autonomy in international contracts // *Uniform Law Review*. 2021. Vol. 26. Iss. 1. P. 183.
14. *Fresnedo de Aguirre C.* Proof of and Information about Foreign Law in Uruguay / *Treatment of Foreign Law — Dynamics towards Convergence?* Ed. Yuko Nishitani. Springer International Publishing AG, 2017. P. 474, 476, 478, 481.
15. *Fresnedo de Aguirre C., Lorenzo Idiarte G.A.* Texto y Contexto. Ley General de Derecho Internacional Privado No. 19.920. Montevideo, 2021. P. 121.
16. *Goldschmidt W.* Derecho internacional privado: derecho de la tolerancia. Séptima edición. Buenos Aires, 1990. P. XX, XXVII, 16, 137, 140, 461.
17. *Gonzalez Martin N., Rodriguez Jimenez S.* Derecho internacional privado. Parte general. Mexico, 2010. P. 37–39.
18. *Kunda I., Gonçalves C.M.* Practical Handbook on European Private International Law. Civil Justice Programme, 2010. P. 3.
19. *Lorenzo Idiarte G.A., González Pedrouzo C., Fernández Pereiro A.* Uruguay. Private International Law. Wolters Kluwer, 2016. P. 49, 50, 53–56, 59, 60.
20. *Operti Badán D., Fresnedo de Aguirre C.* The Latest Trends in Latin American Private International Law: The Uruguayan 2009 General Law on Private International Law // *Yearbook of Private International Law*. 2009. Vol. 11. P. 315.
21. *Ortiz de la Torre T.J.A.* El Derecho Internacional Privado de la Republica Oriental del Uruguay: Una Aproximación con Motivo de la Ley General del 2016 // *Anuario Hispano-luso-americano de Derecho Internacional*. 2017–2018. Vol. 23. P. 426, 428, 433, 450, 451.
22. *Pereznieto Castro L.* Derecho Internacional Privado. Parte general / Séptima edición. Oxford University Press México, 2000. P. 5.
23. *Pereznieto Castro L.* Reseñas: Texto y contexto. Ley general de Derecho Internacional Privado No. 19.920 // *Revista Mexicana de Derecho Internacional Privado y Comparado*. 2022. No. 47. P. 82, 83.
24. *Quaranta Costerg J.P.* Jurisdicción internacional en materia contractual: de los Tratados de Montevideo al Protocolo de Buenos Aires // *El Derecho*. 2008 [Electronic resource] available at URL: <https://www.diprargentina.com/2008/03/jurisdiccion-internacional-en-materia.html>
25. *Rogerson P.* Collier's Conflict of Laws. 4th ed. Cambridge University Press, New York, 2013. P. 1.
26. *Samleben J., Lorenzo Idiarte G.A.* Das Allgemeine Gesetz des Internationalen Privatrechts von Uruguay // *Rabels Zeitschrift für Ausländisches und Internationales Privatrecht*. 2021. Vol. 85. S. 811, 814, 818–827, 829, 836.
27. *Santos Beldandro R.* Conflictos móviles y derecho transitorio en la ley general de derecho internacional privado // *Revista de la Facultad de Derecho*. 2022. No. 5. P. 22, 23.
28. *Santos Beldandro R.* Ley general de Derecho internacional privado de la República Oriental del Uruguay 19.920, de 17 de noviembre de 2020. El texto y su contexto americano — Curso general. Montevideo, 2021. P. 7, 12, 26, 27 [Electronic resource] available at URL: <https://www.litres.ru/asociacion-de-escrib/ley-general-de-derecho-internacional-privado-de-la-re/chitat-onlayn/page-12/>

⁸³ *de Maekelt T.B.* General rules of private international law in the Americas: new approach / *Collected Courses of The Hague Academy of International Law — Recueil des cours*. Vol. 177. P. 210.

⁸⁴ См.: *Fresnedo de Aguirre C., Lorenzo Idiarte G.A.* Op. cit.

⁸⁵ См.: Tribunal Apelaciones Civil 7. Dec. 1050/2021 (Werner, Fabián y otro c/ GOOGLE LLC y otros. 15/12/2021) [Electronic resource] available at URL: <https://abogados.com.ar/archivos/2022-01-11-115207-tac-7-google.pdf>

29. *Tellechea Bergman E.* Aplicación e información del derecho extranjero no ámbito interamericano, regional e no Uruguay // Revista de la Secretaría del Tribunal Permanente de Revisión. 2014. No. 3. P. 44.

REFERENCES

1. *Belikova K.M.* Legal regulation of trade turnover and codification of Private Law in Latin America. M., 2010. P. 29 (in Russ.).
2. *Ermakova E.P.* Principles of civil proceedings in the constitutions of Latin American countries // Business in law. 2011. No. 3. P. 55 (in Russ.).
3. *Arroyo D.P.F.* Main Characteristics of the New Private International Law of the Argentinian Republic // *Rabels Zeitschrift für Ausländisches und Internationales Privatrecht.* 2017. Vol. 80. P. 132, 133.
4. *Bogdan M.* Private International Law as Component of the Law of the Forum. BRILL, 2014. P. 20, 21.
5. *Cheshire G.C.* Private International Law. Oxford, 1935.
6. *Cheshire, North & Fawcett.* Private International Law. 15th ed. Oxford University Press, 2017. P. 3, 6.
7. *Collier J.G.* Conflict of Laws. Third edition. Cambridge University Press, 2004. P. 3.
8. *de Maekelt T.B.* General rules of private international law in the Americas: new approach / Collected Courses of The Hague Academy of International Law – Recueil des cours. Vol. 177. Leiden, Boston, 1982. P. 205, 206, 210.
9. *Dicey A.* On private international law as a branch of the law of England // *Law Quarterly Review.* 1891. Vol. 113. P. 7.
10. *Esplugues Mota C.* La aplicación del derecho extranjero en Iberoamérica y la Unión Europea: paralelismos desde la diferencia // *Revista Boliviana de Derecho.* 2021. No. 31. P. 33.
11. *Fernández Arroyo D.P.* What's New in Latin American Private International Law? // *Yearbook of Private International Law.* 2005. Vol. 7. P. 102, 103.
12. *Ferreira Marino A.M.* Criterios de atribución de competencia directa en la reforma del derecho internacional privado uruguayo // *Revista Electrónica de Derecho Internacional Contemporáneo.* 2022. Vol. 5. No. 5 [Electronic resource] available at URL: <https://revistas.unlp.edu.ar/Redic/article/view/13431/12847>
13. *Florio de Leon E.* The new Uruguayan private international law: an open door to party autonomy in international contracts // *Uniform Law Review.* 2021. Vol. 26. Iss. 1. P. 183.
14. *Fresnedo de Aguirre C.* Proof of and Information about Foreign Law in Uruguay / *Treatment of Foreign Law – Dynamics towards Convergence?* Ed. Yuko Nishitani. Springer International Publishing AG, 2017. P. 474, 476, 478, 481.
15. *Fresnedo de Aguirre C., Lorenzo Idiarte G.A.* Texto y Contexto. Ley General de Derecho Internacional Privado No. 19.920. Montevideo, 2021. P. 121.

16. *Goldschmidt W.* Derecho internacional privado: derecho de la tolerancia. Séptima edición. Buenos Aires, 1990. P. XX, XXVII, 16, 137, 140, 461.
17. *Gonzalez Martin N., Rodriguez Jimenez S.* Derecho internacional privado. Parte general. Mexico, 2010. P. 37–39.
18. *Kunda I., Gonçalves C.M.* Practical Handbook on European Private International Law. Civil Justice Programme, 2010. P. 3.
19. *Lorenzo Idiarte G.A., González Pedrouzo C., Fernández Pereiro A.* Uruguay. Private International Law. Wolters Kluwer, 2016. P. 49, 50, 53–56, 59, 60.
20. *Operti Badán D., Fresnedo de Aguirre C.* The Latest Trends in Latin American Private International Law: The Uruguayan 2009 General Law on Private International Law // *Yearbook of Private International Law.* 2009. Vol. 11. P. 315.
21. *Ortiz de la Torre T.J.A.* El Derecho Internacional Privado de la Republica Oriental del Uruguay: Una Aproximación con Motivo de la Ley General del 2016 // *Anuario Hispano-luso-americano de Derecho Internacional.* 2017–2018. Vol. 23. P. 426, 428, 433, 450, 451.
22. *Pereznieto Castro L.* Derecho Internacional Privado. Parte general / Séptima edición. Oxford University Press México, 2000. P. 5.
23. *Pereznieto Castro L.* Reseñas: Texto y contexto. Ley general de Derecho Internacional Privado No. 19.920 // *Revista Mexicana de Derecho Internacional Privado y Comparado.* 2022. No. 47. P. 82, 83.
24. *Quaranta Costerg J.P.* Jurisdicción internacional en materia contractual: de los Tratados de Montevideo al Protocolo de Buenos Aires // *El Derecho.* 2008 [Electronic resource] available at URL: <https://www.diprargentina.com/2008/03/jurisdiccion-internacional-en-materia.html>
25. *Rogerson P.* Collier's Conflict of Laws. 4th ed. Cambridge University Press, New York, 2013. P. 1.
26. *Samtleben J., Lorenzo Idiarte G.A.* Das Allgemeine Gesetz des Internationalen Privatrechts von Uruguay // *Rabels Zeitschrift für Ausländisches und Internationales Privatrecht.* 2021. Vol. 85. S. 811, 814, 818–827, 829, 836.
27. *Santos Belandro R.* Conflictos móviles y derecho transitorio en la ley general de derecho internacional privado // *Revista de la Facultad de Derecho.* 2022. No. 5. P. 22, 23.
28. *Santos Belandro R.* Ley general de Derecho internacional privado de la República Oriental del Uruguay 19.920, de 17 de noviembre de 2020. El texto y su contexto americano – Curso general. Montevideo, 2021. P. 7, 12, 26, 27 [Electronic resource] available at URL: <https://www.litres.ru/asociacion-de-escrib/ley-general-de-derecho-internacional-privado-de-la-re/chitat-onlayn/page-12/>
29. *Tellechea Bergman E.* Aplicación e información del derecho extranjero no ámbito interamericano, regional e no Uruguay // Revista de la Secretaría del Tribunal Permanente de Revisión. 2014. No. 3. P. 44.

Сведения об авторах

ЕРПЫЛЕВА Наталия Юрьевна — доктор юридических наук, профессор, руководитель департамента правового регулирования бизнеса факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; 101000 г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20

ГЕТЬМАН-ПАВЛОВА Ирина Викторовна — кандидат юридических наук, доцент департамента правового регулирования бизнеса факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; 101000 г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20

КАСАТКИНА Александра Сергеевна — кандидат юридических наук, доцент, заместитель руководителя департамента правового регулирования бизнеса факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; 101000 г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20

Authors' information

ERPYLEVA Natalia Yu. — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Legal Regulation of Business, Faculty of Law, National Research University Higher School of Economics; 20 Myasnitskaya str., 101000 Moscow, Russia

GETMAN-PAVLOVA Irina V. — PhD in Law, Associate Professor, Department of Legal Regulation of Business, Faculty of Law, National Research University Higher School of Economics; 20 Myasnitskaya str., 101000 Moscow, Russia

KASATKINA Alexandra S. — PhD in Law, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Legal Regulation of Business, Faculty of Law, National Research University Higher School of Economics; 20 Myasnitskaya str., 101000 Moscow, Russia

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ИСТОРИИ МИРОВОГО СУДА В РОССИИ: ХРОНОДИСКРЕТНЫЙ ПОДХОД

© 2023 г. А. А. Демичев^{1, 2, *}, В. А. Илюхина^{2, 3, **}

¹Нижегородская академия МВД России

²Нижегородский институт – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации

³Академия ФСИН России, г. Рязань

*E-mail: aadem@bk.ru

**E-mail: eva3011@bk.ru

Поступила в редакцию 14.03.2022 г.

Аннотация. В статье предлагается периодизация истории мирового суда в России, исходя из методологии хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения. В качестве границ периодов предлагаются даты принятия нормативных правовых актов, которыми вводился, упразднялся или кардинальным образом реформировался институт мирового суда (мирового судьи) в России. В истории мирового суда в России авторы выделяют шесть периодов: 1) 20 ноября 1864 г. – 12 июля 1889 г. – период функционирования мирового суда в Российской Империи на основании Судебных уставов 20 ноября 1864 г.; 2) 12 июля 1889 г. – 15 июня 1912 г. – период территориально ограниченного действия мирового суда в Российской Империи, когда происходила замена в большинстве мест мировых судей на земских участковых начальников; 3) 15 июня 1912 г. – 3 марта 1917 г. – период, в который предпринималась попытка восстановления мирового суда на всей территории Российской Империи; 4) 3 марта 1917 г. – 22 ноября (5 декабря) 1917 г. – период попыток Временного правительства реформировать мировую юстицию; 5) 22 ноября (5 декабря) 1917 г. – 17 декабря 1998 г. – хронодискретная пауза в истории мирового суда в России; 6) 17 декабря 1998 г. – по настоящее время – период функционирования института мирового судьи в Российской Федерации на основании Федерального закона «О мировых судьях в Российской Федерации» и законодательства субъектов Российской Федерации.

Ключевые слова: мировой суд, институт мирового судьи, мировая юстиция, периодизация, хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение.

Цитирование: Демичев А.А., Илюхина В.А. Периодизация истории мирового суда в России: хронодискретный подход // Государство и право. 2023. № 10. С. 149–155.

DOI: 10.31857/S102694520027958-4

PERIODIZATION OF THE HISTORY OF THE MAGISTRATE'S COURT IN RUSSIA: A CHRONO-DISCRETE APPROACH

© 2023 А. А. Demichev^{1, 2, *}, V. A. Ilyukhina^{2, 3, **}

¹Nizhniy Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation

²Nizhny Novgorod Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

³Academy of the Federal Service for Execution of Sentences of Russia, Ryazan

*E-mail: aadem@bk.ru

**E-mail: eva3011@bk.ru

Received 14.03.2022

Abstract. The article proposes a periodization of the history of the magistrate's court in Russia, based on the methodology of chrono-discrete monogeographical comparative jurisprudence. As the boundaries of the periods, the dates of the adoption of regulatory legal acts that introduced, abolished or radically reformed the institution of the magistrate's court in Russia are proposed. In the history of the magistrate's court in Russia, the authors distinguish six periods: 1) November 20, 1864 – July 12, 1889 – the period of the functioning of the magistrate's court in the Russian Empire on the basis of the Judicial Charters on November 20, 1864; 2) July 12, 1889 – June 15, 1912 – the period of territorially limited action of the magistrate's court in the Russian Empire, when there was a replacement in most places of justices of the peace with zemstvo district chiefs; 3) June 15, 1912 – March 3, 1917 – the period in which an attempt was made to restore the magistrate's court throughout the Russian Empire; 4) March 3, 1917 – November 22 (December 5), 1917 – the period of attempts by the Provisional Government to reform world justice; 5) November 22 (December 5), 1917 – December 17, 1998 – a chrono-discrete pause in the history of the magistrate's court in Russia; 6) December 17, 1998 – present – the period of functioning of the institution of the Justice of the Peace in the Russian Federation on the basis of the Federal Law "On magistrates in the Russian Federation" and the legislation of the constituent entities of the Russian Federation.

Key words: magistrate's court, magistrate institution, justice of the peace, periodization, chrono-discrete monogeographical comparative jurisprudence.

For citation: Demichev, A.A., Plyukhina, V. A. (2023). Periodization of the history of the magistrate's court in Russia: a chrono-discrete approach // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 149–155.

Метод периодизации является одним из методов научного познания, использование которого не только способствует приращению нового знания, но и позволяет структурировать изучаемый историко-правовой материал, выделить основные тенденции развития того или иного института. В данной статье применен метод периодизации к изучению мирового суда в России. При этом мы исходим из методологии хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения, разработанной для исследования институтов, явлений, процессов, идей и концепций, существовавших и существующих в одной географической локации в разные исторические периоды в условиях отсутствия между ними прямой преемственности¹.

Рассматривая периодизацию истории мирового суда в России, нужно понимать, что она, как и любая периодизация, схематична и представляет собой формализацию исторической действительности в зависимости от избранного критерия. Периодизация не позволяет воссоздать целостную картину прошлого, но способствует прослеживанию определенных тенденций развития изучаемых объектов и выделения их характерных специфических черт в тот или иной хронологический отрезок. В этой ситуации важную роль играет критерий периодизации. По нашему мнению, универсального критерия периодизации «на все случаи жизни» быть не может. Что касается одновременного использования нескольких критериев, то оно всегда вызывает вопросы: все ли они учтены, насколько целесообразно использование каждого из них, все ли они равны по своей значимости или есть критерий ведущий и дополнительные и т.д.

Мировой суд – это не просто явление исторической реальности, но реальности историко-правовой. Его организация и деятельность регламентировались и регламентируются нормативными правовыми актами. Следовательно, именно даты принятия нормативных правовых актов, касающихся мирового суда в России, могут ограничивать один период его существования от другого. Естественно, речь идет не о любых нормативных актах в сфере мировой юстиции (таковых за все время существования мирового суда насчитывается более сотни), а только тех, которыми

этот судебный институт вводился, упразднялся или кардинальным образом реформировался. Таким образом, критерием периодизации истории мирового суда является характер нормативных актов, его касающихся.

Обратим внимание, что даты принятия нормативных правовых актов в качестве хронологических границ в определенной степени условны. Это объясняется тем, что в юридической практике достаточно редко нормативные правовые акты вступают в силу с момента принятия, так как необходимы подготовительные организационные и иные меры для их практической реализации. Кроме того, особенности территориального устройства Российской Империи и Российской Федерации в обоих случаях привели к тому, что введение института мировых судей проводилось не одновременно и повсеместно во всех регионах, а было растянуто как в пространстве, так и во времени.

Наконец, отметим еще один момент, касающийся условности предлагаемого нами критерия периодизации. Данный формальный критерий не учитывает генезис и эволюцию идеи мирового суда до ее нормативного воплощения. А ведь именно идеи лежат в основе законодательства. Полагаем, что отдельного внимания заслуживает проблема выделения этапов развития идеи мирового суда в России. В рамках данной статьи мы ее не затрагиваем, лишь отметим, что идея мирового суда в России впервые появилась в XVIII в., однако тогда она не привлекла внимания законодателя. Интерес к мировому суду как к институту актуализировался в октябре 1858 г. в рамках подготовки реформы по отмене крепостного права. Чуть позже (с октября 1862 г.) этот интерес конкретизировался в ходе разработки Основных положений преобразования судебной части в России и в дальнейшем – Судебных уставов 20 ноября 1864 г.² Именно с принятием Судебных уставов и началась история мирового суда в Российской Империи.

Перейдем непосредственно к периодизации истории мирового суда в России.

¹ См.: Хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение: проблемы методологии / под ред. А.А. Демичева. М., 2021.

² См. подр.: Илюхина В.А. Эволюция идеи мирового суда в России во второй половине XVIII – первой половине 60-х гг. XIX в. (историко-правовое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2012.

1. 20 ноября 1864 г. – 12 июля 1889 г. – период функционирования мирового суда в Российской Империи на основании Судебных уставов 20 ноября 1864 г.

Началом данного периода является дата подписания Государем Императором Александром II четырех документов (Учреждения судебных установлений³, Устава уголовного судопроизводства⁴, Устава гражданского судопроизводства⁵ и Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями⁶), получивших общее название «Судебные уставы 20 ноября 1864 года». После гибели Александра II 1 марта 1881 г. они были официально переименованы в «Судебные уставы императора Александра II». В каждом из четырех названных уставов содержались нормы, касающиеся мирового суда.

Итак, формально мировой суд создавался в Российской Империи 20 ноября 1864 г., но практическая реализация Судебных уставов началась несколько позже. Только почти через год – 19 октября 1865 г. было принято Положение о введении в действие Судебных уставов 20 ноября 1864 г.⁷ Реально же мировая юстиция начала функционировать в Российской Империи в 1866 г. – сначала в Санкт-Петербурге и Москве, позже и в других местностях по мере расширения сферы действия судебной реформы.

В течение первого периода законодательство о мировом суде находилось в постоянном развитии. Это обуславливалось тем, что Российская Империя столкнулась с принципиально новым для нее институтом, который должен был «притереться» к действительности. Естественно, Судебные уставы 1864 г. не были идеальным регулятором общественных отношений в сфере судостроительства и судопроизводства (в том числе и в отношении мирового суда), поэтому в них вносились многочисленные изменения. Что касается мирового суда, то наиболее важными новеллами в первый период его истории стало введение добавочных мировых судей, смягчения некоторых ценовых требований в отношении кандидатов в мировые судьи, согласование Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, с Уложением о наказаниях уголовных и исправительных, расширение компетенции мировых судей за счет смягчения наказания за мелкие кражи со взломом, за нарушение паспортного устава и некоторые иные преступления против порядка управления и др.

Мировой суд в России никогда не носил политического характера. Этим он отличался от другого нового для государства института – суда присяжных. Последний в ряде случаев при вынесении присяжными заседателями оправдательных вердиктов в политических процессах вызывал негативные оценки государственных деятелей, ряда публицистов и ученых так называемого консервативного толка (М.Н. Катков, В.П. Мещерский, В.Я. Фукс и др.). Мировой суд и властью, и общественностью в целом воспринимался позитивно. Еще в 1866 г. Министр юстиции Российской Империи Д.Н. Замiatин, открывая новые судебные учреждения, озвучил мысль, что мировой суд является «краеугольным камнем гласного, скорого, правого

и милостивого суда»⁸. Тогда же В.П. Безобразов писал, что мировой суд вносит право в такие сферы общественной жизни, где ранее «не существовало даже и признака права, даже и понятия о возможности права»⁹. Мировой суд был достаточно спокойно принят населением, так как он представлял собой удобную (быструю и дешевую) форму суда по мелким гражданским и уголовным делам.

Получилось, что на высшем и низшем уровнях к мировому суду в российском обществе сформировался как минимум нейтральный, чаще благожелательный, настрой. Однако непростые отношения складывались с мировой юстицией у администрации на местах¹⁰. Дело в том, что в пореформенный период во многих регионах управленческую деятельность по-прежнему осуществляли лица, начавшие службу еще до «Великих реформ» Александра II и сохранившие «старые» представления о роли администрации и роли суда. В рамках такого правосознания чиновники пытались подчинить себе новый независимый суд, что вызывало конфликтные ситуации, снижало эффективность как деятельности администрации, так и мировых судебных учреждений.

В 70–80-е годы XIX в. в Российской Империи имел место кризис судебной системы, затронувший и мировую юстицию. 12 июля 1889 г. Высочайше были утверждены Положение о земских участковых начальниках; Правила об устройстве судебной части в местностях, в которых введено означенное Положение; Временные правила о волостном суде в тех же местностях и Правила о порядке приведения в действие Положения о земских участковых начальниках¹¹. В итоге мировые судьи в рамках политического курса на усиление административной власти практически повсеместно были заменены земскими участковыми начальниками. Сохранился мировой суд всего в восьми городах Российской Империи: Санкт-Петербурге, Москве, Казани, Кишиневе, Нижнем Новгороде, Одессе, Саратове и Харькове, а также в области Войска Донского.

В зарубежной историографии высказывается мнение, что мировой суд «провалился» в Российской Империи в силу причин ментального характера – традиционное общество, привыкшее к прямому администрированию, не было готово к принятию западноевропейской модели мировой юстиции. Зато земские участковые начальники, соединившие административные и судебные полномочия, больше соответствовали потребностям российского общества¹². По нашему мнению, введение мирового суда вовсе не «проваливалось». Об этом свидетельствует сравнительный анализ деятельности мирового суда и земских участковых начальников¹³. Кроме того, мировой суд прочно вошел в правосознание населения, причем в представлении подданных Российской Империи образ мирового судьи

⁸ Джанишев Г.А. Эпоха великих реформ. Исторические справки. 10-е изд., доп. СПб., 1907. С. 459.

⁹ Безобразов В.П. Мысли по поводу мировой судебной власти. М., 1866. С. 6.

¹⁰ См.: Понн И.А. Администрация и мировой суд в середине 1860–1870-х гг.: к проблемам понимания и взаимодействия // История государства и права. 2011. № 13. С. 5–8.

¹¹ См.: ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. IX. № 6196.

¹² См.: Pearson T. Russian law and rural justice. Activity and problems of the Russian justices of peace, 1865–1889 // Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas. Wiesbaden, 1984. Bd. 32. S. 69–71.

¹³ См.: Краковский К.П. Земские начальники и мировая юстиция (реформа местного суда 1889 г.) // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2017. № 1. С. 53–95.

³ См.: ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XXXIX. Отд. 2. № 41475.

⁴ См.: там же. № 41476.

⁵ См.: там же. № 41477.

⁶ См.: там же. № 41478.

⁷ См.: Высочайше утвержденное Положение о введении в действие Судебных уставов 20 ноября 1864 г. от 19 октября 1865 г. // Там же. Т. XL. Отд. 2. № 42587.

был сугубо положительным¹⁴. Наконец, менее чем через четверть века была предпринята попытка повсеместного восстановления мировой юстиции. Это означало, что сам законодатель признал ценность мирового суда и осознал его преимущества по сравнению с земскими участковыми начальниками.

Не важно, по каким причинам, но с введением института земских участковых начальников завершился первый период истории российского мирового суда и начался второй период.

2. 12 июля 1889 г. – 15 июня 1912 г. – период территориально ограниченного действия мирового суда в Российской Империи, когда происходила замена в большинстве мест мировых судей на земских участковых начальников.

Как уже отмечалось ранее, данный период начался введением земских участковых начальников с передачей им местных судебных функций практически на всей территории Российской Империи, за исключением столиц, шести крупных городов и Области Войска Донского. Там, где мировой суд был сохранен, он продолжал действовать на основании Судебных уставов Государя Императора Александра II.

Как ни странно, но развитие мирового суда как самостоятельного института продолжалось даже в этих условиях. Проявлялось это в создании специализированных мировых судов. Так, в Нижнем Новгороде в 1896 г. на период проведения XVI Всероссийской промышленной и художественной выставки был создан специализированный мировой суд, действовавший на территории выставки в составе двух судебно-мировых участков. В 1910 г. в Санкт-Петербурге был создан специализированный мировой суд для малолетних, а в 1912 г. аналогичный мировой суд появился в Москве.

Постепенно правящая элита осознала (юридическому сообществу это было понятно изначально), что упразднение мирового суда на большей части территории Российской Империи было ошибочным, ибо был нарушен один из основополагающих принципов судебной реформы 1864 г. – отделение власти судебной от административной. Соответственно стали разрабатываться проекты реформирования местной юстиции, которые вылились в принятие Закона от 15 июня 1912 г. «О преобразовании местного суда»¹⁵. Тем самым был окончен второй период истории российского мирового суда и начался третий период.

3. 15 июня 1912 г. – 3 марта 1917 г. – период, в который предпринималась попытка восстановления мирового суда на всей территории Российской Империи.

15 июня 1912 г. был принят Закон «О преобразовании местного суда», но Закон о его введении в действие появился только через год¹⁶. Это узаконение регламентировало введение новых мировых судебных установлений с 1 января 1914 г. в 10 губерниях Российской Империи: Харьковской, Екатеринославской, Курской, Полтавской, Черниговской, Киевской, Волынской, Подольской, Херсонской

и Таврической. Прописывался также механизм преобразования мирового суда в тех местах, где он не прекращал своего существования после введения института земских участковых начальников. Кстати, сам этот институт не упразднился, просто у земских участковых начальников изымались судебные полномочия и передавались мировым судьям. Обратим внимание, что в названных 10 губерниях действительно начала функционировать возрожденная Законом от 15 июня 1912 г. мировая юстиция.

1 июня 1914 г. был принят Закон, в соответствии с которым мировая юстиция должна была быть введена еще в 10 губерниях (Витебской, Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской, Могилевской, Бессарабской, Воронежской, Орловской, Тамбовской) и четырех городах (Нижнем Новгороде, Казани, Саратове и Астрахани)¹⁷. Однако дальнейшему распространению мировых судов в Российской Империи помешала Первая мировая войны. Именно по этой причине к 1917 г. мировая юстиция так и не была восстановлена в тех территориях, в которых она функционировала в 1889 г. Тем не менее следует согласиться с С.В. Лонской, что значение Закона 1912 г. «состоит в том, что мировому суду возвращалась прежняя достойная роль в системе российского правосудия, а богатая многолетняя практика обобщалась и из прецедентной формы облекалась в точные нормы закона»¹⁸.

Несмотря на условия Первой мировой войны и трудности с введением «обычного» мирового суда, активно продолжалось создание мировых судов для малолетних в различных местностях Российской Империи. К Октябрьской революции 1917 г., кроме уже созданных ранее в столицах, специализированные мировые суды для малолетних были открыты в Варшаве, Екатеринбурге, Екатеринославле, Киеве, Нижнем Новгороде, Николаеве, Одессе, Риге, Саратове, Тифлисе, Томске, Харькове и некоторых других городах.

Февральская революция 1917 г. и приход к власти Временного правительства привели к смене политического курса государства, естественно, это не могло не повлиять на судебную сферу. Окончание третьего периода истории мирового суда в России мы связываем с началом законодательной деятельности Временного правительства в сфере мировой юстиции. Первым среди нормативных правовых актов Временного правительства, касавшихся мирового суда, стал приказ министра юстиции от 3 марта 1917 г. «Об образовании временных судов в Петрограде»¹⁹.

4. 3 марта 1917 г. – 22 ноября (5 декабря) 1917 г. – период попыток Временного правительства реформировать мировую юстицию.

Данный период – самый короткий в истории российского мирового суда. Он начался 3 марта 1917 г. с принятия первого нормативного правового акта Временного правительства в сфере мировой юстиции, а завершился

¹⁴ См.: Демичев А.А. Судебная реформа 1864 г. в дореволюционном анекдоте (Попыт изучения российской ментальности). М., 2012. С. 47–72.

¹⁵ См.: ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. XXXII. Отд. 1. № 37328.

¹⁶ См.: Высочайше утвержденный одобренный Государственным Советом и Государственной Думой Закон «Об установлении о введении в действие Закона 15 июня 1912 года о преобразовании местного суда, о введении в действие сего закона, в полном объеме, в губерниях Харьковской, Екатеринославской, Курской, Полтавской, Черниговской, Киевской, Волынской, Подольской, Херсонской и Таврической и о распространении некоторых постановлений сего закона на прочие местности Империи» от 26 июня 1913 г. // Там же. № 39582.

¹⁷ См.: Высочайше утвержденный одобренный Государственным Советом и Государственной Думой Закон «О введении в действие Закона 15 июня 1912 года о преобразовании местного суда в губерниях Витебской, Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской, Могилевской, Бессарабской, Воронежской, Орловской и Тамбовской и в городах Нижнем Новгороде, Казани, Саратове и Астрахани» от 01.06.1914 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1914, ст. 1927 (далее – Собрание узаконений).

¹⁸ Лонская С.В. Институт мировой юстиции в России: историко-теоретическое правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2016. С. 156.

¹⁹ См.: приказ министра юстиции от 03.03.1917 г. № 2 «Об образовании временных судов в Петрограде» // Собрание узаконений. 1917. № 58, ст. 354.

упразднением мировых судов советской властью, когда 22 ноября (по новому стилю – 5 декабря) 1917 г. Совет Народных Комиссаров РСФСР издал Декрет № 1 «О суде»²⁰.

Следствием непродолжительности нахождения у власти Временного правительства стала незавершенность практически всех предпринимаемых им мер. Это касается и мировой юстиции. Особенностью законодательства Временного правительства было то, что попытки его реализации предпринимались, по сути, только в столицах и на фронте. Другими специфическими чертами преобразований в сфере мирового суда стала их интенсивность, временный характер и стремление власти всяческим образом реально или номинально демократизировать мировую юстицию. Последнее проявлялось во введении принципа коллегиальности в деятельность мировых судов, в допущении женщин к судопроизводству в качестве мировых судей и прочее. О стремлении к демократизации мировой юстиции свидетельствует и обсуждение идеи введения мирового суда с присяжными заседателями²¹, которая, конечно, не была воплощена в жизнь.

За время нахождения Временного правительства у власти было принято около десятка нормативных актов, так или иначе касавшихся мирового суда. Среди наиболее важных, кроме приказа министра юстиции от 3 марта 1917 г. «Об образовании временных судов в Петрограде», следует назвать Инструкцию для временных судов от 22 марта 1917 г.²², постановление Временного правительства от 19 июля 1917 г. «Об упразднении временных судов»²³, постановление Временного правительства от 4 мая 1917 г. «О временном устройстве местного суда» и др.

Оценить эффективность практической деятельности мировых судов, впрочем, как и всей судебной системы России, периода нахождения у власти Временного правительства не представляется возможным – одни мероприятия не были реализованы вообще, другие – воплощены в жизнь только частично (не в полном объеме или не на всех территориях). Наконец, мы не располагаем достоверными статистическими и иными сведениями, позволяющими объективно оценить институт мирового суда в России в период существования Временного правительства.

5. 22 ноября (5 декабря) 1917 г. – 17 декабря 1998 г. – хронодискретная пауза в истории мирового суда в России.

Пунктом 2 Декрета от 22 ноября (5 декабря) 1917 г. № 1 «О суде» предписывалось приостановление института мировых судей. Интересно, что все прочие судебные учреждения Российской Империи упразднялись. Внешне может показаться, что мировому суду была дана надежда на будущее. На самом деле это была иллюзия. Мировые судьи заменялись местными судами, состоящими из постоянного местного судьи и двух избираемых очередных судей. При этом «прежние» мировые судьи не лишались права на избрание в местные судьи. В компетенцию местного суда входило рассмотрение практически тех же уголовных и гражданских дел, которые рассматривали мировые судьи в предшествующие исторические периоды. Таким образом, можно утверждать, что как судебный институт мировой суд был упразднен Декретом «О суде» и фактически, и юридически.

²⁰ См.: Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 124–126.

²¹ См.: Полянский Н. Мировой суд с присяжными заседателями (к вопросу о реформе местного суда) // Вестник права. 1917. № 22–23. С. 459–463.

²² См.: Вестник Временного правительства. 1917. № 19. С. 1–2.

²³ См.: Собрание узаконений. 1917. № 167, ст. 911.

С этого момента в истории российского мирового суда началась хронодискретная пауза, приведшая к прерыванию правовой традиции мировой юстиции.

Практически весь советский период не было ни идеи возрождения мирового суда, воспринимаемого учеными и практиками, наряду с судом присяжных, в качестве хотя и демократического, но буржуазного института, которому нет места в советском государстве, ни тем более попыток его восстановления. Место мировому суду нашлось исключительно в текстах учебников истории и истории государства и права (и то в качестве краткого упоминания) и на страницах монографий и научных статей, посвященных судебной реформе 1864 г.

На самом закате советской эпохи, когда реформирование всех сфер жизни общества, включая судебную, стало неизбежным, постановлением Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. была утверждена Концепция судебной реформы²⁴. Этот нормативный правовой акт хотя и появился еще в РСФСР, но на долгие годы предопределил развитие судостроительства и судопроизводства уже в постсоветский период в Российской Федерации. В Концепции судебной реформы 1991 г. мировой суд рассматривался в качестве неотъемлемого компонента будущей российской судебной системы.

Распад СССР и возникновение нового независимого государства – Российской Федерации не означало мгновенного отказа от ранее существовавшей судебной системы. Новая система формировалась постепенно, а ее основные контуры были определены Федеральным конституционным законом от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»²⁵. Обратим внимание, что в первоначальном варианте Конституции РФ, принятой на всенародном референдуме 12 декабря 1993 г.²⁶, о мировых судьях не было никаких упоминаний. Что касается Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации», то ст. 28 носит название «Мировой судья». В первой ее части определяется, что «мировой судья в пределах своей компетенции рассматривает гражданские, административные и уголовные дела в качестве суда первой инстанции». Во второй части той же статьи устанавливается, что «полномочия и порядок деятельности мирового судьи устанавливаются федеральным законом и законом субъекта Российской Федерации».

Итак, первое нормативно закрепленное упоминание о мировых судьях в законодательстве Российской Федерации содержится в Федеральном конституционном законе «О судебной системе Российской Федерации», однако, по нашему мнению, упоминание еще не означает создание института мирового судьи в Российской Федерации. Для этого был необходим специальный закон. Таковым стал Федеральный закон от 17 декабря 1998 г. № 188-ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации»²⁷. Именно им был возрожден институт мирового судьи в Российской Федерации и прервана хронодискретная пауза в его истории.

6. 17 декабря 1998 г. – по настоящее время – период функционирования института мирового судьи в Российской Федерации на основании Федерального закона «О мировых судьях в Российской Федерации» и законодательства субъектов Российской Федерации.

²⁴ См.: Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 44, ст. 1435.

²⁵ См.: СЗ РФ. 1997. № 1, ст. 1.

²⁶ См.: Росс. газ. 1993. 25 дек.

²⁷ См.: СЗ РФ. 1998. № 5, ст. 6270.

С 1998 г. институт мировых судей стал вводиться в субъектах Российской Федерации, но основная масса нормативных правовых актов была принята в 1999–2001 гг. Впервые законодательство о мировых судьях появилось в Башкортостане, причем еще до принятия Федерального закона «О мировых судьях в Российской Федерации»²⁸. Хронологически последними в силу известных причин были приняты законы о мировых судьях в Республике Крым²⁹ и Севастополе³⁰. В настоящее время мировые судьи действуют во всех субъектах Российской Федерации.

Специфический статус мирового судьи по действующему законодательству и отсутствие второй судебной инстанции дают основания полагать, что в Российской Федерации не существует ни мировой юстиции, ни мирового суда. Поэтому более корректно говорить только о существовании мировых судей. Тем не менее, по нашему мнению, в стране в перспективе имеются все шансы создать полноценный мировой суд и полноценную мировую юстицию.

* * *

Подводя итоги, акцентируем внимание на следующих выводах:

во-первых, мировой суд является плодом заимствования зарубежного опыта. По этой причине он появился в Российской Империи достаточно поздно — только в ходе судебной реформы 1864 г.;

во-вторых, мировой суд (институт мирового судьи) является классическим хронодискретным российским институтом, в истории которого был временной разрыв длительностью более 81 года, приведший к прерыванию правовой традиции его существования;

в-третьих, исходя из такого критерия, как законодательство о мировых судьях, в истории этого института можно выделить шесть периодов: 1) 20 ноября 1864 г. — 12 июля 1889 г. — период функционирования мирового суда в Российской Империи на основании Судебных уставов 20 ноября 1864 г.; 2) 12 июля 1889 г. — 15 июня 1912 г. — период территориально ограниченного действия мирового суда в Российской Империи, когда происходила замена в большинстве мест мировых судей на земских участковых начальников; 3) 15 июня 1912 г. — 3 марта 1917 г. — период, в который предпринималась попытка восстановления мирового суда на всей территории Российской Империи; 4) 3 марта 1917 г. — 22 ноября (5 декабря) 1917 г. — период попыток Временного правительства реформировать мировую юстицию; 5) 22 ноября (5 декабря) 1917 г. — 17 декабря 1998 г. — хронодискретная пауза в истории мирового суда в России; 6) 17 декабря 1998 г. — по настоящее время — период функционирования института мирового судьи в Российской Федерации на основании Федерального закона «О мировых судьях в Российской Федерации» и законодательства субъектов Российской Федерации.

²⁸ См.: Закон Республики Башкортостан от 31.07.1998 г. № 182-з «О мировых судьях в Республике Башкортостан» // Известия Башкортостана. 1998. 19 авг.

²⁹ См.: Закон Республики Крым от 01.09.2014 г. № 61-ЗРК «О мировых судьях Республики Крым» // Крымские известия. 2014. 10 сент.

³⁰ См.: Закон г. Севастополя от 29.01.2019 г. № 475-3С «О мировых судьях города Севастополя». URL: https://sevzakon.ru/view/laws/bank/2019/zakon_n_475_zs_ot_29_01_2019/opublikovanie/ (дата обращения: 10.03.2022).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Безобразов В.П.* Мысли по поводу мировой судебной власти. М., 1866. С. 6.
2. Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 124–126.
3. *Демичев А.А.* Судебная реформа 1864 г. в дореволюционном анекдоте (Опыт изучения российской ментальности). М., 2012. С. 47–72.
4. *Джанишев Г.А.* Эпоха великих реформ. Исторические справки. 10-е изд., доп. СПб., 1907. С. 459.
5. *Илюхина В.А.* Эволюция идеи мирового суда в России во второй половине XVIII — первой половине 60-х гг. XIX в. (историко-правовое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2012.
6. *Краковский К.П.* Земские начальники и мировая юстиция (реформа местного суда 1889 г.) // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2017. № 1. С. 53–95.
7. *Лонская С.В.* Институт мировой юстиции в России: историко-теоретическое правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2016. С. 156.
8. *Полянский Н.* Мировой суд с присяжными заседателями (к вопросу о реформе местного суда) // Вестник права. 1917. № 22–23. С. 459–463.
9. *Попп И.А.* Администрация и мировой суд в середине 1860–1870-х гг.: к проблемам понимания и взаимодействия // История государства и права. 2011. № 13. С. 5–8.
10. Хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение: проблемы методологии / под ред. А.А. Демичева. М., 2021.
11. *Pearson T.* Russian law and rural justice. Activity and problems of the Russian justices of peace, 1865–1889 // Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas. Wiesbaden, 1984. Bd. 32. S. 69–71.

REFERENCES

1. *Bezobrazov V.P.* Thoughts on the world judicial power. M., 1866. P. 6 (in Russ.).
2. Decrees of Soviet power. M., 1957. Vol. 1. P. 124–126 (in Russ.).
3. *Demichev A.A.* Judicial reform of 1864 in a pre-revolutionary anecdote (Experience of studying the Russian mentality). M., 2012. P. 47–72 (in Russ.).
4. *Dzhanshiev G.A.* The Era of great reforms. Historical references. 10th ed. St. Petersburg, 1907. P. 459 (in Russ.).
5. *Ilyukhina V.A.* Evolution of the idea of the World court in Russia in the second half of the XVIII — first half of the 60^s of the XIX century (historical and legal research): abstract ... PhD in Law. Vladimir, 2012 (in Russ.).
6. *Krakovsky K.P.* Zemstvo chiefs and world justice (reform of the local court in 1889) // Historical and legal problems: a new perspective. 2017. No. 1. P. 53–95 (in Russ.).
7. *Lonskaya S.V.* Institute of World Justice in Russia: historical and theoretical legal research: dis. ... Doctor of Law. SPb., 2016. P. 156 (in Russ.).
8. *Polyansky N.* The World Court with jurors (on the issue of the reform of the local court) // Herald of Law. 1917. No. 22–23. P. 459–463 (in Russ.).
9. *Popp I.A.* Administration and the World Court in the Mid 1860^s–1870^s: on the problems of understanding and interaction // History of the state and law. 2011. No. 13. P. 5–8 (in Russ.).
10. Chronodiscret monogeographic comparative jurisprudence: problems of methodology / ed. by A.A. Demichev. M., 2021 (in Russ.).
11. *Pearson T.* Russian law and rural justice. Activity and problems of the Russian justices of peace, 1865–1889 // Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas. Wiesbaden, 1984. Bd. 32. S. 69–71.

Сведения об авторах

ДЕМИЧЕВ Алексей Андреевич – доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ, профессор кафедры гражданского права и процесса Нижегородской академии МВД России; 603950 г. Н. Новгород, Анкудиновское шоссе, д. 3; главный научный сотрудник научного центра Нижегородского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; 603950 г. Н. Новгород, пр. Гагарина, д. 46
ORCID: 0000-0002-9779-100X

ИЛЮХИНА Вера Александровна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права, международного и европейского права Академии ФСИН России; 390036 г. Рязань, ул. Сенная, д. 1; старший научный сотрудник научного центра Нижегородского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; 603950 г. Н. Новгород, пр. Гагарина, д. 46
ORCID: 0000-0001-7049-4593

Authors' information

DEMICHEV Alexey A. – Doctor in Law, PhD in History, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 3 Ankudinovskoe Highway, 603950 N. Novgorod, Russia; Leading Researcher of the Scientific Center, Nizhny Novgorod Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; 46 Gagarina Ave., 603950 N. Novgorod, Russia

ILYUKHINA Vera A. – PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory of State and Law, International and European Law, Academy of Law and Management of the Federal Service for Execution of Sentences of Russia; 1 Sennaya str., 390036 Ryazan, Russia; Senior Researcher of the Scientific Center, Nizhny Novgorod Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; 46 Gagarina Ave., 603950 N. Novgorod, Russia

НА ПУТИ К НРАВСТВЕННОМУ ГОСУДАРСТВУ (ГОСУДАРСТВО И НРАВСТВЕННОСТЬ: ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ)

© 2023 г. Е. В. Сазонникова

Воронежский государственный университет

E-mail: sazon75@mail.ru

Поступила в редакцию 06.01.2023 г.

Аннотация. Статья посвящена проблематике нравственных оснований жизнедеятельности общества и государства. Особое внимание уделено концепции нравственного государства профессора С. Н. Бабурина, обозначено её существенное значение для развития российской государственности на современном этапе. Следуя за концепцией С. Н. Бабурина, в статье отмечено, что конституционная реформа, проведенная в России в 2020 г., стала важным этапом на пути Российской Федерации к идеалу нравственного государства, акцентировано внимание на последовавших новеллах законодательства, обосновано предложение об углублении нравственной составляющей в программах политических партий и в содержании юридического образования.

Ключевые слова: нравственное государство, конституция, государство, нравственность, справедливость, свобода, С. Н. Бабурина, юридическое образование, правовое регулирование.

Цитирование: Сазонникова Е. В. На пути к нравственному государству (государство и нравственность: точки соприкосновения) // Государство и право. 2023. № 10. С. 156–160.

DOI: 10.31857/S102694520027967-4

ON THE WAY TO THE MORAL STATE (STATE AND MORALITY: POINTS OF CONNECTION)

© 2023 E. V. Sazonnikova

Voronezh State University

E-mail: sazon75@mail.ru

Received 06.01.2023

Abstract. The article is devoted to the problems of the moral foundations of the life of society and the state. Special attention is paid to the concept of the moral state of Professor S. N. Baburin, its essential importance for the development of Russian statehood at the present stage is indicated. Following the concept of S. N. Baburin, the article notes that the constitutional reform carried out in Russia in 2020 has become an important stage on Russia's path to the ideal of a moral state, focuses on new legislation, substantiates a proposal to deepen the moral component in the programs of political parties and in the content of legal education.

Key words: moral state, constitution, state, morality, justice, freedom, S. N. Baburin, legal education, legal regulation.

For citation: Sazonnikova, E. V. (2023). On the way to the moral state (state and morality: points of connection) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 156–160.

«Нравственность предстаёт как совокупность всех действующих в обществе нравов, правил, традиций, словом, всех видов стандартизированного поведения, как нормативная основа созданного и поддерживаемого на базе единых идеологических, социально-ценностных принципов порядка деятельности общества»¹.

Г.В. Мальцев

«Мировоззренческой основой нравственного государства выступают такие главные универсальные ценности общества, как справедливость и свобода»².

С.Н. Бабурин

«Нравственность» происходит от древнерусского слова «нрав». В научных источниках отмечается, что в XVIII в. слово «нравственность» употреблялось как синоним слов «этика» (от греч. *ethos* — нрав, обычай) и «мораль» (от лат. *mos*, что означало примерно то же самое, что греческое слово «*ethos*» — нрав, обычай). Часто в современном словоупотреблении слова «нравственность», «этика», «мораль» взаимозаменяемы; одновременно они имеют оттенки, отличающие их друг от друга³.

В «Толковом словаре живого великорусского языка», составленном русским писателем, этнографом, лексикографом и военным врачом В.И. Далем, словом «нрав» обозначалось одно из двух основных свойств духа человека («ум и нрав слитно образуют дух»). По Далю, «нравственность» определялась как «мораль», «хорошее поведение» и «вообще поведение»; а «нравственное» не что иное, как «духовное», т.е. противоположное телесному, плотскому; в духовном бытовании человека нравственное и умственное хотя и противопоставлялись, но были неотделимы друг от друга. Объясняя подробности значения слова «нравственный», В.И. Даль приводит примечательные примеры высказываний. Нравственный — «это согласный с совестью, с законами правды, с достоинством человека, с долгом честного и чистого сердцем гражданина»; «всякое самоотвержение есть поступок нравственный, доброй нравственности, доблести»; «нравственность веры нашей выше нравственности гражданской: первая требует только строгого исполнения законов, вторая же ставит судьей совесть и Бога»⁴.

Судя по толковым словарям русского языка, изначально признак «нравственный» был относим только к человеку. Но однажды в отечественном социально-гуманитарном знании произошло расширение сферы применения этого признака, его стали использовать для характеристики не только индивида, но и государства. Трудно сказать, кому принадлежит первенство внедрения этого подхода. Ниже приводится несколько упоминаний о государстве как о нравственном субъекте в дошедших до нашего времени источниках, относящихся к XIX в.

А.Г. Ободовский писал, что государство есть «нравственный организм». «Государство, рассматриваемое в целостности, состоит, как человек, отдельно взятый, из тела

и души; оно есть нравственное лицо или человек сложный. Соединенные члены составляют тело, любовь к Царю и Отечеству есть душа, сердце есть Церковь, дух его или совокупность действий всех нравственных сил проявляется в политической его жизни»⁵.

Начиная с середины и во второй половине XIX в. в Российской Империи появилось заметное множество публицистических трудов, посвященных размышлениям о «нравственной роли», «нравственной силе», «нравственной опоре», «нравственном строе», «нравственном устое», «нравственном интересе» государства.

Выделяется изданный в начале 1860-х годов, позднее переведенный на русский язык фундаментальный труд по общей истории педагогики немецкого педагога К. Шмидта «История педагогики Карла Шмидта, изложенная во всемирно-историческом развитии и в органической связи с культурной жизнью народов». В книге автор сформулировал утверждение: «Государство такая же нравственная особь, как и единичный человек, но в большом лишь размере, — особь, посредством которой идея добра по возможности шире проявляется в действительном быту»⁶.

Тема нравственных основ жизнедеятельности государства неисчерпаема для исследования, нравственное содержание можно осмысливать применительно ко всем без исключения направлениям государственной политики.

Современное состояние отечественных исследований в сфере взаимного влияния государства и нравственности характеризуется введением в философию государства, теоретико-правовую и конституционно-правовую науку концепции нравственного государства проф. С.Н. Бабурина, которой посвящена монография «Нравственное государство. Русский взгляд на ценности конституционализма»⁷. Ее новизна заключается в том, что через аксиологию современного конституционализма и сравнение потенциальных возможностей государств разной цивилизационной культуры выявляются возможности и смысл духовно-нравственных ценностей в конституционализме, роль социальной консолидации общества, рассматриваются цивилизационные модели нравственного государства⁸.

Книга вызвала оживленную дискуссию о том, что есть нравственное государство, достижимо ли это идеальное состояние, каким требованиям должно отвечать такое государство⁹. Профессор С.Н. Бабурин исходит из того, что «смысл

⁵ Ободовский А.Г. Теория статистики в настоящем состоянии, с приложением краткой истории статистики. СПб., 1839. С. 5. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_004425872 (дата обращения: 02.01.2023).

⁶ Шмидт К. История педагогики Карла Шмидта, изложенная во всемирно-историческом развитии и в органической связи с культурной жизнью народов / пер. Э. Циммермана. 3-е изд., доп. и испр. В. Ланге. М., 1877. Т. 1. С. 282. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003890545 (дата обращения: 02.01.2023).

Несмотря на то что вышеназванная книга была изначально написана для немецких учителей, она стала не только одним из самых значимых исследований по истории педагогики, но и оказала существенное влияние на другие сферы социально-гуманитарного знания (*Прим. авт.*).

⁷ Бабурин С.Н. Указ. соч.

⁸ См.: там же.

⁹ См.: Загоров О. Актуальное исследование благодетельного государства. С.Н. Бабурин. Нравственное государство. Русский взгляд на ценности конституционализма // Государство и право. 2021. № 7. С. 197–200; Керимов А.Д. Нравственность, государство, капитализм: размышления о теории нравственного государства С.Н. Бабурина // Государство и право. 2022. № 1. С. 98–109; Мазеев В.Д. Нравственное

¹ Мальцев Г.В. Нравственные основания права. М., 2008. С. 46, 47.

² Бабурин С.Н. Нравственное государство. Русский взгляд на ценности конституционализма. М., 2020. С. 236.

³ См.: Кармин А.С. Культурология: учеб. СПб., 2003. С. 501.

⁴ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / под ред. и с предисл. И.А. Бодуэна-де-Куртенэ. 3-е изд., испр. и знач. доп. СПб.; М., 1905. Т. 2. И-О. С. 1448, 1449.

перехода к нравственному государству заключается в конструировании *универсальной модели идеального государства, которое основывается на культурно-исторических и духовно-нравственных традициях каждой нации*, «что лишь конституционное закрепление духовно-нравственной самоорганизации общества создаст нравственное государство»¹⁰.

Обращаясь к конституционной истории Российского государства после 1917 г., очевидно, что в Конституциях РСФСР 1918, 1925, 1937 гг. о нравственности не упоминалось вовсе. Отчасти это можно объяснить тем, что правовое регулирование общественных отношений не достигло в тот период уровня, достаточного для всестороннего конституционного закрепления духовных основ жизнедеятельности общества.

В Конституции РСФСР 1978 г. была закреплена забота государства «об охране, преумножении и широком использовании духовных ценностей для нравственного и эстетического воспитания советских людей, повышения их культурного уровня» (ст. 27). Иными словами, нравственность рассматривалась в контексте социального развития и культуры как предмет особой государственной заботы.

В Конституции РФ 1993 г. до внесения в 2020 г. поправок слово «нравственность» упоминалось только один раз в связи с конституционным регулированием ограничения прав и свобод человека и гражданина (ч. 3 ст. 55). Такое юридико-техническое решение сужало значение нравственности как объекта конституционного регулирования, ведь с нравственным началом должно соотноситься не столько ограничение прав человека и гражданина, сколько всё устройство государственно-правовой системы. Конечно, дело не только в наличии собственно слова «нравственность» в тексте Основного Закона государства, хотя даже простое упоминание придаёт конкретику. Нравственные основы жизни людей и государства выражаются в правовом тексте и через другие категории («достоинство», «справедливость», «добро», «солидарность», «партнерство», «уважение», «доверие» и т.д.). Важно законодательно устанавливать конкретные нравственные ориентиры для человека и общества, поддерживаемые не только принудительной силой государства, но и силой его убеждения, в частности просветительскими мерами, реализуемыми органами публичной власти, примером поведения государственных служащих.

Поэтому велика значимость принятия поправок к Конституции РФ именно для расширения её духовно-нравственного содержания, в особенности включение в текст ст. 67¹, 68, 75¹. Это тем более важно, потому что в политико-правовой науке и законодательстве России на протяжении некоторого времени доминировал подход, что закон может защищать нравственность, но не способен

государство через конституционные аспекты экономики (в рамках дискуссии о проблеме нравственного государства и его российских особенностях, предложенной И. М. Рагимовым в связи с книгой С. Н. Бабурина «Нравственное государство») // Государство и право. 2021. № 7. С. 94–105; Мамитова Н. В. Нравственные ценности конституционализма: историческая ретроспектива и современная реальность (рассуждения о теории нравственного государства С. Н. Бабурина) // Государство и право. 2022. № 10. С. 63–70; Рагимов И. М. Современная диалектика государства и нравственности. С. Н. Бабурина. Нравственное государство. Русский взгляд на ценности конституционализма // Государство и право. 2020. № 12. С. 106–111; Станкевич З. А. «Нравственное государство» или все-таки новая теократия? Poleмические заметки в связи с очередной концепцией российской государственности // Правоведение. 2021. Т. 5. № 2. С. 238–245.

¹⁰ Бабурина С. Н. Нравственное государство как политико-правовая идея, время которой пришло // Международный журнал конституционного и государственного права. 2021. № 1. С. 14–20.

установить нравственность, научить быть нравственным конкретному человеку. Конституция РФ фундирует процессы в сфере нравственного преобразования современного российского государства и общества.

Важнейшее стратегическое значение имеет Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»¹¹. В Указе закреплено, что «традиционные ценности — это нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России. <...> К традиционным ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России».

В развитие закрепленных в Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей положений формируется законодательство. Новеллой стал Федеральный закон от 29 декабря 2022 г. № 579-ФЗ «О Георгиевской ленте и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹², согласно которому Георгиевская лента установлена в качестве одного из символов воинской славы России.

Нравственные начала есть ориентир правового регулирования конкретных общественных отношений. Обратим внимание на некоторые из них (для примера ограничимся публично-правовой сферой).

Первое: необходимость защиты общественной нравственности является основанием назначения Конституционным Судом РФ закрытого заседания¹³.

Второе: для некоммерческих организаций несоблюдение нравственных основ может явиться основанием к отказу в государственной регистрации — в случае, если наименование некоммерческой организации оскорбляет нравственность, национальные и религиозные чувства граждан¹⁴.

Третье: к компетенции органов государственной власти относится принятие мер по защите ребёнка от информации, пропаганды и агитации, наносящих вред его здоровью, нравственному и духовному развитию¹⁵.

Четвертое: в числе требований к служебному поведению государственных служащих закреплены обязанности — проявлять уважение к нравственным обычаям и традициям

¹¹ См.: URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>

¹² См.: URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48829>

¹³ См.: Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (ч. 1 ст. 55) // СЗ РФ. 1994. № 13, ст. 1447.

¹⁴ См.: Федеральный закон от 12.01.1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» (п/п. 3 ст. 23¹) // СЗ РФ. 1996. № 3, ст. 145.

¹⁵ См.: Федеральный закон от 24.07.1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» (ч. 1 ст. 14) // СЗ РФ. 1998. № 31, ст. 3802.

народов Российской Федерации; учитывать культурные и иные особенности различных этнических и социальных групп, а также конфессий; способствовать межнациональному и межконфессиональному согласию; не допускать конфликтных ситуаций, способных нанести ущерб его репутации или авторитету государственного органа¹⁶.

Квалификационная аттестация судей включает наряду с оценкой уровня профессиональных знаний и оценку нравственных качеств судьи¹⁷.

Пятое: сегодня выражена тенденция копирования в федеральных законах предписания ч. 3 ст. 55 Конституции РФ о возможном ограничении федеральным законом прав и свобод человека и гражданина только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты нравственности. Этот подход применён федеральным законодателем в отношении следующих прав человека и гражданина:

- право на свободу совести и свободу вероисповедания¹⁸;
- право на информацию¹⁹;
- право на местное самоуправление²⁰.

Большой вклад в раскрытие проблематики роли нравственности для совершенствования публично-правовой сферы внес проф. С.А. Авакьян в авторской концепции конституционно-правового представительства. Размышляя о том, кто может быть представителем, как должны быть устроены отношения представителя с теми, кто дал ему мандат, С.А. Авакьян совершенно прав в том, что в числе важнейших качеств личности представителя как субъекта публично-властных отношений должны присутствовать призвание, знание народа, его психологии, языка и обычаяев, патриотизм, верность нашей стране и ее Конституции, наличие морально-этических данных²¹.

Отдельное внимание следует уделять теме сохранения и защиты нравственности в программах российских политических партий. В условиях, когда политические партии, по сути, являются своего рода ведущими субъектами избирательного процесса, используя предоставленное им право выдвигать кандидатов и списки кандидатов в ходе избирательных кампаний, участвуют в работе избранных органов, оказывают влияние на формирование общественного мнения, их программные положения приобретают особую важность для достижения стратегических целей России по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей. Однако в настоящее время программы не всех российских политических партий содержат

ориентиры в духовно-нравственной сфере жизнедеятельности общества и государства.

Особую роль для нравственного совершенствования государства и его правовой системы играют юридические кадры, поэтому сейчас все сильнее озвучивается необходимость внимательного отношения к нравственной составляющей юридического образования. Изучение нравственных начал при получении юридического образования не должно ограничиваться только рамками учебной дисциплины, посвященной профессиональной этике юриста. Эту деятельность нужно продолжать и в других учебных дисциплинах в разумном соответствующем содержанию дисциплины объеме, на основе добросовестного использования свободы преподавания, и в воспитательных мероприятиях. Включенные нравственного содержания в преподавание правовых дисциплин необходимо для формирования всех без исключения компетенций будущих юристов. Важно не просто изучение правовых предписаний, но и то, на основе какого мировоззрения эти знания усваиваются, и то, как меняется мировоззрение под воздействием полученных знаний. Современному звучат слова выдающегося русского юриста А.Ф. Кони: «Как бы хороши ни были правила деятельности, они могут потерять свою силу и значение в неопытных, грубых или недобросовестных руках. Чем больше оттенков в своем практическом применении допускают эти правила, чем глубже касаются они личности и участи человека, чем более важным интересам общественной жизни они служат, тем серьезнее представляется вопрос — в чьи руки отдается приложение этих правил и при каких условиях»²².

* * *

Тема взаимовлияния государства и нравственности всегда занимала особое место в государствоведении и правовой науке. Нравственные основания государства и права, а также государство как хранитель нравственных ценностей и право как регулятор соответствующих общественных отношений — взаимосвязанные направления научных исследований.

Концепция нравственного государства проф. С.Н. Бабурина, обоснованная и всесторонне раскрытая в монографии «Нравственное государство. Русский взгляд на ценности конституционализма», по-новому привлекает внимание к вехам государственно-правовой истории и современности, ценностям справедливости и свободы как к мировоззренческой основе нравственной трансформации Российского государства.

Достижение такой идеальной формы политической организации общества, как нравственное государство, требует не только соответствующего политико-правового сопровождения, но и воспитания граждан государства в духе нравственных ценностей, закрепленных в его конституции. Конституционная реформа, проведенная в России в 2020 г., стала важным этапом на пути России к идеалу нравственного государства.

²² Кони А.Ф. Нравственные начала в уголовном процессе (Общие черты судебной этики) // Кони А.Ф. Избр. произведения. М., 1956.

А.Ф. Кони обосновал, что концепция уголовно-процессуального юридического образования должна включать не только проблематику истории и догмы уголовного процесса, но и изучение его нравственных начал. Педагогическое и правовое наследие выдающегося русского юриста, выходя за рамки науки уголовного процесса, и сегодня не теряет своей актуальности. Глубокие мысли А.Ф. Кони имеют большое значение как для развития российского юридического образования в целом, так и для преподавания отраслевых правовых дисциплин. — *Прим. авт.*

¹⁶ См.: Федеральный закон от 27.07.2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (п/п. 10–13 ч. 1 ст. 18) // СЗ РФ. 2004. № 31, ст. 3215.

¹⁷ См.: Закон РФ от 26.06.1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» (ч. 1 ст. 20²) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 30, ст. 1792.

¹⁸ См.: Федеральный закон от 26.09.1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» (ч. 2 ст. 3) // СЗ РФ. 1997. № 39, ст. 4465.

¹⁹ См.: Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ч. 1 ст. 9) // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1), ст. 3448.

²⁰ См.: Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (ч. 3 ст. 3) // СЗ РФ. 2003. № 40, ст. 3822.

²¹ См. об этом подр.: Авакьян С.А. Представительство в конституционном праве: вопросы теории и практики. М., 2022. С. 110–141.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Авакьян С.А.* Представительство в конституционном праве: вопросы теории и практики. М., 2022. С. 110–141.
2. *Бабурин С.Н.* Нравственное государство как политико-правовая идея, время которой пришло // Международный журнал конституционного и государственного права. 2021. № 1. С. 14–20.
3. *Бабурин С.Н.* Нравственное государство. Русский взгляд на ценности конституционализма. М., 2020. С. 236.
4. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка / под ред. и с предисл. И.А. Бодуэна-де-Куртенэ. 3-е изд., испр. и знач. доп. СПб.; М., 1905. Т. 2. И-О. С. 1448, 1449.
5. *Загоров О.* Актуальное исследование благотворительного государства. С.Н. Бабурин. Нравственное государство. Русский взгляд на ценности конституционализма // Государство и право. 2021. № 7. С. 197–200.
6. *Кармин А.С.* Культурология: учеб. СПб., 2003. С. 501.
7. *Керимов А.Д.* Нравственность, государство, капитализм: размышления о теории нравственного государства С.Н. Бабурина // Государство и право. 2022. № 1. С. 98–109.
8. *Кони А.Ф.* Нравственные начала в уголовном процессе (Общие черты судебной этики) // Кони А.Ф. Избр. произведения. М., 1956.
9. *Мазеев В.Д.* Нравственное государство через конституционные аспекты экономики (в рамках дискуссии о проблеме нравственного государства и его российских особенностях, предложенной И.М. Рагимовым в связи с книгой С.Н. Бабурина «Нравственное государство») // Государство и право. 2021. № 7. С. 94–105.
10. *Мальцев Г.В.* Нравственные основания права. М., 2008. С. 46, 47.
11. *Мамитова Н.В.* Нравственные ценности конституционализма: историческая ретроспектива и современная реальность (рассуждения о теории нравственного государства С.Н. Бабурина) // Государство и право. 2022. № 10. С. 63–70.
12. *Ободовский А.Г.* Теория статистики в настоящем состоянии, с присовокуплением краткой истории статистики. СПб., 1839. С. 5. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_004425872 (дата обращения: 02.01.2023).
13. *Рагимов И.М.* Современная диалектика государства и нравственности. С.Н. Бабурин. Нравственное государство. Русский взгляд на ценности конституционализма // Государство и право. 2020. № 12. С. 106–111.
14. *Станкевич З.А.* «Нравственное государство» или все-таки новая теократия? Полемиические заметки в связи с очередной концепцией российской государственности // Правоприменение. 2021. Т. 5. № 2. С. 238–245.
15. *Шмидт К.* История педагогики Карла Шмидта, изложенная во всемирно-историческом развитии и в органической связи с культурной жизнью народов / пер. Э. Циммермана. 3-е изд., доп. и испр. В. Ланге. М., 1877. Т. 1. С. 282. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003890545 (дата обращения: 02.01.2023).

Сведения об авторе

САЗОННИКОВА Елена Викторовна — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета Воронежского государственного университета; 394006 г. Воронеж, Университетская площадь, д. 1

REFERENCES

1. *Avakian S.A.* Representation in Constitutional Law: questions of theory and practice. M., 2022. P. 110–141 (in Russ.).
2. *Baburin S.N.* The moral state as a political and legal idea, the time of which has come // International Journal of Constitutional and State Law. 2021. No. 1. P. 14–20 (in Russ.).
3. *Baburin S.N.* The Moral State. Russian view of the values of constitutionalism. M., 2020. P. 236 (in Russ.).
4. *Dal V.I.* Explanatory Dictionary of the living Great Russian language / ed. and with a preface by I.A. Boudouin-de-Courtenay. 3rd ed., rev. and significant additional. St. Petersburg; M., 1905. Vol. 2. I-O. P. 1448, 1449 (in Russ.).
5. *Zagorov O.* Actual research of the beneficent state. S.N. Baburin. The Moral State. Russian view on the values of constitutionalism // State and Law. 2021. No. 7. P. 197–200 (in Russ.).
6. *Karmin A.S.* Culturology: textbook. SPb., 2003. P. 501 (in Russ.).
7. *Kerimov A.D.* Morality, state, capitalism: reflections on the theory of moral state S.N. Baburin // State and Law. 2022. No. 1. P. 98–109 (in Russ.).
8. *Koni A.F.* Moral principles in criminal proceedings (General features of judicial ethics) // Koni A.F. Selected works. M., 1956 (in Russ.).
9. *Mazeev V.D.* The moral state through constitutional aspects of the economy (within the framework of the discussion on the problem of the moral state and its Russian features, proposed by I.M. Ragimov in connection with S.N. Baburin's book "The Moral State") // State and Law. 2021. No. 7. P. 94–105 (in Russ.).
10. *Maltsev G.V.* Moral foundations of law. M., 2008. P. 46, 47 (in Russ.).
11. *Mamitova N.V.* Moral values of constitutionalism: historical retrospective and contemporary reality (arguments on the theory of the moral state by S.N. Baburin) // State and Law. 2022. No. 10. P. 63–70 (in Russ.).
12. *Obodovsky A.G.* Theory of statistics in the present state, with the addition of a brief history of statistics. St. Petersburg, 1839. P. 5. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_004425872 (accessed: 02.01.2023) (in Russ.).
13. *Ragimov I.M.* Modern dialectics of the state and morality. S.N. Baburin. The Moral State. Russian view on the values of constitutionalism // State and Law. 2020. No. 12. P. 106–111 (in Russ.).
14. *Stankevich Z.A.* "The moral state" or is it still a new theocracy? Polemical notes in connection with the next concept of Russian statehood // Law enforcement. 2021. Vol. 5. No. 2. P. 238–245 (in Russ.).
15. *Schmidt K.* The history of Karl Schmidt's pedagogy, presented in the world-historical development and in organic connection with the cultural life of peoples / transl. by E. Zimmerman. 3rd ed., add. and rev. V. Lange. M., 1877. Vol. 1. P. 282. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003890545 (accessed: 02.01.2023) (in Russ.).

Authors' information

SAZONNIKOVA Elena V. — Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law, Faculty of Law, Voronezh State University; 1 Universitetskaya Square, 394006 Voronezh, Russia

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

© 2023 г. Д. С. Чукин

*Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт
войск национальной гвардии Российской Федерации*

E-mail: dchukin@yandex.ru

Поступила в редакцию 10.08.2023 г.

Аннотация. Достижение целей права, важнейшей из которых является обеспечение справедливости, зависит от компетентности правоприменителей, их знаний и способности эти знания использовать в процессе профессиональной деятельности. В статье обосновывается предположение, что одной из причин низкой эффективности правоприменения является эпистемологическая безграмотность его субъектов. Она заключается в том, что они рассматривают правоприменение как действие, опирающееся на готовое, шаблонное знание, в которое они вовлекают рассматриваемый объект, который всегда отличается от этого шаблона. Выход видится автору в том, чтобы наделить субъекта полномочиями на создание актуального знания, которое, сохраняя существенные признаки права, было бы соразмерным ситуации «здесь» и «сейчас». Это требует от него высокого уровня философской культуры и эпистемологической компетентности как её составляющей.

Ключевые слова: право, философия права, знание, эпистемология, правоприменение, практическая рациональность, справедливость, индивидуация, ассамбляж.

Цитирование: Чукин Д.С. Эпистемологические аспекты правоприменения // Государство и право. 2023. № 10. С. 161–166.

DOI: 10.31857/S102694520027047-2

EPISTEMOLOGICAL ASPECTS OF LAW ENFORCEMENT

© 2023 D. S. Chukin

Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of the National Guard of the Russian Federation

E-mail: dchukin@yandex.ru

Received 10.08.2023

Abstract. Achieving the goals of law, the most important of which is ensuring justice, depends on the competence of law enforcement officers, their knowledge and the ability to use this knowledge in the course of professional activity. The article substantiates the assumption that one of the reasons for the low efficiency of law enforcement is the epistemological illiteracy of its subjects. It consists in the fact that they consider law enforcement as an action based on ready-made, template knowledge, into which they squeeze the object in question, which is always different from this template. The author sees the way out in giving the subject the authority to create relevant knowledge, which, while preserving the essential features of law, would be proportionate to the situation “here” and “now”. This requires him to have a high level of philosophical culture and epistemological competence as its component.

Key words: law, Philosophy of Law, knowledge, epistemology, law enforcement, practical rationality, justice, individuation, assemblage.

For citation: Chukin, D.S. (2023). Epistemological aspects of law enforcement // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 161–166.

Если бы делать было так же легко, как знать, что надо делать, то часовни стали бы храмами, а хижины — дворцами.

Шекспир. Венецианский купец

Смысл права находится не в нем самом, а в тех целях, идеалах и ценностях, в реализации которых оно участвует. Законодатели, представляющие в демократическом государстве интересы большей части граждан, закладывают в их содержание правовых норм, которые остаются абстракцией до тех пор, пока не будут воплощены в жизнь. Однако путь, который проходит уже принятый и по умолчанию справедливый нормативный акт, сложен, извилист, изобилует препятствиями, и может оказаться так, что связываемые с ним цели, надежды, чаяния индивидов и социальных групп не будут выполнены, а общество как целостный организм не достигнет оптимальной степени социальной стабильности. Результат в значительной степени зависит от того, кто сопровождает право на этом пути, чьими усилиями оно утверждается в качестве действующей нормы, т.е. от субъекта правоприменения.

Правоприменительная деятельность наряду со специфической, которая связана с его объектом, имеет ряд черт, роднящих её с применением как таковым. Под последним понимают деятельность субъекта, направленную на использование имеющихся у него ресурсов для достижения определенной цели. Этими ресурсами может быть все что угодно — от знаний до других людей, используемых в качестве средства.

Структура применения во всех случаях включает следующие элементы: знание применяемого ресурса; знание цели применения; знание условий применения; желание осуществить применительное действие; собственно действие.

Знания являются и предварительной основой применения, его необходимым элементом, и его результатом. Главная трудность (проблема) применительной деятельности состоит в том, что даже наличие предварительных знаний не гарантирует успеха. Субъект может иметь хорошие знания, но оказывается не в состоянии реализовать их в жизни. Это объясняется тем, что приобретение знаний и их применение опираются на разные способности человеческого разума: теоретическую и практическую соответственно.

Аристотель одним из первых мыслителей пытался найти источник практической активности человека, то, что заставляет его перейти от знаний об объекте к действию над этим объектом. Его рассуждения на этот счет содержатся в нескольких работах, и к собственному обобщенному выводу он так и не пришел. В трактате «О движении животных» Аристотель пишет: «Почему же иногда за мыслью действие следует, а иногда не следует; иногда движение следует, а иногда не следует?»¹. Он сравнивает теоретический и практический силлогизмы. Первый представляет собой умозаключение на основе двух посылок, во втором «вывод, полученный из двух посылок, становится действием»².

В «Эвдемовой этике» Аристотель считает способность переходить от суждения о том, что для человека является благом (большая посылка), через констатацию текущего положения дел (малая посылка) к практическому действию, особенностью, отличающую людей от животных.

¹ Цит. по: *Афонасин Е.* Аристотель. О движении животных // СХОЛН: античная философия и классическая традиция. 2016. Vol. 10 (2). С. 745.

² Там же. С. 756.

Эту способность он назвал «фронезисом»: «О рассудительности (phronesis) мы тогда составим понятие, когда уразумеем, кого мы называем рассудительными. Рассудительным кажется тот, кто способен принимать верные решения в связи с благом и пользой для него самого, однако не в частных случаях — например, что [полезно] для здоровья, для крепости тела, — но в целом: какие [вещи являются благами] для хорошей жизни»³. Философ особо обращает внимание на то, что рассудительность требуется тогда, когда существуют разные варианты решения проблемы. Она, таким образом, опирается на практическую способность, от которой зависит, добро или зло мы выбираем: «Итак, рассудительность необходимо является [душевный] склад, причастный суждению, истинный и предполагающий поступки, касающиеся человеческих благ»⁴. Обобщенная позиция Аристотеля относительно практической рациональности выглядит так: человеческое действие имеет схему практического силлогизма, в которой главной посылкой является суждение о чем-то как о благе, к которому нужно стремиться, меньшей посылкой — суждение о чем-то, что подпадает под это благо, а выводом — действие; практический силлогизм включает в себя компоненты знания, желания и действия; главной проблемой является переход от знания к действию. Даже наличие истинных знаний о благе и способах его достижения, действие может не состояться или оказаться неправильным из-за неопытности субъекта или его несдержанности; тем, что побуждает человека к действию, является стремление.

Фома Аквинский, комментируя это место у Аристотеля, назвал разумное стремление волей: «Но первые среди тварных вещей — мыслящие субстанции, как было показано выше. Следовательно, эти субстанции сами себя приводят в действие. Но это — [особенное] свойство воли; именно обладание волей делает любую субстанцию госпожой своего действия, т.е. от неё самой зависит, действовать ей или не действовать. Значит, мыслящие тварные субстанции обладают волей»⁵. И далее делает принципиальное заключение: «Итак, все мыслящие [твари] обладают свободной волей, чей источник — суждение ума. А это и означает иметь свободу решения, которое определяется как свободное разумное суждение»⁶.

Таким образом, в структуре практического силлогизма главным элементом объявляется знание. Воля — вторична, производна, зависима от него. Этот же вывод подтвердил Д. Юм, который хотя и считал страсти движущими побудителями воли, но подчеркивал, что мотивирующая роль страстей не означает, что они затмевают разум. Задача последнего заключается, во-первых, в том, чтобы прояснить природу вещей, которые страсть побуждает человека иметь, и, во-вторых, разум предписывает средства для достижения целей, поставленных страстями, и оценивает эти средства как более или менее эффективные не только с точки зрения конкретной поставленной цели, но и с точки зрения других целей, которые индивид преследует или может преследовать⁷. Свой вклад в рассмотрение проблемы внес И. Кант,

³ *Аристотель.* Никомахова этика // Аристотель. Собр. соч.: в 4 т. М., 1983. Т. 4. С. 176.

⁴ Там же. С. 177, 178.

⁵ *Фома Аквинский.* Сумма против язычников. Книга вторая / пер. и прим. Т.Ю. Бородай. М., 2004. С. 217.

⁶ Там же. С. 223.

⁷ См.: *Юм Д.* Трактат о человеческой природе // Юм Д. Соч.: в 2 т. М., 1996. Т. 1. С. 458.

который исходил из того, что теоретический и практический разум — это разные разумы, но допускал возможность инстанции, которая выполняет посредствующую функцию, обеспечивает переход от знания к действию. Он считает таковой способность суждения: «Однако способность суждения столь особая, вовсе не самостоятельная познавательная способность, что она в отличие от рассудка не дает понятий, а в отличие от разума не дает идей о каком-либо предмете, так как она представляет собой способность только подводить под понятия, данные не ею»⁸.

Общим для всех приведенных выше решений проблемы практической рациональности является то, что они связывают их (решения) с субъектом, которого делят на познающего и действующего субъекта. Субъект, каковым по умолчанию является разумный человек, рассматривается, по сути, как два субъекта: один из них (первый) — тот тот, кто получает знания об объекте, второй — это тот, кто применяет полученные первым знания. Причиной такого дуализма является бесплодность попыток объяснить переход от обоснованного суждения о том, как нужно действовать, к самому действию. Как отмечает И. Ф. Девятко, эта трудность «сохраняет свою остроту и в современных спорах об адекватности рационалистских и, шире, интенционалистских объяснений действия»⁹.

Этот краткий исторический экскурс показывает, что наблюдаемые и в нынешнее время различия между получением знаний и их практической реализацией имеют глубокие корни. Попытка найти «мостик» между этими двумя способностями «души» (Аристотель) не удается, возможно, по той причине, что бесперспективным было деление и противопоставление этих способностей. Те, кто настаивают на нем, исходят из убеждения, что субъект сначала получает знание, а уже потом его применяет. Так, как это представлял себе Кант: подводит частное под общее, где частным является конкретная ситуация, а общим — знания. Но дело в том, что знания, под которые субъект подводит конкретный случай, не являются знаниями этого случая. Это обобщенные знания. Поэтому перед действующим субъектом стоит эпистемологическая задача, состоящая в том, чтобы получить знание этого конкретного случая, который является объектом его интереса. Он должен, на основе этого реального объекта, сформировать «свой» объект, который будет объектом познания и действия. Как отметил И. Т. Карсавин, знание есть «результат обозначения, структурирования и осмысления объекта в процессе познания»¹⁰. Это означает среди прочего, что действие является эпистемологическим актом, и наоборот, любой эпистемологический акт происходит через практическое действие. Под действием мы понимаем активность, источником, побудительной причиной которого является желание, удовлетворение которого тождественно получению знания. Грехопадение человека, с которого началась его история, состояло в нарушении запрета на получение знания.

Итак, знание различается по своему источнику, предназначению, способу получения и надежности, под которой понимается обоснованность. Высшим модусом знания Аристотель считал мудрость. Она аккумулирует в себе

знание начал, из которых выводится научное знание, а также той необходимости, которая делает бытие вещи реальностью: «Из сказанного, таким образом, ясно, что мудрость — это и научное знание, и постижение умом вещей по природе наиболее ценных»¹¹. Мудрость в таком её понимании тождественна философскому знанию, а способом её существования является не чистая, абстрактная мысль, а человеческие поступки. Они представляют собой телеологический акт, поскольку их причиной является определенная цель, которая конкретным человеком принимается за благо. Поскольку составляющей мудрости является нравственная добродетель, она позволяет правильно выбрать это благо, которое является не его личным, а общим благом. Рассудительная часть мудрости доставляет средства для достижения этого блага.

Проблема, однако, заключается в том, что благо не есть что-то раз и навсегда определенное, даже если речь идет о локальном благо. Оно всегда «ситуировано», а из этого следует, что и средства его достижения также всегда являются разными. На это обстоятельство обращает внимание А. Н. Савенков, когда говорит об особенностях современного философско-правового дискурса: «Подлинная философия права — это поиск смысла в сфере, связанной с государством и правом, создание универсалий, отражающих цивилизационные вызовы современной эпохи»¹². Из этого можно сделать вывод, что человек, совершающий любое сознательное действие, при условии, что он является добродетельным человеком, должен определить, что является благом применительно к «здесь» и «сейчас»; установить, что нужно для достижения этого блага; хотеть (желать) этого блага достичь.

Проблемы применительной деятельности проистекают не из отсутствия знания, но из качества этого знания и способов его получения. Субъект деятельности, разумеется, имеет предварительные знания об объекте, но это абстрактные, общие знания, которые он должен применить в ситуации, имеющей признаки онтологической новизны, а значит требующей и новых эпистемологических подходов. Речь идет не о методологических приемах, а о переосмыслении самого существа познания и получаемого в его результате знания. Познание, чтобы иметь результатом надежное (обоснованное) знание, должно быть актом создания этого знания, а задача субъекта состоит в том, чтобы соединить (собрать) в единое целое массив данных, которые он считает причастными к данному объекту, осуществить их селекцию и получить актуальное знание, то есть знание для «здесь» и «сейчас». Он является не «применителем» в буквальном смысле этого слова, когда речь идет о подведении объекта под имеющееся у него готовое знание, а создателем знания. И это создание является телеологическим процессом, поскольку оно осуществляется в перспективе определенной цели. Это означает, что субъект движим вопросом: «для чего?» он это делает. Телеологический подход до недавнего времени с подозрением воспринимался учеными, поскольку ассоциировался с конечными целями, которые (как и исходные первоначала) никому не дано знать. Однако биология успешно применяет телеологическое объяснение, специально оговаривая, что речь идет не о конечной, о постоянной цели, которую преследуют живые существа, а именно — сохранение себя. Это — цель, которая для человека совпадает с благом. Любое действие, явно или завуалированно, связано с этим благом, и оно же выступает в качестве «склеивающего» начала,

⁸ Кант И. Собр. соч.: в 6 т. М., 1966. Т. 5. С. 108.

⁹ Девятко И. Ф. Логические и содержательные трудности рационального объяснения действия [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://www.studmed.ru/devyatko-if-logicheskie-i-soderzhatelnye-trudnosti-racionalnogo-obyasneniya-deystviya_051e395d3a0.html (дата обращения: 25.07.2023).

¹⁰ Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М., 2009. С. 246.

¹¹ Аристотель. Указ. соч. С. 179.

¹² Савенков А. Н. Философия права и глобальный кризис современности. СПб., 2019. С. 10.

благодаря которому набор элементов становится упорядоченным целым — актуальным знанием.

Телеологическое объяснение не исключает, а дополняет каузальное, которое заключается в установлении непосредственных факторов, причастных к существованию познаваемого объекта. В то же время современная наука отказалась от классического понимания причинности, в основе которого лежит жесткий детерминизм, предполагающий, что причинно-следственные связи носят строгий, однозначный характер, и объясняемый феномен всегда можно редуцировать к определенному порождающему его началу. Химия, а в начале XX столетия — физика, сделавшая приоритетным объектом исследования микромир, пришли к выводу о том, что каузальные процессы на самом деле не столь линейны, как это утверждали Лаплас и Ньютон. Большинство исследуемых объектов находятся под воздействием разнообразных факторов, причастных к их возникновению и функционированию, причем каждый из них по-своему необходим, что требует подробного анализа степени их каузального влияния. Всякий раз комбинация этих причинных факторов является новой, что исключает шаблонный подход и вынуждает исследователя заново проходить эпистемологический путь, выясняя, как исследуемый объект (случай, ситуация) приобрел свое актуальное существование. Иными словами, как сущность реализовала себя в условиях «здесь» и «сейчас». Результатом будет знание, имплантированное в решение или действие, что позволяет преодолеть дуализм теоретической и практической рациональности.

Понимание применительной деятельности как эпистемологического акта предполагает, что его субъект является носителем особого типа рациональности, обладающей интегрирующим эффектом, т.е. способностью соединять разнородные элементы, в том числе нормативные, в единое ситуативное целое. В философии ведутся дискуссии относительно её названия и в итоге определились два претендента: коммуникативная рациональность¹³ и трансверсальная рациональность¹⁴. Сторонники коммуникативной рациональности полагают, что взявший её на вооружение субъект сможет «примирить» разнородные «голоса», представляющие свой тип рациональности, отказавшись от субординации и предоставив всем равные права. На деле это требует бесконечного диалога по согласованию позиций, который не приводит к искомому результату. Поэтому «проект Хабермаса» оказался нежизнеспособным, зримым подтверждением чего стал крах мультикультурализма.

Более перспективным кандидатом на роль интегрирующей рациональности представляется трансверсальная рациональность, которую предложил германский философ В. Вельш. Её анализ позволяет сформулировать вывод о том, что речь идет не о новом типе рациональности, а о забытой или сознательно игнорируемой способности, которая в иерархии душевных склонностей человека называется мудростью. Во всех случаях, когда применительная деятельность связана с благом, причем не с индивидуальным, а с общим, субъект этой деятельности должен проявлять мудрость, а это означает, что он должен быть философом.

¹³ См.: *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие / пер. с нем. С.В. Шачина; под ред. Д.В. Складнева; послесл. Б.В. Маркова. М., 2000.

¹⁴ См.: *Welsch W.* Transkulturalität. Zwischen Globalisierung und Partikularisierung. In: *Interkulturalität – Grundprobleme der Kulturbeggnung*, Mainzer Universitätsgespräche Sommersemester. Mainz, 1998.

Сказанное относительно применительной деятельности как таковой распространяется на правоприменение, субъекты которого, по убеждению С.А. Бочкарева, являются основными производителями профессионального знания¹⁵. Как отмечает Ю.А. Тихомиров, «вопрос о правоприменении неразрывно связан с вопросом о том, как понимается право»¹⁶. Осуществляя правоприменение, субъект обладает базовой подготовкой в сфере юриспруденции, в том числе он знает, что такое право. Подготовка юристов в профильных учебных заведениях осуществляется в соответствии с образовательными стандартами, однако в правоведении, как и в других науках, существуют свои школы, отличающиеся в том числе приверженностью к одной из классических теорий права — естественной или эмпирико-позитивистской. Это сказывается и на правопонимании, которым оперируют выпускники. Однако, если придерживаться предложенного выше понимания применительной деятельности, понятие права — неважно, в естественно-правовой или эмпирико-позитивистской модели — следует рассматривать как предварительное, абстрактное знание права, которое требует ситуирования. То есть субъект должен в процессе применения права сформировать понятие права, соразмерное ситуации (случаю). Рассмотрение познания как эпистемологического акта, создающего актуальное знание, позволяет, как отмечает С.А. Бочкарев, разрушить «стереотип о правоприменителе, который традиционно воспринимается лишь как пользователь знания. <...> Мысль о правоприменителе, способном выступать не только в качестве потребителя знания, но и претендовать на статус его производителя, как правило, не рассматривается»¹⁷. На совпадении в некоторых случаях таких процедур, как создание и применение права, обращает внимание Т. Лундмарк, приводя в качестве примера деятельность судей, которые создают «регулятивные шаблоны», по форме напоминающие дедуктивные умозаключения¹⁸.

Понимание правоприменения как эпистемологического действия, производящего актуальное знание, опирается на идею о том, что действительность, с которой имеет дело субъект, всегда иная, отличная от ранее имевшей место. В особенности это характерно для современной эпохи, отличающейся радикальным плюрализмом сфер жизни и требующей, по словам В.А. Лекторского, новых познавательных практик, которые позволили бы обеспечить единство в таком разнородном мире¹⁹. О необходимости учитывать влияние цивилизационных изменений на состояние правовой науки пишет В.С. Степин²⁰.

Источником онтологических различий, отличающих современность, выступает индивидуальная история становления объекта. На первый взгляд этот объект имеет признаки эмерджентного феномена, т.е. такого, появление которого непредсказуемо, случайно и нередуцируемо. На самом

¹⁵ *Бочкарев С.А.* Гносеология уголовного права. М., 2021. С. 218.

¹⁶ *Правоприменение: теория и практика* / отв. ред. Ю.А. Тихомиров. М., 2008. С. 71.

¹⁷ *Бочкарев С.А.* Философия и её урок для современного правоведения // *Государство и право*. 2021. № 4. С. 67.

¹⁸ См.: *Лундмарк Т.* Очерки сравнительного правоведения / науч. ред., сост., предисл. С.А. Бочкарева; пер. Е.Ю. Тихонравов. СПб., 2022. С. 395, 396.

¹⁹ См.: *Лекторский В.А.* Глобальная цифровизация как экзистенциальный вызов // *Человек в глобальном мире: риски и перспективы* / отв. ред. Г.Л. Белкина; ред.-сост. М.И. Фролова. М., 2021. С. 20–31.

²⁰ См.: *Степин В.С.* Современные цивилизационные кризисы и проблема новых стратегий развития. М., 2018.

же деле, как признают представители эмерджентизма²¹, неожиданный и случайный характер объекта не исключает возможности его познания *postfactum*. Но это познание опирается не на линейную редукцию к непосредственной причине, а реконструкцию маршрута (пути), следуя которым объект приобрел именно эту, а не иную форму существования.

Применяя право, субъект, по сути, конструирует правовую реальность, обозначая в реальности как таковой те её фрагменты, которые имеют признаки правового бытия. Его задача состоит в том, чтобы определить, какие факторы, имеющие правовое значение, причастны к рассматриваемому случаю (ситуации). Это непростая задача, поскольку правоприменители «по своему прямому назначению призваны работать с обществом, для общества и над обществом, стремясь сделать его справедливым, свободным и самодостаточным»²², что требует от них соответствующих знаний, главным из которых является знание того, что в этом обществе считается справедливым.

Из решающей роли субъекта в правоприменении вытекают и требования к нему: 1) он должен знать, что такое право, в чем его сущность и смысл; 2) он должен понимать, что сущность права реально существует в локальных своих проявлениях, в конкретных ситуациях и случаях; 3) из этого следует, что он должен, по сути, создать право для этой конкретной ситуации (случая), добавив к его сущностному ядру (минимуму внутренне необходимых свойств, которые делают право правом) те элементы, без которых оно не может быть правом в этой индивидуальной ситуации; 4) подбор недостающих элементов осуществляется субъектом как из внутренних резервов права (которое создается законодателем «на вырост»), так и из внешней по отношению к праву социальной и культурной среды; 5) принцип, которым руководствуется субъект правоприменения, должен соответствовать сущности права, которая состоит в обеспечении равновесия, гармонии социального целого; 6) равновесие, гармония, соразмерность, стабильность — это те характеристики права, которые в наибольшей степени воплощает в себе справедливость; 7) цель правоприменения состоит в том, чтобы обеспечить справедливое правовое решение проблемы.

С технической точки зрения достижение этой цели осуществляется созданием индивидуальной правовой «сборки» (ассамбляжа). Теоретическое обоснование этой методологии содержится в работах Б. Латура²³ и М. Деланды²⁴. Её частями являются весьма разнородные элементы, знание которых предполагает эрудицию субъекта применения. Речь идет о широком спектре знаний социального, культурного, гуманитарного характера, которые необходимы для понимания того, что есть общество, в котором живет и выполняет свои задачи правоприменитель, какие идеалы и ценности составляют его нормативный каркас, как решались в истории проблемы, сходные с той, что предстоит решать сейчас.

²¹ См.: Emergence: Contemporary Readings in Science and Philosophy / eds. M. Bedau and P. Humphreys. Cambridge, 2008.

²² Бочкарев С.А. Гносеология уголовного права. С. 197.

²³ См.: Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской. М., 2020.

²⁴ См.: Деланда М. Новая философия общества. Теория ассамбляжей и социальная сложность / пер. с англ. HylePress, 2018; DeLanda M. Philosophy and simulation: The emergence of synthetic reason. L., 2011.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аристотель*. Никомахова этика // Аристотель. Собр. соч.: в 4 т. М., 1983. Т. 4. С. 176–179.
2. *Афонасин Е.* Аристотель. О движении животных // ΣΧΟΛΗ: античная философия и классическая традиция. 2016. Vol. 10 (2). С. 745, 756.
3. *Бочкарев С.А.* Гносеология уголовного права. М., 2021. С. 197, 218.
4. *Бочкарев С.А.* Философия и её урок для современного правоведения // Государство и право. 2021. № 4. С. 67.
5. *Девятко И.Ф.* Логические и содержательные трудности рационального объяснения действия [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: https://www.studmed.ru/devyatko-if-logicheskie-i-soderzhatelnye-trudnosti-racionalnogo-obyasneniya-deystviya_051e395d3a0.html (дата обращения: 25.07.2023).
6. *Деланда М.* Новая философия общества. Теория ассамбляжей и социальная сложность / пер. с англ. HylePress, 2018.
7. *Кант И.* Собр. соч.: в 6 т. М., 1966. Т. 5. С. 108.
8. *Латур Б.* Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской. М., 2020.
9. *Лекторский В.А.* Глобальная цифровизация как экзистенциальный вызов // Человек в глобальном мире: риски и перспективы / отв. ред. Г.Л. Белкина; ред.-сост. М.И. Фролова. М., 2021. С. 20–31.
10. *Лундмарк Т.* Очерки сравнительного правоведения / науч. ред., сост., предисл. С.А. Бочкарева; пер. Е.Ю. Тихонравов. СПб., 2022. С. 395, 396.
11. *Правоприменение: теория и практика* / отв. ред. Ю.А. Тихомиров. М., 2008. С. 71.
12. *Савенков А.Н.* Философия права и глобальный кризис современности. СПб., 2019. С. 10.
13. *Степин В.С.* Современные цивилизационные кризисы и проблема новых стратегий развития. М., 2018.
14. *Фома Аквинский.* Сумма против язычников. Книга вторая / пер. и прим. Т.Ю. Бородай. М., 2004. С. 217, 223.
15. *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие / пер. с нем. С.В. Шачина; под ред. Д.В. Скляднева; послесл. Б.В. Маркова. М., 2000.
16. *Энциклопедия эпистемологии и философии науки.* М., 2009. С. 246.
17. *Юм Д.* Трактат о человеческой природе // Юм Д. Соч.: в 2 т. М., 1996. Т. 1. С. 458.
18. *DeLanda M.* Philosophy and simulation: The emergence of synthetic reason. L., 2011.
19. *Emergence: Contemporary Readings in Science and Philosophy* / eds. M. Bedau and P. Humphreys. Cambridge, 2008.
20. *Welsch W.* Transkulturalitat. Zwischen Globalisierung und Partikularisierung. In: *Interkulturalitat – Grundprobleme der Kulturbegegnung*, Mainzer Universitatsgesprache Sommersemester. Mainz, 1998.

REFERENCES

1. *Aristotle.* Nicomachean ethics // Aristotle. Collected works: in 4 vols. M., 1983. Vol. 4. P. 176–179 (in Russ.).
2. *Afonasin E.* Aristotle. On the movement of animals // ΣΧΟΛΗ: Ancient philosophy and classical tradition. 2016. Vol. 10 (2). P. 745, 756 (in Russ.).
3. *Bochkarev S.A.* Epistemology of Criminal Law. M., 2021. P. 197, 218 (in Russ.).
4. *Bochkarev S.A.* Philosophy and its lesson for modern jurisprudence // State and Law. 2021. No. 4. P. 67 (in Russ.).
5. *Devyatko I.F.* Logical and substantive difficulties of rational explanation of action [Electronic resource]. — Access mode: URL:

- https://www.studmed.ru/devyatko-if-logicheskie-i-soderzhatelnye-trudnosti-racionalnogo-obyasneniya-deystviya_051e395d3a0.html (accessed: 25.07.2023) (in Russ.).
6. *Delanda M.* New Philosophy of Society. The theory of assemblages and social complexity / transl. from English HylePress, 2018 (in Russ.).
  7. *Kant I.* Collected works: in 6 vols. M., 1966. Vol. 5. P. 108 (in Russ.).
  8. *Latour B.* Reassembly of the social: an introduction to actor-network theory / transl. from English I. Polonskaya. M., 2020 (in Russ.).
  9. *Lektorsky V.A.* Global digitalization as an existential challenge // Man in the global world: risks and prospects / ed. by G.L. Belkin; ed.-comp. M.I. Frolov. M., 2021. P. 20–31 (in Russ.).
  10. *Lundmark T.* Essays of comparative Jurisprudence / scientific ed., comp., preface. S.A. Bochkarev; transl. by E. Yu. Tikhonravov. SPb., 2022. P. 395, 396 (in Russ.).
  11. Law enforcement: theory and practice / res. ed. Yu. A. Tikhomirov. M., 2008. P. 71 (in Russ.).
  12. *Savenkov A.N.* Philosophy of Law and the global crisis of Modernity. SPb., 2019. P. 10 (in Russ.).
  13. *Stepin V.S.* Modern civilizational crises and the problem of new development strategies. M., 2018 (in Russ.).
  14. *Thomas Aquinas.* The sum against the pagans. The second book / transl. and approx. T. Yu. Borodai. M., 2004. P. 217, 223 (in Russ.).
  15. *Habermas Yu.* Moral consciousness and communicative action / transl. from German by S.V. Shachin; ed. by D.V. Sklyadnev; afterword by B.V. Markov. M., 2000 (in Russ.).
  16. Encyclopedia of Epistemology and Philosophy of Science. M., 2009. P. 246 (in Russ.).
  17. *Yum D.* Treatise on human nature // Yum D. Essays: in 2 vols. M., 1996. Vol. 1. P. 458 (in Russ.).
  18. *DeLanda M.* Philosophy and simulation: The emergence of synthetic reason. L., 2011.
  19. Emergence: Contemporary Readings in Science and Philosophy / eds. M. Bedau and P. Humphreys. Cambridge, 2008.
  20. *Welsch W.* Transkulturalitat. Zwischen Globalisierung und Partikularisierung. In: Interkulturalitat – Grundprobleme der Kulturbegegnung, Mainzer Universitatsgesprache Sommersemester. Mainz, 1998.

Сведения об авторе

ЧУКИН Дмитрий Сергеевич – старший преподаватель Саратовского военного ордена Жукова Краснознаменного института войск национальной гвардии Российской Федерации; 410012 г. Саратов, ул. Московская, д. 158

Authors' information

CHUKIN Dmitriy S. – Senior Lecturer, Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of the National Guard of the Russian Federation; 158 Moskovskaya str., 410012 Saratov, Russia

ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ПРАВА

ОБЗОР VII МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ТАМБОВСКИЕ ПРАВОВЫЕ ЧТЕНИЯ ИМЕНИ Ф.Н. ПЛЕВАКО»

© 2023 г. Р. В. Зелепукин^{1, *}, И. В. Холиков^{2, **}, Н. В. Кроткова^{3, ***}, А. И. Землин^{4, ****}

¹Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина

²Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации, г. Москва

³Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

⁴Военный университет им. Князя Александра Невского Минобороны России, г. Москва

* E-mail: lexcomplex@yandex.ru

** E-mail: iv_kholik@mail.ru

*** E-mail: krotkova2012@yandex.ru

**** E-mail: zemlin.aldr@yandex.ru

Поступила в редакцию 15.09.2023 г.

Аннотация. В мае 2023 г. в Тамбовском государственном университете им. Г.Р. Державина (Державинский университет) прошла VII Международная научно-практическая конференция «Тамбовские правовые чтения имени Федора Никифоровича Плевако». Вуз организовал ее совместно с тамбовским отделением Ассоциации юристов России, компанией «Плюс Гарантия Тамбов» и Избирательной комиссией Тамбовской области. Участники конференции – ученые-правоведы, студенты и преподаватели Державинского университета, представители Тамбовского областного суда, Арбитражного суда, прокуратуры и Адвокатской палаты Тамбовской области. Они обсудили аттестацию научно-педагогических кадров в современных условиях, актуальные вопросы института представительства в административном судопроизводстве, обеспечение баланса частных и публичных интересов в отдельных институтах финансового права, место правосудия в современном гражданском процессе и т.д. На панельной дискуссии «30-летие избирательной системы Российской Федерации» организаторы выборов, эксперты и молодежь отметили многолетний опыт развития и совершенствования избирательной системы и договорились о дальнейшем взаимодействии в электоральной сфере. Конференция продолжилась секционными заседаниями по направлениям: «Историко-правовые проблемы развития российской государственности», «Правовое регулирование имущественных отношений: обеспечение баланса частных и публичных интересов», «Государственная политика противодействия преступности», «Проблематика в сфере обеспечения национальной безопасности и правопорядка: специфика, угрозы, приоритеты, противодействие» и др. По итогам конференции подготовлен сборник материалов с докладами и тезисами участников, отдельные доклады будут опубликованы в качестве статей в ведущих научных юридических журналах.

Ключевые слова: Ф.Н. Плевако, юридическое сообщество, консолидация, тенденции социального развития, юридическая наука, правовое государство, современные вызовы.

Цитирование: Зелепукин Р.В., Холиков И.В., Кроткова Н.В., Землин А.И. Тенденции и проблемы современного права

Обзор VII Международной научно-практической конференции «Тамбовские правовые чтения имени Ф.Н. Плевако» // Государство и право. 2023. № 10. С. 167–175.

DOI: 10.31857/S102694520028159-5

TRENDS AND PROBLEMS OF MODERN LAW

REVIEW OF THE VII INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE “PLEVAKO TAMBOV LEGAL READINGS”

© 2023 R. V. Zelepukin^{1, *}, I. V. Kholikov^{2, **}, N. V. Krotkova^{3, ***}, A. I. Zemlin^{4, ****}¹Derzhavin Tambov State University²Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow³Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow⁴Prince Alexander Nevsky Military University, Ministry of Defense of Russia, Moscow

* E-mail: lexcomlex@yandex.ru

** E-mail: iv_kholik@mail.ru

*** E-mail: krotkova2012@yandex.ru

**** E-mail: zemlin.aldr@yandex.ru

Received 15.09.2023

Abstract. In May 2023, at Derzhavin Tambov State University (Derzhavin University) held the VII International Scientific and Practical Conference “Plevako Tambov Legal Readings”. The university organized it jointly with the Tambov branch of the Russian Lawyers Association, the Plus Guarantee Tambov company and the Election Commission of the Tambov Region. The Conference participants are scientists-lawyers, students and teachers of Derzhavinsky University, representatives of the Tambov Regional Court, the Arbitration Court, the Prosecutor’s Office and the Chamber of Lawyers of the Tambov Region. They discussed the certification of scientific and pedagogical personnel in modern conditions, current issues of the institution of representation in administrative proceedings, ensuring a balance of private and public interests in certain institutions of Financial Law, the place of justice in modern civil proceedings, etc. At the panel discussion “30th anniversary of the electoral system of the Russian Federation” election organizers, experts and young people discussed many years of experience in developing and improving the electoral system and agreed on further interaction in the electoral sphere. The Conference continued with sectional sessions in the following areas: “Historical and legal problems of the development of Russian statehood”, “Legal regulation of property relations: ensuring a balance of private and public interests”, “State policy of combating crime”, “Problems in the field of ensuring national security and law and order: specifics, threats, priorities, counteraction”, etc. Based on the results of the Conference, a collection of materials with reports and abstracts of participants has been prepared; individual reports will be published as articles in leading scientific legal journals.

Key words: F.N. Plevako, legal community, consolidation, trends in social development, legal science, Rule of Law, modern challenges.

For citation: Zelepukin, R.V., Kholikov, I.V., Krotkova, N.V., Zemlin, A.I. (2023). Trends and problems of modern law Review of the VII International Scientific and Practical Conference “Plevako Tambov Legal Readings” // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 167–175.

Бытие современного права демонстрируют несколько объективных тенденций его социального бытия (расширение роли цифровых и информационных технологий; неравномерное функционирование и слом ранее устойчивых международно-правовых норм; актуализация военных проблем международного права¹; стремление общества к унификации и систематизации законодательства; ориентирование юридической экспертологии² на комплексный и системный методы;

возникновение новых вызовов и угроз глобальному правопорядку; нацеленность стран на формирование векторов субъектной международно-правовой политики)³.

В России активно развивается система отечественного законодательства⁴, под влиянием кризисных тенденций

техника)» // Государство и право. 2021. № 11. С. 173–185. DOI: 10.31857/S102694520017530-4

¹ См.: Гаврилов С.О., Глебов И.Н., Чукин С.Г. и др. Право в точке бифуркации: обсуждение концептуального исследования военных проблем международного права (Дискуссия в формате «круглого стола» по материалам гл. 6 «Военные проблемы международного права» т. III монографии «Военное право») // Государство и право. 2022. № 12. С. 59–67. DOI: 10.31857/S102694520023301-2

² См.: Баранов В.М., Баранова М.В., Кроткова Н.В. Правовая экспертиза: наука, практическое искусство или ремесло? Обзор XXIII Международного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Правотворческая экспертология (доктрина, практика,

³ См.: Большакова В.М. Современные концепты развития права. От главного редактора к аудитории журнала “Russian Studies in Law and Politics” // Russian Studies in Law and Politics. 2023. Т. 7. № 2. С. 4, 5. DOI: 10.12731/2576-9634-2023-2-4-5; *Ее же*. Новые тенденции в праве и политике. Обращение главного редактора журнала Russian Studies in Law and Politics к авторам и читателям // Russian Studies in Law and Politics. 2023. Т. 7. № 1. С. 4, 5. DOI: 10.12731/2576-9634-2023-1-4-5

⁴ См.: Хабриева Т.Я. Идентификация права в современной социальной регуляции // Вопросы философии. 2021. № 12. С. 5–17. DOI: 10.21146/0042-8744-2021-12-5-17

формируется ситуационное право⁵, копится массив правовых данных в различных областях социальной практики⁶, особенно в медицине и здравоохранении⁷, меняются векторы правоприменительной практики⁸, стремительно вторгаются в правовую практику информационные и цифровые технологии⁹, наблюдается новая динамика правовых ценностей и правовой идеологии¹⁰, военные угрозы требуют

⁵ См.: *Хабриева Т.Я.* Управление пандемическим кризисом на основе права: мировой и российский опыт // Журнал рос. права. 2021. Т. 25. № 2. С. 5–17. DOI: 10.12737/jrl.2021.015

⁶ См.: *Кроткова Н.В., Пожарский Д.В.* Российская государственность и вызовы XXI века // Государство и право. 2022. № 5. С. 165–180. DOI: 10.31857/S102694520019866-3

⁷ См.: *Бухтияров И.В., Холиков И.В., Большакова В.М., Наумов П.Ю.* Опыт концептуализации военных аспектов медицинского права (обсуждение главы 14 учебника «Медицинское право России», отв. ред. А.А. Мохов, изд-во «Проспект», 2022, – материалы дискуссии // Медицина труда и промышленная экология. 2023. Т. 63. № 1. С. 67–73. DOI: 10.31089/1026-9428-2023-63-1-67-73; *Огнерубов Н.А., Зеленикин Р.В., Большакова В.М.* Профессиональные медицинские риски: условия правомерности в контексте действующего уголовного законодательства // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2021. Т. 13. № 6. С. 266–282. DOI: 10.12731/2658-6649-2021-13-6-266-282; *Наумов П.Ю., Большакова В.М., Землин А.И., Холиков И.В.* Концептуальные аспекты производства медицинских экспертиз при обжаловании в судебном порядке заключений по итогам проведения военно-врачебной экспертизы // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2021. Т. 13. № 6. С. 283–306. DOI: 10.12731/2658-6649-2021-13-6-283-306; *Жанов К.В., Холиков И.В.* Оказание помощи Гвинейской Республике в борьбе с эпидемией геморрагической лихорадки Эбола // Военно-медицинский журнал. 2015. Т. 336. № 2. С. 93–95; *Наумов П.Ю., Холиков И.В.* Характеристика правовых основ проведения военно-врачебной экспертизы в войсках национальной гвардии Российской Федерации // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2023. Т. 15. № 1. С. 474–493. DOI: 10.12731/2658-6649-2023-15-1-474-493

⁸ См.: *Савенков А.Н.* Глобальный кризис современности как предмет философии права // Государство и право. 2022. № 2. С. 103–117. DOI: 10.31857/S102694520019125-8

⁹ См.: *Малько А.В., Афанасьев С.Ф., Борисова В.Ф., Кроткова Н.В.* Проблемы цифровизации в сфере осуществления правосудия // Государство и право. 2020. № 10. С. 151–159. DOI: 10.31857/S102694520012242-7; *Полякова Т.А., Минбалева А.В., Кроткова Н.В.* Развитие науки информационного права и правового обеспечения информационной безопасности: формирование научной школы информационного права (прошлое и будущее) // Государство и право. 2021. № 12. С. 97–108. DOI: 10.31857/S102694520017761-8; *Их же.* Основные тенденции и проблемы развития науки информационного права // Государство и право. 2022. № 9. С. 94–104. DOI: 10.31857/S102694520022203-4

¹⁰ См.: *Савенков А.Н.* Ценности Конституции РФ в изменяющемся мире // Государство и право. 2019. № 3. С. 5–16. DOI: 10.31857/S013207690004422-6; *Савенков А.Н., Жуков В.Н.* Русская идея в философии права // Государство и право. 2023. № 6. С. 7–23. DOI: 10.31857/S102694520026150-6; *Сальников В.П., Большакова В.М., Захарцев С.И.* Институализация военного права как отрасли права в постнеклассической научной рациональности (рецензия на монографию «Военное право в 3-х томах. М.: Центр правовых коммуникаций, 2022») // Право. Журнал ВШЭ. 2023. № 1. С. 251–261. DOI: 10.17323/2072-8166.2023.1.251.261; *Наумов П.Ю., Новиков Н.С.* Понятие ценности и формы ценностных систем // В мире научных открытий. 2015. № 9-4 (69). С. 1355–1360; *Кроткова Н.В., Орехова Т.Р.* Межвузовская научно-практическая конференция «Традиционные духовно-нравственные ценности как основа правового развития в XXI веке» // Государство и право. 2023. № 3. С. 188–200. DOI: 10.31857/S102694520024824-7; *Гайдамашко И.В., Наумов П.Ю., Дьячков А.А.* Потенциал монографии «Военное право» в обучении будущего военного юриста и развитии его личности // Государство и право. 2023. № 5. С. 68–79. DOI: 10.31857/S102694520025198-8; *Холиков И.В., Большакова В.М., Наумов П.Ю., Зеленикин Р.В.* Ценности и смыслы главного судебного акта XX века: аксиологические концепты книги А.Н. Савенкова «Нюрнберг: Приговор во имя Мира» (Материалы дискуссии) // Государство и право. 2022. № 10. С. 51–62. DOI: 10.31857/S102694520021788-7

правового разрешения¹¹, – все это актуализирует необходимость постоянного дискуссионного обсуждения названных проблем и их интеллектуального осмысления¹².

В познании развития современного права важное место занимают научные мероприятия, где видные представители юридического сообщества могут обсудить правовые проблемы и обменяться соответствующим опытом. Это ценная практика, особенно в ракурсе обобщения федерального и регионального опыта.

19–20 мая 2023 г. в стенах Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина состоялась VII Международная научно-практическая конференция «Тамбовские правовые чтения имени Ф.Н. Плевако», организованная Университетом при поддержке Тамбовского отделения Ассоциации юристов России, компании «Плюс Гарантия Тамбов» и Избирательной комиссии Тамбовской области.

Конференция связана с именем известного дореволюционного адвоката и общественного деятеля Федора Никифоровича Плевако, личность которого соединяет в себе высочайшее ораторское мастерство, чувство справедливости и ответственности к своему профессиональному долгу, глубокий подход к разрешению этических вопросов. Ф.Н. Плевако стоит у истоков разработки эталонов юридического сообщества на различных исторических этапах, однако в советский период его имя было незаслуженно обделено вниманием.

Тамбовские правовые чтения им. Ф.Н. Плевако, ставшие уже ежегодным научным мероприятием, объединяют сотни представителей юридической науки и практики из ведущих научно-образовательных центров России и ближнего зарубежья. Ежегодное проведение конференции направлено в первую очередь на консолидацию юридического сообщества в обсуждении и разработке предложений по проблемам, связанным с защитой интересов личности, обеспечением национальной безопасности в условиях современных вызовов, функционирования правовых институтов с учетом исторического влияния. Особое значение приобретает роль организации конференции в расширении научного взаимодействия с целью формулирования единого ответа на возникающие вызовы современности в правовом пространстве, обусловленные различными факторами¹³. В этом контексте обратим внимание на то, что сегодня Плеваковские чтения приобрели статус крупной экспертной площадки, в рамках которой теории и практики направляют усилия на обсуждение актуальных проблем юриспруденции, не ограничиваясь вопросами отдельных отраслей права.

Работа конференции проходила на протяжении двух дней и состояла из пленарного заседания в стенах Державинского университета и панельной дискуссии в Избирательной комиссии Тамбовской области 19 мая

¹¹ См.: *Кудашкин А.В., Холиков И.В.* Опыт концептуализации специальных военных операций в современном праве // Пути к миру и безопасности. 2023. № 1 (64). С. 31–47. DOI: 10.20542/2307-1494-2023-1-31-47

¹² См.: *Землин А.И., Холиков И.В.* Некоторые проблемные вопросы деятельности юридической службы Вооруженных Сил Российской Федерации в современных условиях // Военное право. 2023. № 3 (79). С. 49–56.

¹³ См.: *Холиков И.В.* Распространение эпидемий, пандемий и массовых заболеваний как глобальный вызов современности // Пути к миру и безопасности. 2020. № 2 (59). С. 27–40. DOI: 10.20542/2307-1494-2020-2-27-40; *Холиков И.В., Милованович А., Наумов П.Ю.* Динамика функционирования международного права в условиях трансформации современного миропорядка: постнеклассический подход // Журнал рос. права. 2022. Т. 26. № 11. С. 132–148. DOI: 10.12737/jrl.2022.122

и секционных заседаний в Институте права и национальной безопасности Державинского университета 20 мая.

Тамбовские правовые чтения им. Ф.Н. Плевако были открыты приветствием ректора Державинского университета П.С. Моисеева и председателя исполнительного комитета Тамбовского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России», заслуженного юриста РФ Н.С. Ельцова. С приветственным словом к участникам конференции также обратились представители Тамбовского областного суда, Арбитражного суда Тамбовской области, прокуратуры области, Адвокатской палаты Тамбовской области. Отдельное внимание стоит уделить обращению вице-президента Федеральной палаты адвокатов, президента Адвокатской палаты Московской области А.П. Галоганова, принимающего традиционное участие в Плеваковских чтениях.

Председатель Избирательной комиссии Тамбовской области А.С. Офицеров зачитал напутственное обращение Председателя Избирательной комиссии Российской Федерации Э.А. Памфиловой. «За прошедшие три десятилетия избирательная система и избирательное законодательство непрерывно развивались и совершенствовались. Уверена, что в преддверии единого дня голосования 10 сентября 2023 года конференция станет важной коммуникативной площадкой для “ветеранов” избирательной системы и молодежи, будет способствовать дальнейшему развитию института наставничества и вовлечению заинтересованных мотивированных молодых людей к работе в избирательной системе, повысит интерес молодого поколения к выборам!» — отмечается в обращении.

Приветственная часть была завершена выступлением Анны Львовны Плевако, правнучки Ф.Н. Плевако.

Первую часть пленарного заседания открыл главный научный сотрудник центра международного права и сравнительно-правовых исследований, профессор кафедры международного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, д-р юрид. наук, проф. И.В. Холиков с докладом на тему «*Парламентское расследование как инструмент противодействия коррупции и злоупотребления власти*».

В онлайн-режиме был представлен доклад А.А. Демичева, темой которого стала «*Аттестация научно-педагогических кадров в современных условиях: основные проблемы и пути решения*». Выступление вызвало широкое обсуждение среди участников конференции.

Отдельным вопросам взыскания судебной неустойки был посвящен доклад профессора кафедры гражданского процесса Уральского государственного юридического университета им. В.Ф. Яковлева, д-ра юрид. наук, проф. Д.Б. Абушенко, который также не остался без внимания.

Не можем не выделить доклад и.о. председателя Тамбовского областного суда Н.А. Бурашиковой, посвященный актуальным вопросам института представительства в административном судопроизводстве, который был актуален и с теоретической, и с практической точек зрения.

Главный научный сотрудник научно-исследовательского отдела научного центра Академии ФСИН России, д-р юрид. наук, доц. И.В. Овсянников представил доклад «*Вправе ли несовершеннолетние участники уголовного судопроизводства давать показания избличающего характера?*».

В формате онлайн своим мнением касательно проблематики обеспечения баланса частных и публичных интересов

в отдельных институтах финансового права поделилась главный научный сотрудник отдела финансового, налогового и бюджетного законодательства, профессор кафедры правового обеспечения публичных финансов ИЗиСП при Правительстве РФ, д-р юрид. наук, доц. С.В. Рыбакова.

Заключительным выступлением в первой части пленарного заседания стал доклад доцента кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России, канд. юрид. наук, доц. В.А. Гавриленко на тему «*Регулирование института коммерческого арбитража типовыми международными правовыми актами ЮНСИТРАЛ*».

Вторая часть пленарного заседания открылась докладом зав. кафедрой транспортного права Российского университета транспорта, д-ра юрид. наук, проф., заслуженного деятеля науки РФ А.И. Землина, который посредством онлайн-формата рассказал о результатах анализа актуальных проблем правового обеспечения эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств, полученных в рамках реализации научного проекта № 22-28-20334 «*Правовые средства обеспечения безопасности использования беспилотных автомобилей в мегаполисе*», выполненного при финансовой поддержке Российского научного фонда¹⁴. Выступающий отметил значительный сдвиг в наработке научных основ и нормативной правовой базы в области правового обеспечения эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств и обозначил перспективы дальнейшего исследования¹⁵.

Помощник начальника госпиталя по правовой работе — начальник юридической службы Главного военного клинического госпиталя войск национальной гвардии Российской Федерации, канд. пед. наук П.Ю. Наумов выступил с докладом на тему «*Право и интеллигенция: к познанию общности социальных функций*», вызвавшим широкую дискуссию, в которой приняли участие как представители профессорско-преподавательского сообщества, так и практикующие специалисты, а также принимавшие участие студенты и молодые ученые.

Доцент кафедры гражданского процесса Саратовской государственной юридической академии, канд. юрид. наук, доц. М.Ю. Лебедев в своем докладе осветил тему *места правосудия в современном гражданском процессе*.

Адвокат Нижегородской коллегии адвокатов, представитель Нижегородского филиала РАНХиГС, канд. юрид. наук, доц. В.М. Большакова в режиме онлайн представила концептуальный доклад на тему «*Феномен судостроительства в современной научной картине мира*». Доклад был произведен с широкой опорой на современные методологические конструкции и концентрированный историко-правовой материал.

¹⁴ Информация о гранте представлена в информационно-телекоммуникационной сети Интернет // <https://tscf.ru/project/22-28-20334/>

¹⁵ См.: Землин А.И. Проблемные вопросы правового регулирования отношений, связанных с использованием высокоавтоматизированных транспортных средств // Журнал рос. права. 2022. Т. 26. № 12. С. 58–69. DOI: 10.12737/jrl.2022.128; Землин А.И., Матвеева М.А., Гоц Е.В., Торишин А.А. Проблемные вопросы правового регулирования использования автомобилей с автоматизированной системой вождения // Мир транспорта. 2022. Т. 20. № 4 (101). С. 117–122. DOI: 10.30932/1992-3252-2022-20-4-11; Землин А.И., Гоц Е.В., Матвеева М.А., Торишин А.А. Противодействие распространению пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 в мегаполисах с использованием беспилотных автомобилей: опыт, правовые и организационные аспекты // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2022. Т. 14. № 6. С. 455–483. DOI: 10.12731/2658-6649-2022-14-6-455-483

С завершающим вторую часть пленарного заседания докладом выступил зав. кафедрой гражданского и арбитражного процесса Института права и национальной безопасности Державинского университета, канд. юрид. наук, доц. А.Д. Золотухин. Представленный доклад носит характер заметных хроник из жизни Ф.Н. Плевако. Такой формат стал традиционным и привычным. На проводимых ранее конференциях докладчик рассказывал о взаимоотношениях Ф.Н. Плевако и Ф.И. Шаляпина, С.В. Рахманинова и других выдающихся культурных деятелей той эпохи. В этот раз выступление А.Д. Золотухина было посвящено *дружбе адвоката Ф.Н. Плевако и Л.В. Собинова — олицетворения музыкальной эпохи и русского театра конца XIX — начала XX в.*

Параллельно пленарному заседанию в рамках Тамбовских правовых чтений им. Ф.Н. Плевако работала панельная дискуссия «30-летие избирательной системы Российской Федерации. Встреча поколений», площадкой для которой была выбрана Избирательная комиссия Тамбовской области. Ее участниками стали представители научной общественности, органов государственной власти, организаторы выборов разных лет, Молодежная избирательная комиссия Тамбовской области, молодежные организации и студенческое сообщество, представители которого приняли непосредственное участие в работе Центра общественного наблюдения в дни голосования на выборах 2022 г.

Основной целью проведения панельной дискуссии стал обмен мнениями и планами между экспертами, представителями организаторов выборов и молодежью, а также обобщение опыта развития и совершенствования избирательной системы. «Наша встреча в таком составе знаменует связь поколений, о чем свидетельствует и название сегодняшнего мероприятия, и его формат панельной дискуссии, предполагающей сквозное рассмотрение вопросов, связанных с развитием избирательной системы», — обратился с приветственным словом к участникам **Председатель Избирательной комиссии Тамбовской области А.С. Офищеров.**

Итогом первого дня столь плодотворной работы VII Международной научно-практической конференции «Тамбовские правовые чтения имени Ф.Н. Плевако» стало возложение цветов участниками конференции к памятной доске Ф.Н. Плевако, расположенной на бывшем здании Тамбовского окружного суда на ул. Советской в центре Тамбова.

Второй день конференции, проходивший в стенах Института права и национальной безопасности Державинского университета 20 мая 2023 г., традиционно был открыт сбором всех участников в музее Ф.Н. Плевако. Работа конференции продолжилась заседаниями *шести секций*: «Историко-правовые проблемы развития российской государственности», «Теория и практика государственного строительства», «Государственная политика противодействия преступности», «Правовое регулирование имущественных отношений: обеспечение баланса частных и публичных интересов», «Актуальные проблемы гражданского, арбитражного, административного процесса, исполнительного производства и адвокатской деятельности», «Проблематика в сфере обеспечения национальной безопасности и правопорядка: специфика, угрозы, приоритеты, противодействие».

В частности, работа секции «Историко-правовые проблемы развития российской государственности» была направлена на обсуждение участниками как историко-правовых аспектов теории государства и права, так и современных вызовов российской государственности, таких как информационная безопасность Российской Федерации.

Выделим выступление доцента кафедры уголовного права и криминологии Ростовского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), канд. юрид. наук М.П. Тишаква, посвященное *вопросам обеспечения безопасности дорожного движения на региональном уровне в послевоенные годы*. Участниками конференции были рассмотрены такие темы, как теоретико-правовое наследие С.А. Котляревского, исторические модели правореализационной практики, имущественные отношения супругов в Древней Руси, история становления и развития государственной службы в России и ряд других.

На секции «Теория и практика государственного строительства» в центре внимания традиционно оказались вопросы, связанные с развитием российского государства и права, в частности реформирование территориальных основ местного самоуправления, федеральный, региональный и муниципальный уровни культуры правотворчества современной России (характеристика, особенности), проблемы юридической ответственности за нарушение норм избирательного права и иные.

Не можем не выделить представленный в онлайн-режиме доклад доцента кафедры теории и истории права и государства Крымского филиала Российского государственного университета правосудия, канд. юрид. наук, доц. А.Е. Михайлова на тему «*Правовая природа и проблема разграничения субъективных и вторичных прав: общетеоретический аспект*».

Работа секций «Государственная политика противодействия преступности» и «Проблематика в сфере обеспечения национальной безопасности и правопорядка: специфика, угрозы, приоритеты, противодействие» продолжилась в объединенном формате. Основное внимание выступающих было уделено вопросам уголовно-правовой направленности в сфере защиты интересов государства, общества, личности. Обсуждение коснулось таких тем, как уголовно-правовое противодействие преступлениям экстремистской направленности, уголовно-правовое противодействие киберпреступности, экстремизм в молодежной среде и ряд других.

Работа секции «Правовое регулирование имущественных отношений: обеспечение баланса частных и публичных интересов» традиционно была направлена на освещение как теоретических, так и практических вопросов, среди которых границы права частной собственности, соотношение частных и публичных интересов.

С докладом, посвященным *специфике и основным подходам применения правового моделирования*, выступил доцент кафедры гражданского права юридического факультета Института экономики, управления и права, старший научный сотрудник Центра исследований и экспертиз юридического факультета Финансового университета при Правительстве РФ, канд. юрид. наук А.С. Киселев. В целом в ходе работы секции были освещены такие вопросы, как правовое регулирование защиты прав участников торгов, признание сделок недействительными на основании порока воли по п. 1 ст. 177 ГК РФ, цифровизация гражданского права, установление минимального брачного возраста в российском праве, проблема раздела общего супружеского имущества при банкротстве одного из супругов и иные.

Обратим внимание на работу секции «Актуальные проблемы гражданского, арбитражного, административного процесса, исполнительного производства и адвокатской деятельности», в рамках которой обсуждались проблемы частного правового отраслей права. В частности, участниками конференции были подняты вопросы, связанные с принципом независимости в современной адвокатуре, реализацией

принципа свободы договора в корпоративном праве, отдельными проблемами реализации права на иск в эпоху цифровизации, судебными спорами о взыскании морального вреда, проблемными аспектами представительства в делах о несостоятельности (банкротстве) и ряд других. В онлайн-режиме профессор кафедры гражданского процесса юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, д-р юрид. наук, проф. А.Ф. Воронов представил доклад на тему «Примирительные процедуры в России: ожидания и реальность», вызвавший интерес участников секции и широкое обсуждение.

* * *

В заключение отметим, что Плеваковские чтения, проводимые на базе Державинского университета, стали научным мероприятием в сфере установления значимости и условий функционирования институтов права и государства, исследования современных вызовов российской государственности и праву, что имеет не только теоретическое, но и прикладное значение для представителей и юридического сообщества в целом, и его отдельных корпораций, оказывает непосредственное содействие сближению юридической науки, практики и образования. Итоги работы найдут отражение в сборнике материалов конференции, а также в отдельных публикациях по некоторым из докладов в ведущих юридических научных журналах страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранов В.М., Баранова М.В., Кроткова Н.В. Правовая экспертиза: наука, практическое искусство или ремесло? Обзор XXIII Международного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Правотворческая экспертология (доктрина, практика, техника)» // Государство и право. 2021. № 11. С. 173–185. DOI: 10.31857/S102694520017530-4
2. Большакова В.М. Новые тенденции в праве и политике. Обращение главного редактора журнала Russian Studies in Law and Politics к авторам и читателям // Russian Studies in Law and Politics. 2023. Т. 7. № 1. С. 4, 5. DOI: 10.12731/2576-9634-2023-1-4-5
3. Большакова В.М. Современные концепты развития права. От главного редактора к аудитории журнала “Russian Studies in Law and Politics” // Russian Studies in Law and Politics. 2023. Т. 7. № 2. С. 4, 5. DOI: 10.12731/2576-9634-2023-2-4-5
4. Бухтияров И.В., Холиков И.В., Большакова В.М., Наумов П.Ю. Опыт концептуализации военных аспектов медицинского права (обсуждение главы 14 учебника «Медицинское право России», отв. ред. А.А. Мохов, изд-во «Прспект», 2022, – материалы дискуссии) // Медицина труда и промышленная экология. 2023. Т. 63. № 1. С. 67–73. DOI: 10.31089/1026-9428-2023-63-1-67-73
5. Гаврилов С.О., Глебов И.Н., Чукин С.Г. и др. Право в точке бифуркации: обсуждение концептуального исследования военных проблем международного права (Дискуссия в формате «круглого стола» по материалам гл. 6 «Военные проблемы международного права» т. III монографии «Военное право») // Государство и право. 2022. № 12. С. 59–67. DOI: 10.31857/S102694520023301-2
6. Гайдамашко И.В., Наумов П.Ю., Дьячков А.А. Потенциал монографии «Военное право» в обучении будущего военного юриста и развитии его личности // Государство и право. 2023. № 5. С. 68–79. DOI: 10.31857/S102694520025198-8
7. Жданов К.В., Холиков И.В. Оказание помощи Гвинеиской Республике в борьбе с эпидемией геморрагической лихорадки Эбола // Военно-медицинский журнал. 2015. Т. 336. № 2. С. 93–95.
8. Землин А.И. Проблемные вопросы правового регулирования отношений, связанных с использованием высокоавтоматизированных транспортных средств // Журнал рос. права. 2022. Т. 26. № 12. С. 58–69. DOI: 10.12737/jrl.2022.128
9. Землин А.И., Гоц Е.В., Матвеева М.А., Торшин А.А. Противодействие распространению пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 в мегаполисах с использованием беспилотных автомобилей: опыт, правовые и организационные аспекты // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2022. Т. 14. № 6. С. 455–483. DOI: 10.12731/2658-6649-2022-14-6-455-483
10. Землин А.И., Матвеева М.А., Гоц Е.В., Торшин А.А. Проблемные вопросы правового регулирования использования автомобилей с автоматизированной системой вождения // Мир транспорта. 2022. Т. 20. № 4 (101). С. 117–122. DOI: 10.30932/1992-3252-2022-20-4-11
11. Землин А.И., Холиков И.В. Некоторые проблемные вопросы деятельности юридической службы Вооруженных Сил Российской Федерации в современных условиях // Военное право. 2023. № 3 (79). С. 49–56.
12. Кроткова Н.В., Орехова Т.Р. Межвузовская научно-практическая конференция «Традиционные духовно-нравственные ценности как основа правового развития в XXI веке» // Государство и право. 2023. № 3. С. 188–200. DOI: 10.31857/S102694520024824-7
13. Кроткова Н.В., Пожарский Д.В. Российская государственность и вызовы XXI века // Государство и право. 2022. № 5. С. 165–180. DOI: 10.31857/S102694520019866-3
14. Кудашкин А.В., Холиков И.В. Опыт концептуализации специальных военных операций в современном праве // Пути к миру и безопасности. 2023. № 1 (64). С. 31–47. DOI: 10.20542/2307-1494-2023-1-31-47
15. Малько А.В., Афанасьев С.Ф., Борисова В.Ф., Кроткова Н.В. Проблемы цифровизации в сфере осуществления правосудия // Государство и право. 2020. № 10. С. 151–159. DOI: 10.31857/S102694520012242-7
16. Наумов П.Ю., Большакова В.М., Землин А.И., Холиков И.В. Концептуальные аспекты производства медицинских экспертиз при обжаловании в судебном порядке заключений по итогам проведения военно-врачебной экспертизы // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2021. Т. 13. № 6. С. 283–306. DOI: 10.12731/2658-6649-2021-13-6-283-306
17. Наумов П.Ю., Новиков Н.С. Понятие ценности и формы ценностных систем // В мире научных открытий. 2015. № 9–4 (69). С. 1355–1360.
18. Наумов П.Ю., Холиков И.В. Характеристика правовых основ проведения военно-врачебной экспертизы в войсках национальной гвардии Российской Федерации // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2023. Т. 15. № 1. С. 474–493. DOI: 10.12731/2658-6649-2023-15-1-474-493
19. Огнерубов Н.А., Зелепукин Р.В., Большакова В.М. Профессиональные медицинские риски: условия правомерности в контексте действующего уголовного законодательства // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2021. Т. 13. № 6. С. 266–282. DOI: 10.12731/2658-6649-2021-13-6-266-282
20. Полякова Т.А., Минбалева А.В., Кроткова Н.В. Основные тенденции и проблемы развития науки информационного права // Государство и право. 2022. № 9. С. 94–104. DOI: 10.31857/S102694520022203-4
21. Полякова Т.А., Минбалева А.В., Кроткова Н.В. Развитие науки информационного права и правового обеспечения информационной безопасности: формирование научной школы информационного права (прошлое и будущее) // Государство и право. 2021. № 12. С. 97–108. DOI: 10.31857/S102694520017761-8
22. Савенков А.Н. Глобальный кризис современности как предмет философии права // Государство и право. 2022. № 2. С. 103–117. DOI: 10.31857/S102694520019125-8

23. *Савенков А.Н.* Ценности Конституции РФ в изменяющемся мире // Государство и право. 2019. № 3. С. 5–16. DOI: 10.31857/S013207690004422-6
24. *Савенков А.Н., Жуков В.Н.* Русская идея в философии права // Государство и право. 2023. № 6. С. 7–23. DOI: 10.31857/S102694520026150-6
25. *Сальников В.П., Большакова В.М., Захарцев С.И.* Институализация военного права как отрасли права в постнеклассической научной рациональности (рецензия на монографию «Военное право в 3-х томах. М.: Центр правовых коммуникаций, 2022») // Право. Журнал ВШЭ. 2023. № 1. С. 251–261. DOI: 10.17323/2072-8166.2023.1.251.261
26. *Хабриева Т.Я.* Идентификация права в современной социальной регуляции // Вопросы философии. 2021. № 12. С. 5–17. DOI: 10.21146/0042-8744-2021-12-5-17
27. *Хабриева Т.Я.* Управление пандемическим кризисом на основе права: мировой и российский опыт // Журнал рос. права. 2021. Т. 25. № 2. С. 5–17. DOI: 10.12737/jrl.2021.015
28. *Холиков И.В.* Распространение эпидемий, пандемий и массовых заболеваний как глобальный вызов современности // Пути к миру и безопасности. 2020. № 2 (59). С. 27–40. DOI: 10.20542/2307-1494-2020-2-27-40
29. *Холиков И.В., Большакова В.М., Наумов П.Ю., Зеленикин Р.В.* Ценности и смыслы главного судебного акта XX века: аксиологические концепты книги А.Н. Савенкова «Нюрнберг: Приговор во имя Мира» (Материалы дискуссии) // Государство и право. 2022. № 10. С. 51–62. DOI: 10.31857/S102694520021788-7
30. *Холиков И.В., Милованович А., Наумов П.Ю.* Динамика функционирования международного права в условиях трансформации современного миропорядка: постнеклассический подход // Журнал рос. права. 2022. Т. 26. № 11. С. 132–148. DOI: 10.12737/jrl.2022.122
6. *Gaidamashko I.V., Naumov P. Yu., Dyachkov A.A.* The potential of the monograph “Military Law” in the training of a future military lawyer and the development of his personality // State and Law. 2023. No. 5. P. 68–79. DOI: 10.31857/S102694520025198-8 (in Russ.).
7. *Zhdanov K.V., Kholikov I.V.* Assistance to the Republic of Guinea in the fight against the epidemic of Ebola hemorrhagic fever // Military Medical Journal. 2015. Vol. 336. No. 2. P. 93–95 (in Russ.).
8. *Zemlin A.I.* Problematic issues of legal regulation of relations related to the use of highly automated vehicles // Journal of Russ. law. 2022. Vol. 26. No. 12. P. 58–69. DOI: 10.12737/jrl.2022.128 (in Russ.).
9. *Zemlin A.I., Gotz E.V., Matveeva M.A., Torshin A.A.* Countering the spread of the COVID-19 coronavirus pandemic in megacities using unmanned vehicles: experience, legal and organizational aspects // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2022. Vol. 14. No. 6. P. 455–483. DOI: 10.12731/2658-6649-2022-14-6-455-483 (in Russ.).
10. *Zemlin A.I., Matveeva M.A., Gotz E.V., Torshin A.A.* Problematic issues of legal regulation of the use of cars with an automated driving system // The world of transport. 2022. Vol. 20. No. 4 (101). P. 117–122. DOI: 10.30932/1992-3252-2022-20-4-11 (in Russ.).
11. *Zemlin A.I., Kholikov I.V.* Some problematic issues of the legal service of the Armed Forces of the Russian Federation in modern conditions // Military Law. 2023. No. 3 (79). P. 49–56 (in Russ.).
12. *Krotkova N.V., Orekhova T.R.* Interuniversity scientific and practical conference “Traditional spiritual and moral values as the basis of legal development in the XXI century” // State and Law. 2023. No. 3. P. 188–200. DOI: 10.31857/S102694520024824-7 (in Russ.).
13. *Krotkova N.V., Pozharsky D.V.* Russian statehood and challenges of the XXI century // State and Law. 2022. No. 5. P. 165–180. DOI: 10.31857/S102694520019866-3 (in Russ.).
14. *Kudashkin A.V., Kholikov I.V.* Experience of conceptualization of special military operations in modern law // Paths to peace and security. 2023. No. 1 (64). P. 31–47. DOI: 10.20542/2307-1494-2023-1-31-47 (in Russ.).
15. *Mal'ko A.V., Afanasyev S.F., Borisova V.F., Krotkova N.V.* Problems of digitalization in the field of justice // State and Law. 2020. No. 10. P. 151–159. DOI: 10.31857/S102694520012242-7 (in Russ.).
16. *Naumov P. Yu., Bolshakova V.M., Zemlin A.I., Kholikov I.V.* Conceptual aspects of the production of medical examinations during judicial appeal of conclusions based on the results of military medical examination // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2021. Vol. 13. No. 6. P. 283–306. DOI: 10.12731/2658-6649-2021-13-6-283-306 (in Russ.).
17. *Naumov P. Yu., Novikov N.S.* The concept of value and forms of value systems // In the world of scientific discoveries. 2015. No. 9-4 (69). P. 1355–1360 (in Russ.).
18. *Naumov P. Yu., Kholikov I.V.* Characteristics of the legal foundations of military medical examination in the troops of the National Guard of the Russian Federation // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2023. Vol. 15. No. 1. P. 474–493. DOI: 10.12731/2658-6649-2023-15-1-474-493 (in Russ.).
19. *Ognerubov N.A., Zelepukin R.V., Bolshakova V.M.* Occupational medical risks: conditions of legality in the context of the current criminal legislation // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2021. Vol. 13. No. 6. P. 266–282. DOI: 10.12731/2658-6649-2021-13-6-266-282 (in Russ.).
20. *Polyakova T.A., Minbaleev A.V., Krotkova N.V.* The main trends and problems of the development of the science of Information Law // State and Law. 2022. No. 9. P. 94–104. DOI: 10.31857/S102694520022203-4 (in Russ.).
21. *Polyakova T.A., Minbaleev A.V., Krotkova N.V.* Development of the science of Information Law and legal provision of information security: formation of the scientific school of Information Law

REFERENCES

- (past and future) // State and Law. 2021. No. 12. P. 97–108. DOI: 10.31857/S102694520017761-8 (in Russ.).
22. *Savenkov A.N.* The global crisis of modernity as a subject of Philosophy of Law // State and Law. 2022. No. 2. P. 103–117. DOI: 10.31857/S102694520019125-8 (in Russ.).
  23. *Savenkov A.N.* Values of the Constitution of the Russian Federation in a changing world // State and Law. 2019. No. 3. P. 5–16. DOI: 10.31857/S013207690004422-6 (in Russ.).
  24. *Savenkov A.N., Zhukov V.N.* The Russian idea in the Philosophy of Law // State and Law. 2023. No. 6. P. 7–23. DOI: 10.31857/S102694520026150-6 (in Russ.).
  25. *Salnikov V.P., Bolshakova V.M., Zakhartsev S.I.* Institutionalization of Military Law as a branch of law in post-non-classical scientific rationality (review of the monograph “Military Law in 3 volumes. Moscow: Center for Legal Communications, 2022”) // Law. HSE Journal. 2023. No. 1. P. 251–261. DOI: 10.17323/2072-8166.2023.1.251.261 (in Russ.).
  26. *Khabrieva T. Ya.* Identification of law in modern social regulation // Questions of philosophy. 2021. No. 12. P. 5–17. DOI: 10.21146/0042-8744-2021-12-5-17 (in Russ.).
  27. *Khabrieva T. Ya.* Managing the pandemic crisis on the basis of law: world and Russian experience // Journal of Russ. law. 2021. Vol. 25. No. 2. P. 5–17. DOI: 10.12737/jrl.2021.015 (in Russ.).
  28. *Kholikov I.V.* The spread of epidemics, pandemics and mass diseases as a global challenge of modernity // Paths to peace and security. 2020. No. 2 (59). P. 27–40. DOI: 10.20542/2307-1494-2020-2-27-40 (in Russ.).
  29. *Kholikov I.V., Bolshakova V.M., Naumov P. Yu., Zelepukin R.V.* Values and meanings of the main judicial act of the XX century: axiological concepts of the book by A.N. Savenkov “Nuremberg: Verdict in the name of Peace” (Discussion materials) // State and Law. 2022. No. 10. P. 51–62. DOI: 10.31857/S102694520021788-7 (in Russ.).
  30. *Holikov I.V., Milovanovich A., Naumov P. Yu.* Dynamics of the functioning of International Law in the conditions of transformation of the modern world order: a post-non-classical approach // Journal of Russ. law. 2022. Vol. 26. No. 11. P. 132–148. DOI: 10.12737/jrl.2022.122 (in Russ.).

Сведения об авторах

ЗЕЛЕПУКИН Роман Валерьевич — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и международного права Института права и национальной безопасности Тамбовского государственного университета им. Г.П. Державина; 392036 г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33
 ResearcherID: AAX-6885-2021
 ScopusID: 57836319300
 ORCID: 0000-0002-0307-4385

ХОЛИКОВ Иван Владимирович — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра международного права и сравнительно-правовых исследований, профессор кафедры международного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; 117218 г. Москва, ул. Большая Черемушkinsкая, д. 34
 SPIN-код: 7311-5596, AuthorID: 946405
 ORCID: 0000-0003-0421-5829

Authors' information

ZELEPUKIN Roman V. — PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional and International Law, Institute of Law and National Security “Derzhavin Tambov State University”; 33 Internatsionalnaya str., 392036 Tambov, Russia

KHOLIKOV Ivan V. — Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Center for International Law and Comparative Law Research, Professor of the Chair of International Law, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; 34 B. Cheremushkinskaya str., 117218 Moscow, Russia

КРОТКОВА Наталья Викторовна –
кандидат юридических наук,
ведущий научный сотрудник сектора
конституционного права
и конституционной юстиции
Института государства и права
Российской академии наук,
заместитель главного редактора
журнала «Государство и право»;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10
SPIN-код: 1035-1892, AuthorID: 559435
ORCID: 0000-0003-2853-1287

KROTKOVA Natalya V. –
PhD in Law,
Leading Researcher of the Sector
of Constitutional Law and Constitutional Justice,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences,
Deputy Editor-in-Chief
of the journal “State and Law”;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ЗЕМЛИН Александр Игоревич –
доктор юридических наук,
кандидат философских наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
заведующий кафедрой транспортного права
Российского университета транспорта;
127994 г. Москва, ул. Образцова, д. 9, стр. 9;
профессор кафедры военной администрации,
административного и финансового права
Военного университета
им. Князя Александра Невского
Минобороны России;
123001 г. Москва, ул. Б. Садовая, д. 14
SPIN-код: 1741-0737, AuthorID: 326650
ResearcherID: T-1126-2018
ScopusID: 57208147055
ORCID: 0000-0001-8988-8517

ZEMLIN Alexander I. –
Doctor of Law, Candidate of Philosophy, Professor,
Honored Scientist of the Russian Federation,
Head of the Department of Transport Law
of the Russian University of Transport;
9, bld. 9 Obraztsova str., 127994 Moscow, Russia;
Professor of the Department
of Military Administration,
Administrative and Financial Law
of the Prince Alexander Nevsky Military University
of the Russian Ministry of Defense;
14 B. Sadovaya str., 123001 Moscow, Russia

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО И АДМИНИСТРАТИВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

© 2023 г. А. И. Каплунов*, В. Ю. Ухов**

Санкт-Петербургский университет МВД России

*E-mail: and-kaplunov@yandex.ru

**E-mail: spb-u-mvd.kaf-ap@yandex.ru

Поступила в редакцию 20.04.2023 г.

Аннотация. 24 марта 2023 г. в Санкт-Петербургском университете МВД России прошло пленарное заседание международной научно-практической конференции («Сорокинские чтения»). На пленарном заседании были представлены материалы изданного к дню конференции сборника и состоялся обмен мнениями по проблемным вопросам модернизации публичного управления, административного и административно-процессуального права, по теоретическим и прикладным проблемам совершенствования законодательства об административных правонарушениях и административно-юрисдикционной деятельности, по проблемам обеспечения безопасности и общественного порядка, совершенствования полицейской и иной правоохранительной деятельности, а также подведены итоги конференции.

Ключевые слова: публичное управление, административное и административно-процессуальное право, законодательство об административных правонарушениях, административно-юрисдикционная деятельность, полицейская и иная правоохранительная деятельность.

Цитирование: Каплунов А. И., Ухов В. Ю. Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права // Государство и право. 2023. № 10. С. 176–185.

DOI: 10.31857/S102694520027740-5

ACTUAL PROBLEMS OF ADMINISTRATIVE AND ADMINISTRATIVE PROCEDURAL LAW

© 2023 A. I. Kaplunov*, V. Yu. Ukhov**

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

*E-mail: and-kaplunov@yandex.ru

**E-mail: spb-u-mvd.kaf-ap@yandex.ru

Received 20.04.2023

Abstract. March 24, 2023 in the Saint-Petersburg University of MIA of Russia held a plenary meeting of the international scientific-practical conference (“Sorokin readings”). At the plenary session, the following were presented to materials published to the day of the conference the collection and held an exchange of views on the problems of modernization of public administration, Administrative and Administrative Procedural Law, on theoretical and applied problems of improving legislation on administrative offenses and administrative-jurisdictional activities, security and public order, development of the police and other law enforcement activities.

Key words: public administration, Administrative and Administrative Procedure Law, legislation on administrative offences, administrative-jurisdictional activity, activities of police and other law enforcement agencies.

For citation: Kaplunov, A.I., Ukhov, V. Yu. (2023). Actual problems of Administrative and Administrative Procedural Law // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 176–185.

24 марта 2023 г. в Санкт-Петербургском университете МВД России состоялась 14-я по счету научно-практическая конференция «Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права», которая девятый год подряд проходит под названием «Сорокинские чтения», с 2019 г. является международнои. В подготовке материалов конференции и в пленарном заседании в режиме видеоконференцсвязи приняли участие коллеги из Академии МВД Республики Беларусь (г. Минск), Могилевского института МВД Республики Беларусь, Костанайской академии МВД Республики Казахстан им. Шракбека Кабылбаева, Академии образовательного комплекса полиции Республики Армения (г. Ереван), Академии МВД Кыргызской Республики им. генерал-майора милиции Э. Алиева и Академии МВД Республики Узбекистан.

С приветственным словом к участникам пленарного заседания конференции выступил **И. Ф. Амельчаков, начальник Санкт-Петербургского университета МВД России, канд. юрид. наук, доц., заслуженный сотрудник органов внутренних дел РФ**, который отметил роль и значение Сорокинских чтений как постоянной научной площадки, на которой учёные-административисты и практические работники прежде всего из органов внутренних дел обсуждают актуальные проблемы совершенствования административного и административно-процессуального законодательства и правоприменительной практики по его реализации, поблагодарил всех, кто принял участие в подготовке материалов сборника конференции, и особенно участников пленарного заседания из России и зарубежных государств, выразил уверенность, что вопросы и проблемы, которые будут обсуждаться на пленарном заседании, те обобщения, выводы и предложения, которые прозвучат в выступлениях, будут способствовать дальнейшему развитию административно-правовой науки, совершенствованию теории и практики административно-правового регулирования, формированию практических решений в сфере обеспечения законности и правопорядка.

К началу работы конференции были изданы в электронном виде на CD-диске её материалы, включающие тезисы **195** докладов и научных сообщений, в подготовке которых приняли участие **216** авторов из **59** научных и образовательных организаций, в том числе **11** авторов из **шести** зарубежных государств (Республики Беларусь, Республики Казахстан, Республики Узбекистан, Кыргызской Республики, Республики Таджикистан, Республики Армения), **24** доктора юридических наук, **100** кандидатов юридических наук, в том числе **22** профессора, **66** доцентов, **семь** сотрудников практических органов внутренних дел Российской Федерации.

Доклады и научные сообщения сгруппированы в четыре логико-тематических раздела и охватывают широкий спектр актуальных проблем современного состояния и перспектив развития административно-правового регулирования в различных сферах публичного управления, совершенствования административно-правовых (материальных и процессуальных) средств обеспечения прав и законных интересов субъектов административно-правовых отношений, укрепления правопорядка и законности, противодействия административной деликтивности.

Ниже представлено краткое содержание отдельных докладов и выступлений, прозвучавших на пленарном заседании, а также тезисов выступлений, включённых в сборник материалов конференции.

Е. Ю. Грачева, председатель экспертного совета по праву и политологии Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования РФ, зав. кафедрой финансового права Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ, в докладе на тему «*О некоторых проблемах подготовки и аттестации научных кадров*» отметила, что подготовка научных работ, диссертаций, их экспертиза в рамках государственной научной аттестации проходит процесс преобразований, включающий в себя принятие новой номенклатуры научных специальностей, направленной на укрупнение групп специальностей, утверждение их паспортов, реформирование диссертационных советов, разработка новых критериев и создание на их основе принципиально иной системы по определению Перечня рецензируемых научных изданий (К1, К2, К3), в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций. Перечисленное ставит перед вузами, научными организациями и учеными задачи изменения подходов к выбору тем исследований, ориентируя соискателей ученых степеней на отказ от мелких, повторяющихся тем, разработку фундаментальных, комплексных, межотраслевых проблем, имеющих своей целью получение нового теоретического, актуального знания, востребованного обществом и позволяющего сформулировать конкретные предложения совершенствования российского законодательства, отражающего современные общественные процессы преобразований, а также повышения эффективности правоприменительной практики.

Достижению указанных целей способствует соблюдение исследователями соответствующих требований, указанных в нормативных правовых актах, регламентирующих подготовку и защиту диссертаций, а также деятельность диссертационных советов.

Важным критерием, которому должна соответствовать работа, выносимая на защиту, является ее актуальность. Нередко в работах отмечается, что актуальность обусловлена «недостаточным правовым урегулированием» той или иной сферы общественных отношений. Как представляется, ориентация на подобное субъективное мнение – достаточно или недостаточно – для научной работы неприемлемо. Возникает и другой вопрос: возможно ли достижение в полном объеме урегулированности правом каких-либо отношений, учитывая диалектику соотношения права с экономикой, политикой и иными общественными явлениями? Полагаем, что точнее было бы сначала выявлять и отмечать значимость общественных отношений для поступательного развития общества, а затем характеризовать состояние их правового регулирования и необходимость в этой связи проведенного исследования.

Отличительным критерием диссертации является ее теоретическая новизна, которая определяется путем сопоставления использованной автором теоретической основы в целом, а также изученных научных работ по данной проблематике. Проведенное подобным образом соотношение позволит автору сформулировать новизну своего исследования не просто как «первое комплексное исследование» тех или иных вопросов, формулировку, которую мы встречаем в большинстве работ, а как полученное в ходе работы новое научное знание, проникновение в глубь сущности, содержания или формы того или иного явления.

Новизну работы определяют цели и задачи, которые поставил перед собой автор диссертации. Ошибочным и методологически неверным представляется формулирование цели работы как «проведение (осуществление) анализа»

определенных отношений, поскольку анализ — лишь один из методов получения знания, что и должно стать целью диссертации. Неверным также представляется использование такого подхода в определении цели диссертации как «исследование» какого-либо явления. Диссертация и есть научное исследование общественных процессов, и определять цель исследования как исследование также является методологической ошибкой, которая ведет в дальнейшем к ошибочному формулированию положений, выносимых на защиту, совокупность которых и представляет собой новое теоретическое знание, к которому стремится соискатель.

Тема, цель работы определяют задачи, которые необходимо решить автору для достижения поставленной цели, что, в свою очередь, должно найти отражение в структуре самой диссертации. Главы, параграфы, разделы должны отражать и демонстрировать, как удалось автору решить поставленные им задачи исследования.

Достижение нового теоретического знания невозможно без соответствующей эмпирической основы, что способствует нахождению аргументов, доказательств сформулированных в работе выводов. Удивляет в ряде случаев формальный подход к определению эмпирической базы, которая даже не связана с темой самой диссертации. Например, в работе рассматриваются сложнейшие теоретические проблемы, а автор проводит анкетирование граждан, которые не обладают необходимыми профессиональными знаниями и чье мнение в данном случае не оказывает влияния на совершенствование законодательства. В другом случае на основу изучения мер противодействия совершению преступлений в местах лишения свободы автор в качестве эмпирической базы указал анкетирование студентов и судей (?). Продолжают встречаться работы, в которых к эмпирической базе отнесены Конституция РФ, иные нормативные правовые акты. Возникает вопрос профессионального, ответственного научного руководства за выполнением диссертации, подготовки соискателя к ее защите.

Сложнейший и важнейший этап выполнения диссертации — формулирование положений, выносимых на защиту, в совокупности которых и должно содержаться новое теоретическое знание, получение которого являлось целью автора при проведенном научном исследовании.

Безусловно, сами формулировки положений, выносимых на защиту, определяются исследуемыми проблемами, целями и задачи, стоящими перед автором. Вместе с тем, представляется необходимым обратить внимание на ошибочность в методологическом подходе к их формулированию. Иногда положения выглядят, как «отчет» о проделанной работе. Например, автор пишет, что рассмотрены этапы становления и развития какого-либо явления (?) без обоснования выбора критериев подобной периодизации, выявленных в результате тенденций или закономерностей развития, иными словами — новое знание так и не сформулировано, а лишь констатируются некоторые факты. Безапелляционно заявляется, что необходимо принять новый закон, создать новый орган, но никаких обоснований или аргументов по таким «умозаключениям» не приводится. Авторы нередко пишут о проведенной классификации какого-либо явления, также не раскрывая теоретическую значимость проведенной классификации, которая позволила или не позволила (?) показать выявленные новые аспекты данного явления, проследить его взаимосвязи и взаимозависимости с иными явлениями, его место в системе общественных отношений.

Можно только приветствовать обращение авторов к изучению зарубежного опыта, но в то же время нередко выводы исчерпываются лишь констатацией того, что в какой-либо стране имеется соответствующий закон или нет, имеется государственный орган или нет. Остается неясным, зачем соискатель изучал зарубежный опыт, с какой целью, выявлены или нет общие закономерности развития явления, его правового регулирования, существует ли специфика развития этих отношений в нашей стране, есть ли теоретические, экономические, организационные и иные предпосылки для возможного использования опыта в Российской Федерации? Избранный описательный подход зарубежного законодательства и правоприменительной практики не дает ответа на многочисленные вопросы и не способствует приращению нового теоретического знания.

Перечисленные некоторые проблемы подготовки и аттестации проведенных исследований свидетельствуют о необходимости оказания помощи молодым ученым в подготовке диссертаций наряду с повышением ответственности, требовательности кафедр, научных руководителей, консультантов, диссертационных советов к принципиальной оценке представляемых к защите диссертаций на предмет их ответственности предъявляемым требованиям к данному виду научных работ. В зависимости от нашего ответственного подхода наука становится значимой, востребованной в обществе и способствует дальнейшему развитию российского общества и государства.

Б. В. Россинский, профессор кафедры административного права и процесса Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ, в своём выступлении по видеоконференцсвязи на тему *«Место административного права в публично-правовых науках»* обратил внимание, что в связи с утверждением новой Номенклатуры научных специальностей и появлением в ней специальности 5.1.2. «Публично-правовые (государственно-правовые) науки» возникает вопрос о месте в комплексе этих наук административного права. Очевидно, что, поскольку наука административного права отождествляется с наукой об организации и деятельности органов исполнительной власти, она является частью государственно-правовых наук. Вместе с тем, поскольку наука административного права теперь затрагивает вопросы муниципальных исполнительных органов (которые вместе с государственными органами входят в единую систему публичной власти), а также административной деятельности организаций, она, несомненно, является частью публично-правовых наук.

Б. В. Россинский задался вопросом, административное право — это подсистема общей системы публично-правовых (государственно-правовых) наук или совокупность её отдельных элементов? Как известно, подсистема — это часть системы, обладающая относительной целостностью. Системы, имеющие подобные строгие структурные части, были представлены в предыдущих вариантах научных специальностей, существовавших до нынешней Номенклатуры. В паспорте новой специальности 5.1.2. «Публично-правовые (государственно-правовые) науки» направления всех исследований, во-первых, представлены единым списком (30 пунктов) без разбивки на самостоятельные правовые дисциплины. Во-вторых, они сформулированы во многих случаях либо вообще без привязки к тем или иным конкретным публично-правовым дисциплинам, либо с привязкой одновременно к нескольким из них. Например, п. 3 направлений исследования специальности 5.1.2 звучит так: «Публичное право: понятие, предмет, метод, принципы, функции, система. Соотношение публично-правового

и частноправового регулирования». А п. 15 сформулирован следующим образом: «Принуждение в публичном праве, в том числе конституционно-правовое, административно-правовое, финансово-правовое принуждение».

По мнению проф. Б. В. Россинского, говорить здесь о каких-либо правовых дисциплинах, в том числе административном праве, как о подсистемах, входящих в общую систему данной научной специальности, нельзя. Фрагменты этих дисциплин, т. е. их отдельные вопросы, можно охарактеризовать как элементы, составляющие систему публично-правовых (государственно-правовых) наук. Сказанное относится и к вопросам административно-правового характера.

Подобный переход от наук как подсистем к наукам как элементам научной специальности в определённой степени связан с формально изменившимся характером структуры научной специальности. Она стала гомогенной. Но главное — этот переход обусловлен фактическим изменением сущности самой специальности, которая, приобретя интегрированный характер, также стала гомогенной. С точки зрения Б. В. Россинского, это неизбежно, так как идёт интеграция научных знаний и, как следствие, сближение предметов научного исследования.

Предыдущая многолетняя модернизация научных специальностей, включая юридические специальности, являлась процессом их дифференциации. Этот процесс начался с середины 1990-х годов, достигнув к концу второго десятилетия XXI в. положения, которое стало противоречить реалиям времени. Данное обстоятельство во многом сдерживало те или иные исследования, нуждавшиеся в определённой интеграции. В этих условиях прежняя Номенклатура научных специальностей, исчерпав себя, перешла на следующий виток спирали. В частности, в новой Номенклатуре специальности 5.1.2. «Публично-правовые (государственно-правовые) науки» очень напоминает юридическую специальность 12.00.02, которая существовала целых 28 лет (с 1972 по 2000 г.) и называлась «Государственное право и управление; советское строительство; административное право; финансовое право». В советское строительство помимо центральных и республиканских органов входили вопросы организации и деятельности местных органов. В данную специальность до 1978 г. входили также прокурорский надзор и судопроизводство, в том числе адвокатура.

С учётом того, что государственное право с 1995 г. стало именоваться конституционным правом, все вопросы прежней научной специальности теперь входят в единую специальность 5.1.2. Очевидна невероятная близость содержания существовавшей несколько десятилетий назад специальности 12.00.02 и новой специальности 5.1.2. Существенная часть и той и другой — вопросы административно-правового характера.

С. В. Запольский, главный научный сотрудник сектора административного права и административного процесса Института государства и права РАН (ИГП РАН), д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ, выступая с докладом на тему «*Административное право — пути реформирования*», исходил из того, что обострение отношений с коллективным Западом и проведение специальной военной операции высветили многие правовые, не решённые ранее или новые проблемы, вставшие в сфере государственного управления и административной юстиции. К их числу, по его мнению, относятся следующие.

1. Правовой режим администрирования опирается, как известно, на категорию компетенции органов и должностных лиц. К сожалению, практика показывает, что компетенция понимается как право принимать те или иные решения или даже обладать способностями решать. Между тем компетенция есть и право, и обязанность совершения ответственного действия, а также ответственность за уклонения от деяния или неверные действия. В принципе любое правонарушение в сфере управления должно порождать вопрос о потенциальной ответственности лиц или органов, управомоченных (обязанных) вести контроль или надзор за соответствующей деятельностью.

Непринятие мер, требующих употребления компетенции, — само по себе правонарушение, равно как и необеспечение контроля за поднадзорными объектами. Следовательно, можно вести речь об автоматической двуединой ответственности за компетенционные правонарушения — виновного лица и контролирующего лица или органа. Реализация этого предложения не требует законодательных мер и целиком относится к сфере правосознания и правовой культуры.

2. Нуждаются в реконструкции управленческие отношения между Правительством РФ и министерствами (ведомствами). Министерство должно стать главным администратором осуществления государственной политики в порученной ему отрасли или круге вопросов, действующем непосредственно под руководством Президента РФ; Правительство же страны — орган координации взаимодействия министерств и ведомств между собой.

3. Необходимо в связи с этим скорректировать практику работы министерств по отдельным поручениям Правительства РФ или иных органов власти и управления. Должно восторжествовать правило «министерство ответственно за все результаты и состояние дел в отрасли», при этом по мере решения проблем министерства создаются, реорганизуются и ликвидируются, в противном случае система перестраивается на самосохранение и самовоспроизведение.

4. Практика подготовки законопроектов последовательно министерством (ведомством) и Правительством РФ с последующей передачей в Государственную Думу при всей комфортности процедуры приводит, с одной стороны, к административизации законодательства — приоритету взглядов управленцев на решение задач социального развития в ущерб объективному подходу, с другой — к трансформации сотрудников министерства (ведомства) в профессиональных законотворцев с потерей контактов с производством.

5. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О контроле (надзоре) и муниципальном контроле» не только не решил своих задач, но и создал дополнительные сложности введением института обязательных требований, разделяющих нормы законодательства на подлежащие исполнению как обязательные и не являющиеся таковыми. В ряде случаев нормы этого Закона предполагают применение мер пресечения, административного принуждения и даже мер административной ответственности; предельно заужена сфера применения Федерального закона, не охватывающая наиболее «криминогенные» сферы управления и хозяйствования.

По мнению С. В. Запольского, контроль и надзор во всех формах их осуществления — исключительно и только средство получения информации о недостатках, упущениях, правонарушениях и именно это составляет социальную ценность этих институтов.

А. И. Каплунов, профессор кафедры административно-угольного права Санкт-Петербургского университета МВД России, д-р юрид. наук, проф., заслуженный работник высшей школы РФ, в докладе на тему «Влияние доктрины прав и свобод человека и гражданина на модернизацию законодательства об административной ответственности» обратил внимание на то, что положения национальной доктрины прав и свобод человека и гражданина используются для манипуляций в отношении тех правоохранительных институтов, которые связаны с ограничением прав и свобод человека, к примеру, в отношении правовой регламентации административного принуждения, которое по сути своей является вынужденной ответной реакцией государственных сил охраны правопорядка на различные формы противоправного поведения. И прежде всего это относится к институту административной ответственности.

Речь идет о положениях, закрепленных в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ («Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом...»), в ч. 3 ст. 35 («Никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда»). Весь этот правозащитный арсенал в полной мере был использован для защиты прав и свобод лиц, совершивших административные правонарушения, путем расширения административно-юрисдикционных полномочий судей по применению мер административной ответственности. В результате чего назначение восьми видов административных наказаний из 10 отнесено к компетенции судей, а назначение семи видов наказаний отнесено к их исключительной компетенции.

Между тем административная ответственность как форма административного принуждения и способ охраны правопорядка вводилась в качестве оперативной реакции государства в лице контрольно-надзорных органов на общественно вредные административные проступки путём назначения административных наказаний в отношении лиц, их совершивших, и именно в таком качестве рассматривается в теории административного принуждения. Применение мер административной ответственности, как и иных мер административного принуждения, изначально возлагалось преимущественно на должностных лиц контрольно-надзорных органов в административном порядке, и только назначение наиболее жёстких административных наказаний, включающих лишения и ограничения прав и свобод граждан, было в виде исключения отнесено к компетенции судей¹. Однако благодаря указанной выше модернизации исключение стало правилом.

Кроме того, в начале 1990-х годов началось распространение административной ответственности на юридических лиц — коллективных субъектов — предприятия и иные структуры производственного назначения. Этот процесс завершился тем, что 30 декабря 2001 г. был принят КоАП РФ, в котором окончательно была легализована административная ответственность юридических лиц, т.е. коллективная ответственность их работников, и сформулирована вина «неодушевленного субъекта», коим является юридическое лицо², несмотря на то что административная ответ-

ственность является индивидуальным видом юридической ответственности физических лиц³.

Это яркие примеры неоправданного обращения с административной ответственностью, в том числе того, как «доктрина прав и свобод человека и гражданина» влияет на модернизацию законодательства об административной ответственности, с одной стороны, она может использоваться для манипуляций с законодательством об административных правонарушениях, с другой — вообще не учитываться, игнорироваться, и в том и в другом случае это приводит к материально-правовой и процессуальной деформации института административной ответственности.

Необоснованные изменения происходят на уровне теории административной ответственности, её процессуальной составляющей. В частности, доказывается, что процессуальная деятельность судьи по рассмотрению дел об административных правонарушениях в судах общей юрисдикции обладает всеми признаками, свойственными правосудию⁴, несмотря на то что данный процессуальный порядок, установленный КоАП РФ, является общим для всех субъектов административной юрисдикции, и выходит за рамки видов судопроизводства, указанных в ч. 2 ст. 118 Конституции РФ. При этом административно-юрисдикционную деятельность контрольно-надзорных органов исполнительной власти по назначению административных наказаний отдельные «исследователи» начали именовать как «квазисудебную» и даже как «квазиправосудие»⁵, невзирая на очевидное противоречие положениям Конституции РФ и КоАП РФ. Благодаря такой модернизации теория административной ответственности была поставлена «с ног на голову».

Расширение сферы применения административных наказаний судьями, трансформация его в форму правосудия, по мнению А. И. Каплунова, нежелательны, поскольку это приводит не только к значительному удорожанию, но и к значительному усложнению реализации административной ответственности, что снижает её эффективность как правоохранительного института. Использование судебного порядка назначения административных наказаний там, где это неуместно, является дополнительной гарантией неприкосновенности лица, совершившего административное правонарушение, и создает для него благоприятные условия для того, чтобы избежать ответственности.

Между тем не следует забывать, что административная ответственность сама является способом защиты прав и свобод человека, чести и достоинства граждан, пострадавших в результате административных правонарушений, интересов общества и государства.

Произошла деформация института административной ответственности, с этим уже трудно спорить. Но что делать дальше? Эти изменения закреплены действующим законодательством и стали реальностью на уровне повседневной правоприменительной практики. Самый легкий путь — это смириться с существующим положением и воспринимать

³ См.: Сорокин В. Д. О двух тенденциях, разрушающих целостность института административной ответственности // Правоведение. 1999. № 1 (224). С. 50.

⁴ См.: Панкова О. В. Правосудие по делам об административных правонарушениях в судах общей юрисдикции. М., 2023.

⁵ Запольский С. В. Административное право — пути реформирования (тезисы выступления) // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения): сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 24 марта 2023 г. / под общ. ред. А. И. Каплунова. СПб., 2023. С. 29.

¹ См.: Каплунов А. И. Административная ответственность как форма административного принуждения // Сибирское юридическое обозрение. 2019. Т. 16. № 4. С. 519.

² См.: Сорокин В. Д. Парадоксы Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Правоведение. 2004. № 3. С. 28.

его как неизбежность, как норму, как правило. Другой путь – выявить юридическую природу вещей и причину этих нежелательных деформаций, после чего стараться исправить положение.

Ответ на то, каким должен быть вариант действий из указанных двух, можно найти в выступлении Президента РФ на Заседании Совета по развитию гражданского общества и правам человека 7 декабря 2022 г., в котором он отметил, что «существующие подходы требуют всестороннего анализа, так как их стали применять для достижения совсем других, далеко не благих целей»⁶.

Н. В. Макарейко, профессор кафедры административного права и процесса Нижегородской академии МВД России, д-р юрид. наук, доц.», в выступлении на тему «*Функции административного принуждения – проблема познания и закрепления*» указал на доктринальную, прикладную и дидактическую востребованность административно-принудительной проблематики. Невзирая на повышенное внимание к вопросам административного принуждения, обнаруживаются его отдельные аспекты, которые не получили должного внимания. К их числу относится функциональная характеристика рассматриваемого метода государственного управления. Существующие подходы характеризуются чаще всего игнорированием характеристики функций административного принуждения и значительно реже их фрагментарным освещением. В большей степени освещаются функции административной ответственности. При этом соответствующий материал размещается в учебной, а не в научной литературе.

Среди тех авторов, которые признают наличие функций административного принуждения, отсутствует единство в их определении и характеристике. Полагаем, что действующее законодательство и практика его реализации позволяют выделить следующие функции рассматриваемого явления: регулятивную, правоограничительную (штрафную), предупредительную (превентивную), пресекающую, правовосстановительную, воспитательную, оценочную, стимулирующую, информационную, коммуникационную. Очевидно, что далеко не все функции в равной степени реализуются применительно к конкретной форме административного принуждения. Доминирование или же отсутствие той или иной функции обуславливается целевым назначением административного принуждения, складывающейся правоохранительной ситуацией, которая включает в себя ряд факторов объективного и субъективного характера.

При изучении функций административного принуждения необходимо учитывать, что наряду с ними действуют и соответствующие дисфункции. Они являются обязательной атрибутивной характеристикой административного принуждения. Очевидной иллюзией следует признать их игнорирование, что представляет собой очевидную ошибку и включает в себе существенный негативный потенциал, не позволяющий в полной мере дать функциональную характеристику административного принуждения. В этой связи будет важным определить критические границы функций / дисфункций, выработать средства поиска и нейтрализации последних.

Функционирование административного принуждения как сложного социально-правового явления обусловлено рядом факторов. Многие из них лежат за границей права. В этой

связи важно проводить исследования не только во взаимосвязи с другими отраслями юридической науки, но и задействовать потенциал социологии, политологии, психологии. Так, социологией накоплен богатый опыт познания социологических явлений через призму их функционирования. Полученные в результате комплексного исследования знания позволяют преодолеть изоляционистский подход и будут способствовать выработке действенных рекомендаций, направленных на повышение эффективности функционирования административного принуждения.

Признавая глубину «проблемного поля» функций административного принуждения, необходимо сосредоточить усилия на повышении качества их правового обособления. В этой связи субъектам правотворчества на различных уровнях необходимо в комплексе закрепить все функции, преодолеть фрагментарный подход. Наряду с этим следует учитывать различную «насыщенность» определенными функциями мер конкретной формы административного принуждения.

Постулируя «экономия» административного принуждения, необходимо предварительное диагностирование его функционирования, недопущение решения тех правоохранительных задач, которые могут и должны быть решены непринудительным путем. Оперативность получения результата в силу административно-принудительного воздействия не должна выступать единственным аргументом в пользу его применения. В этой связи всемерно актуализируется проблема границ административного принуждения. В целях ее определения важно выработать и в дальнейшем применять критерии, при помощи которых они могут быть определены. Решение названной задачи всемерно актуализируется в свете третьей кодификации законодательства об административных правонарушениях. В частности, должна быть преодолена «фискализация» института административной ответственности, что приводит к безраздельному доминированию штрафной (карательной) формы административного принуждения.

Сложность закрепления и последующей реализации функций административного принуждения во многом предопределена широкой практикой применения бланкетных конструкций. Ее результатом явилось значительное использование подзаконного регулирования. Следует признать, что в ряде случаев не представляется возможным отказаться от бланкетных норм, однако следует предупреждать дефекты, предопределенные бланкетизацией административного принуждения.

Создавая нормативную правовую базу для функционирования административного принуждения, важно закрепить соответствующий реальный, а не иллюзорный механизм реализации. Он должен включать в себя как материально-правовые, так и процессуальные аспекты, в том числе позволяющие проводить «ревизию» действия функций административного принуждения.

А. Ю. Соколов, директор Саратовского филиала ИГП РАН, д-р юрид. наук, проф.», в выступлении на тему «*О некоторых вопросах реализации принципа недопустимости двойной ответственности в производстве по делам об административных правонарушениях*» уделил внимание исследованию проблемы соответствия отдельных положений КоАП РФ принципу *non bis in idem* (лат. – «не дважды за одно и то же»), отметив, что КоАП РФ связывает дефиницию «повторное привлечение лица к административной ответственности» лишь с наличием постановления по делу об административном правонарушении, предусмотренном той же статьей или той же частью

⁶ Заседание Совета по развитию гражданского общества и правам человека 7 декабря 2022 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70046> (дата обращения: 26.02.2023).

статьи законодательного акта, закрепляющего состав административного правонарушения, что создает правовую неопределенность, допуская двойное привлечение к ответственности за совершение одного и того же деяния. Примером может служить совершение водителем транспортного средства административных правонарушений, предусмотренных ст. 12.18 и 12.24 (ч. 2) КоАП РФ. Соответственно, рассматриваемый принцип в производстве по делам об административных правонарушениях реализуется не в полной мере. А. Ю. Соколов обосновал необходимость внесения законодательных изменений в целях исключения возможности привлечения к двойной ответственности. Возможным выходом из сложившейся ситуации он видит установление в КоАП РФ нового правила назначения административных наказаний, устраняющего обременения, которые вызваны ранее назначенным данному лицу административным наказанием за правонарушение с теми же фактическими обстоятельствами.

Доклад А. М. Кононова, главного научного сотрудника Академии управления МВД России, д-ра юрид. наук, проф., заслуженного юриста РФ, был посвящен *актуальным проблемам совершенствования правового регулирования деятельности полиции и иных органов, обеспечивающих общественный порядок, общественную безопасность, противодействие преступности в условиях военного положения.*

Решение этих важнейших и первоочередных задач на территории, где введено военное положение, имеет ряд существенных особенностей в силу самого характера складывающейся оперативной обстановки. Однако уже первые дни проведения специальной военной операции высветили проблемы, связанные с правовым регулированием деятельности правоохранительных органов.

Согласно Федеральному конституционному закону «О военном положении» в период действия военного положения в целях обеспечения обороны страны и безопасности государства могут быть в необходимых пределах ограничены права и свободы граждан, деятельность организаций, права их должностных лиц. На них же могут возлагаться и дополнительные обязанности. Игнорирование этих особенностей в вопросах правового регулирования правоохранительной деятельности не только не позволит эффективно использовать силы и средства органов, непосредственно обеспечивающих правопорядок, но и может на практике обернуться для сотрудников этих органов ложным толкованием нарушения законности, превышения должностных полномочий.

Проведенный анализ законодательства, регулирующего деятельность правоохранительных органов, показал, что некоторые особенности реализации в условиях военного положения задач, возложенных на эти органы, содержатся в нормативных правовых актах, определяющих основы деятельности Росгвардии и органов внутренних дел. Федеральные законы, регулирующие деятельность иных правоохранительных органов, не имеют специальных норм, определяющих особенности их функционирования в условиях военного положения.

В этой ситуации представляется актуальной задача адаптации законодательства, регулирующего деятельность по охране общественного порядка, обеспечению общественной безопасности, выявлению, пресечению и расследованию преступлений к реалиям правоохранительной практики в условиях военного положения, незамедлительной разработки и принятия дополнительных правовых мер, позволяющих расширять в определенных законом пределах полномочия сотрудников МВД России, Росгвардии, ФСБ, снимающих некоторые процессуальные ограничения,

препятствующих эффективному решению задач обеспечения правопорядка и противодействия преступности в сложной оперативной обстановке.

Это диктует необходимость внесения соответствующих изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ, КоАП РФ, Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности», иные нормативные правовые акты, регулирующие деятельность полиции, Росгвардии, ФСБ России. Поэтому, с учетом уже начатой МВД России в этом направлении работы, имеет смысл поддержать предложение о закреплении в Уголовно-процессуальном кодексе РФ особого порядка производства по уголовным делам в условиях военного положения, а также инициативу о подготовке проекта указа Президента РФ, предусматривающего предоставление отсрочки от призыва на военную службу по мобилизации гражданам, поступившим на службу в органы внутренних дел, войска национальной гвардии, Государственную противопожарную службу, учреждения и органы уголовно-исполнительной системы, органы принудительного исполнения Российской Федерации на должности рядового и начальствующего состава и имеющим специальные звания.

Кроме того, целесообразно в целях усиления роли граждан в охране общественного порядка и обеспечения безопасности на территориях, где введено военное положение, дополнить Федеральный закон «Об участии в охране общественного порядка» нормой, в которой закрепить, что народные дружинники при участии в охране общественного порядка на территории, в которой введено военное положение, имеют право применять ряд мер административного принуждения: проверять документы у граждан и водителей транспортных средств; досматривать граждан и транспортные средства; пресекать правонарушения; доставлять правонарушителей в органы внутренних дел (полицию) и некоторые другие. При несении службы по охране общественного порядка в условиях военного времени в целях обеспечения личной безопасности народные дружинники могут наделяться правом применять физическую силу, специальные средства и оружие самообороны.

Целесообразно также рассмотреть вопрос о легитимизации путем принятия соответствующего федерального закона уже созданных и успешно действующих с весны 2014 г. на территории ДНР и ЛНР отрядов народного ополчения (народной милиции).

В Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» предлагается закрепить положение, допускающее возможность проведения в условиях военного положения некоторых оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права человека и гражданина, без предварительно оформленного судебного решения.

В КоАП РФ следует предусмотреть нормы-оговорки, устанавливающие особенности применения мер административного принуждения в условиях военного положения, и дополнить ст. 19.3 Кодекса нормой, усиливающей административную ответственность за неповиновение законному распоряжению сотрудника полиции, военнослужащего, сотрудника органов федеральной службы безопасности, сотрудника органов государственной охраны, сотрудника органов, осуществляющих федеральный государственный контроль (надзор) в сфере миграции, либо сотрудника органа или учреждения уголовно-исполнительной системы, либо сотрудника войск национальной гвардии Российской Федерации в условиях военного положения.

П. И. Кононов, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Волго-Вятского института (филиала) Университета

им. О.Е. Кутафина (МГЮА), д-р юрид. наук, проф., в выступлении на тему «*К вопросу о понятии и структуре внесудебного административного процесса*» отметил, что внесудебный административный процесс представляет собой урегулированную нормами административно-процессуального права осуществляемую последовательно (по стадиям) в рамках установленной административной процессуальной процедуры деятельность (систему юридически значимых действий и решений) административно-публичных органов, направленную на применение в отношении не находящихся в их организационно-служебной зависимости участников конкретных материальных и обслуживающих их административно-процессуальных правоотношений норм материального права различной отраслевой принадлежности, в целях правового разрешения (урегулирования) возникшего в рамках указанных правоотношений внесудебного административного дела, результатом которой является принятие итогового правоприменительного административного акта по соответствующему делу.

В зависимости от целевой направленности и характера разрешаемых административных дел в структуре внесудебного административного процесса можно выделить два вида процесса.

1. Административно-обслуживающий процесс, возникающий по поводу и в ходе разрешения административных дел, связанных с предоставлением физическим лицам и организациям различных государственных и муниципальных услуг, предоставлением и обеспечением реализации субъективных публичных и частных прав, специального правового статуса. Исходя из предусмотренных действующим федеральным законодательством организационно-правовых способов предоставления публичных услуг и оказания содействия заявителям в приобретении и реализации субъективных прав, специального правового статуса в структуре административно-обслуживающего процесса, возможно выделение следующих административных производств: распорядительное; регистрационное; разрешительное; экспертно-удостоверительное; экзаменационно-аттестационное.

2. Административно-охранительный процесс, возникающий по поводу и в ходе разрешения административных дел, связанных с обеспечением административно-правовой охраны социально значимых ценностей (государственной и общественной безопасности, жизни, здоровья, собственности, публичных интересов, прав и законных интересов физических лиц, организаций) от противоправных посягательств, угроз природного и техногенного характера и административно-правовой защиты нарушенного режима охраны перечисленных социально значимых ценностей. В структуре данного процесса в зависимости от используемых способов обеспечения административно-правовой охраны и (или) административно-правовой защиты социально значимых ценностей можно выделить следующие виды административно-охранительных производств: 1) административное контрольно-надзорное производство; 2) административно-спорное производство; 3) административное производство по делам об административных правонарушениях (административно-наказательное производство); 4) административное производство по делам о правонарушениях, совершаемых в публично-правовой сфере, не отнесенных законом к административным правонарушениям (административное принудительно-санкционное производство); 5) административное производство по делам об применении мер административного ограничения (административно-ограничительное производство); 6) административное производство по делам об административном расследовании общественно опасных

ситуаций (административно-следственное производство); 7) административно-исполнительное производство.

Н.А. Кулаков, доцент кафедры административного права Санкт-Петербургского университета МВД России, канд. юрид. наук, доц., в выступлении на тему «*Обеспечение баланса частных и публичных интересов как направление административно-правовой охраны интеллектуальной собственности*» обратил внимание, что важнейшей особенностью интеллектуальной собственности как объекта правовых отношений является её нематериальный характер, неисчерпаемость и способность к самовоспроизводству. Эта важнейшая характеристика предопределяет её особое социальное значение. Интеллектуальная деятельность и её результаты (интеллектуальная собственность) лежат в основе инновационного развития, научной и научно-технической деятельности, образовательного процесса и представляют собой важнейший социально-экономический и культурный ресурс.

Тесная взаимосвязь частных интересов отдельных правообладателей и публичных интересов всего общества и государства детерминирует потребность в сочетании частных-правовых и публично-правовых средств в правовом регулировании соответствующей области общественных отношений. Административно-правовая охрана помимо обеспечения соблюдения интеллектуальных прав направлена также на обеспечение баланса частных интересов правообладателей и публичных интересов в различных областях общественной жизни.

Проблемы обеспечения баланса частных и публичных интересов в области охраны интеллектуальной собственности на протяжении почти уже трех последних десятилетий характеризуются устойчивой тенденцией к обострению. В области охраны интеллектуальной собственности в Российской Федерации реализован подход, предоставляющий правообладателям большую защиту, чем того требуют минимальные международные стандарты, в частности Соглашение о торговых аспектах интеллектуальной собственности (ТРИПС) 1994 г. При этом зависимость российской экономики от импорта технологий остается критически высокой. Рассматриваемая проблема особенно ярко проявилась в экстренных условиях интенсификации санкций в отношении Российской Федерации в 2022 г. Одним из основных элементов такого давления стал уход значительно числа правообладателей с российского рынка. Под прямой угрозой оказалось не просто долгосрочное национальное инновационное развитие, но и обеспечение населения страны широким спектром товаров иностранного производства, в том числе первой необходимости.

Современные геополитические и экономические реалии, характеризующиеся интенсификацией санкционного давления, а также высокой степенью технологической зависимости Российской Федерации, предопределяют необходимость активизации применения административно-правовых средств в области охраны интеллектуальной собственности. При этом в Российской Федерации не сформулированы и юридически не определены концептуальные основы государственного управления в области охраны интеллектуальной собственности. Юридически не закреплены научно обоснованные цели, задачи и иные элементы административно-правовой охраны интеллектуальной собственности, функции субъектов охраны.

В сложившейся ситуации объективно существует необходимость разработки, принятия и главное – фактической реализации нормативного правового акта, которым будет утверждена государственная концепция охраны

интеллектуальной собственности, определена система субъектов такой охраны. Наряду с прочими параметрами важно, чтобы в такой концепции была обособлена и содержательно раскрыта такая функция правовой охраны интеллектуальной собственности, как обеспечение баланса частных интересов правообладателей и публичных интересов в различных областях общественной жизни.

Е.О. Маякова, адъюнкт кафедры административного права Санкт-Петербургского университета МВД России, в тезисах выступления на тему «*Заявление как вид обращения по административному законодательству: понятие и подвиды*» проанализировала понятие и содержательную характеристику заявления как вида обращений в органы государственной власти, выделив три его подвида:

первый – «просьба о содействии в реализации прав и свобод»;

второй – «сообщение о нарушении закона и иных нормативных правовых актов»;

третий – «сообщение о недостатках в работе государственных органов, органов местного самоуправления и должностных лиц, либо критика деятельности государственных органов, органов местного самоуправления и должностных лиц».

Для классификации видов заявлений, поступающих в органы внутренних дел, Е.О. Маякова предложила взять за основу методологический подход, разработанный В.Д. Сорокиным, об элементах единого метода правового регулирования и производных от них типов правового регулирования⁷. Избранный методологический подход позволяет все поступающие в органы внутренних дел заявления классифицировать в зависимости от того, какой из элементов единого метода правового регулирования лежит в основе обращения, на следующие три основные группы:

1) направленные на реализацию дозволений (речь идет о заявлениях первого подвида);

2) связанные с нарушением запретов и неисполнением предписаний, установленных законом (речь идет о заявлениях второго подвида);

3) обусловленные некачественным исполнением предписаний (речь идет о третьем подвиде заявлений).

Вышеизложенная классификация позволила сформулировать вывод о том, что в основу теоретической конструкции института заявления может быть положено его понимание как обращения, направленного на реализацию дозволений или связанного с нарушением запретов и неисполнением предписаний либо обусловленного некачественным исполнением предписаний. По мнению Е.О. Маяковой, с практической точки зрения данное исследование позволяет глубже уяснить типологию заявлений и определить оптимальный порядок их рассмотрения и разрешения⁸ в структурных подразделениях органов государственной власти.

⁷ См.: Сорокин В.Д. Метод правового регулирования. Теоретические проблемы. М., 1976. С. 45; *Его же*. Правовое регулирование: предмет, метод, процесс (макроуровень). СПб., 2003. С. 156.

⁸ См.: Каплунов А.И. О роли предмета и метода правового регулирования в определении отраслевой взаимосвязи материальных норм и вида юридического процесса, обеспечивающего их реализацию // Вестник СПб. ун-та МВД России. 2022. № 4 (96). С. 20–25.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Запольский С.В.* Административное право – пути реформирования (тезисы выступления) // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения): сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 24 марта 2023 г. / под общ. ред. А.И. Каплунова. СПб., 2023. С. 29.
2. *Каплунов А.И.* Административная ответственность как форма административного принуждения // Сибирское юридическое обозрение. 2019. Т. 16. № 4. С. 519.
3. *Каплунов А.И.* О роли предмета и метода правового регулирования в определении отраслевой взаимосвязи материальных норм и вида юридического процесса, обеспечивающего их реализацию // Вестник СПб. ун-та МВД России. 2022. № 4 (96). С. 20–25.
4. *Панкова О.В.* Правосудие по делам об административных правонарушениях в судах общей юрисдикции. М., 2023.
5. *Сорокин В.Д.* Метод правового регулирования. Теоретические проблемы. М., 1976. С. 45.
6. *Сорокин В.Д.* Правовое регулирование: предмет, метод, процесс (макроуровень). СПб., 2003. С. 156.
7. *Сорокин В.Д.* О двух тенденциях, разрушающих целостность института административной ответственности // Правоведение. 1999. № 1 (224). С. 50.
8. *Сорокин В.Д.* Парадоксы Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Правоведение. 2004. № 3. С. 28.

REFERENCES

1. *Zapolsky S.V.* Administrative Law – ways of reforming (theses of the speech) // Actual problems of Administrative and Administrative Procedural Law (Sorokin readings): collection of articles based on the materials of the International Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, March 24, 2023 / under the general editorship of A.I. Kaplunov. SPb., 2023. P. 29 (in Russ.).
2. *Kaplunov A. I.* Administrative responsibility as a form of administrative coercion // Siberian Legal Review. 2019. Vol. 16. No. 4. P. 519 (in Russ.).
3. *Kaplunov A. I.* On the role of the subject and method of legal regulation in determining the sectoral relationship of material norms and the type of legal process that ensures their implementation // Herald of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 4 (96). P. 20–25 (in Russ.).
4. *Pankova O. V.* Justice in cases of administrative offenses in courts of general jurisdiction. M., 2023 (in Russ.).
5. *Sorokin V.D.* Method of legal regulation. Theoretical problems. M., 1976. P. 45.
6. *Sorokin V.D.* Legal regulation: subject, method, process (macro level). St. Petersburg, 2003. P. 156 (in Russ.).
7. *Sorokin V.D.* On two trends that destroy the integrity of the institution of administrative responsibility // Jurisprudence. 1999. No. 1 (224). P. 50 (in Russ.).
8. *Sorokin V.D.* Paradoxes of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation // Jurisprudence. 2004. No. 3. P. 28 (in Russ.).

Сведения об авторах

КАПЛУНОВ Андрей Иванович –
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ,
профессор кафедры административного права
Санкт-Петербургского университета
МВД России; 198206 г. Санкт-Петербург,
ул. Летчика Пилютова, д. 1

УХОВ Владимир Юрьевич –
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный сотрудник
органов внутренних дел РФ,
начальник кафедры административного права
Санкт-Петербургского университета
МВД России; 198206 г. Санкт-Петербург,
ул. Летчика Пилютова, д. 1

Authors' information

KAPLUNOV Andrey I. –
Doctor of Law, Professor,
Honored Worker
of Higher School of the Russian Federation,
Professor of the Department of Administrative Law,
St. Petersburg University of MIA of Russia;
1 Letchika Pilyutova str.,
198206 St. Petersburg, Russia

UKHOV Vladimir Yu. –
Doctor of Law, Professor,
Honored Employee of the Internal Affairs Bodies
of the Russian Federation,
Head of the Department of Administrative Law,
St. Petersburg University of MIA of Russia;
1 Letchika Pilyutova str.,
198206 St. Petersburg, Russia

**КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО, ФИЛОСОФИЯ
И ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ РОССИИ**

**Б.С. Эбзеев. ФИЛОСОФИЯ РОССИЙСКОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА:
ОЧЕРКИ. М.: ПРОСПЕКТ, 2023. – 496 с.**

© 2023 г. В. Н. Жуков

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова;
Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва*

E-mail: pifagor2002@mail.ru

Поступила в редакцию 26.09.2023 г.

Аннотация. В рецензии освещаются основные темы и проблемы новой монографии Б.С. Эбзеева о конституционном процессе в России, проходившем за последние 30 с лишним лет. В работе известного юриста и государственного деятеля дается догматический, исторический, политико-идеологический, социологический и философский анализ проблем российской государственности в связи с Конституцией РФ 1993 г. В книге доказывается, что Конституция РФ при всех ее недостатках позволила предотвратить гражданское противостояние, выйти из тяжелейшего политического кризиса и сохранить Россию как суверенное государство.

Ключевые слова: Б.С. Эбзеев, Конституция РФ, государственность России, конституционное право, государственный суверенитет, территориальная целостность, права и свободы граждан.

Цитирование: Жуков В.Н. Конституционное право, философия и государственность России Б.С. Эбзеев. Философия российского конституционализма: очерки // Государство и право. 2023. № 10. С. 186–190.

DOI: 10.31857/S102694520028161-8

CONSTITUTIONAL LAW, PHILOSOPHY AND THE STATEHOOD
OF RUSSIA

**B.S. Ebzeev. PHILOSOPHY OF THE RUSSIAN CONSTITUTIONALISM:
ESSAYS. Moscow: PROSPECT, 2023. – 496 pp.**

© 2023 V. N. Zhukov

*Lomonosov Moscow State University;
Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow*

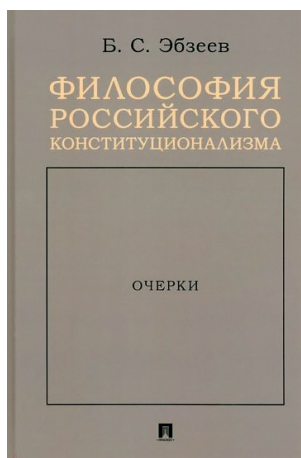
E-mail: pifagor2002@mail.ru

Received 26.09.2023

Abstract. The review highlights the main topics and problems of the new monograph by B.S. Ebzeev on the constitutional process in Russia, which has been taking place over the past 30 years. The work of the famous lawyer and statesman provides a dogmatic, historical, political-ideological, sociological and philosophical analysis of the problems of Russian statehood in connection with the Constitution of the Russian Federation of 1993. The book proves that the Constitution of the Russian Federation, with all its shortcomings, made it possible to prevent civil confrontation, get out of the most severe political crisis and preserve Russia as a sovereign state.

Key words: B.S. Ebzeev, Constitution of the Russian Federation, statehood of Russia, Constitutional Law, state sovereignty, territorial integrity, rights and freedoms of citizens.

For citation: Zhukov, V.N. (2023). Constitutional Law, Philosophy and statehood of Russia B.S. Ebzeev. Philosophy of the Russian constitutionalism: essays // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 186–190.

Вышла в свет очередная книга известного юриста и государственного деятеля Б.С. Эбзеева. Работа представляет собой собрание статей, написанных в разные годы, но связанных тематически. Фактически перед нами научная монография, приуроченная к 30-летию Конституции Российской Федерации и содержащая концептуальные подходы в ее освещении. Автор – государственный и патриот России, остро переживающий тревогу за страну, за ее распад в 1991 г. и трудности становления новой российской государственности. Уже на первой странице читаем: в 1991 г. «наш народ пережил историческую травму крушения СССР. Поиски свободы, равенства и справедливости, толкнувшие Россию на дорогу Октября 1917 г., спустя семь с небольшим десятилетий потерпели неудачу, ставшую роковой для советской государственности. Великое государство, отравленное ядом государственного нигилизма, усиленного бесталанностью собственного руководства и властолюбием людей, оказавшихся у кормила власти в России, пало.

Фатальное значение для судьбы СССР имело принятие 12 июня 1990 г. Съездом народных депутатов РСФСР Декларации о государственном суверенитете РСФСР. Именно она явилась прологом к разрушению СССР. В РСФСР была учреждена должность президента, и 12 июня 1991 г.

состоялись выборы Президента РСФСР. 25 декабря 1991 г. Верховный Совет РСФСР утвердил официальное название Российского государства – Российская Федерация (Россия). В этот же день Президент СССР объявил о сложении полномочий. Этому предшествовало и причинно обуславливало подписание 8 декабря 1991 г. руководителями РСФСР, Украины и Белоруссии так называемого Беловежского соглашения о прекращении существования СССР в качестве «субъекта международного права и геополитической реальности».

Дезинтеграционные тенденции распространились на Россию. Этому способствовали деградация экономики, утрата нравственных ориентиров обществом и государственного смысла обманутым народом, который всегда выступал главной скрепой отечественной государственности на ее долгом историческом пути» (с. 5).

Далее автор делает заключение, являющееся лейтмотивом всей книги: Конституция РФ 1993 г. при всех ее недостатках позволила преодолеть тяжелейший политический кризис, гражданское противостояние, создать каркас новой демократической государственности и тем самым сохранить Россию как суверенное государство (с. 11, 12).

Название монографии симптоматично – «Философия российского конституционализма», что уже давно не редкость для юристов-отраслевиков, предлагающих освещать проблемы своей науки через призму философии. Следует констатировать, что у них это далеко не всегда получается, философия так и остается только в названии, подлинного философского осмысления не происходит. Но здесь радует хотя бы сам факт признания высокого статуса философии: обращаться к ней считается у юристов престижно, прослыть юристом-философом уважаемо. Кстати,

данная мотивация — одна из причин повышенного интереса к философии права со стороны государственных служащих и чиновников от науки высокого уровня.

Строго говоря, дистанция между отраслевой юридической наукой и философией огромная. Перед отраслевой юридической наукой стоят три главные задачи: 1) разработка юридической догматики; 2) анализ правотворческой и правоприменительной практики; 3) подготовка практических и научных работников. Основной предмет изучения отраслевой юридической науки — позитивное право и связанная с ним юридическая догма. Главный метод этой науки — догматический, назначение которого — формализация социального поведения и социальных отношений, формализация и систематизация сложившегося позитивного права. Направленность отраслевой юридической науки по преимуществу практическая, прикладная. Ее важнейшие задача и цель — разработать и предложить государству позитивное право, способное эффективно регулировать общественные отношения. Если она к этому неспособна, ее ценность стремится к нулю, а сама она утрачивает свойства юридической науки, перестает таковой быть. Поскольку доминирующий метод в отраслевой юридической науке — догматический, а ее задача — создать эффективное право, истиной в ней считается непротиворечивость норм и конструкций. Догматическая юриспруденция не имеет собственной познавательной инициативы, ее инициатива всегда мотивируется властью. Именно государственная власть ставит перед юристами-отраслевиками задачу разработать догму, отвечающую интересам страны. Понятно, что существо этих интересов определяется властью, а не юристами. Так, русские дореволюционные юристы по требованию большевиков создали новые советские кодексы, а позднесоветские юристы подготовили уже либеральные (буржуазные) кодексы. И ничего постыдного здесь нет: юристы-отраслевики просто делали свое дело, т.е. обслуживали власть, используя свои профессиональные знания. Точно так, как это делали инженеры, военные или врачи. Отраслевая юридическая наука строго функциональна, ценностные и политические ориентиры ее затрагивают лишь косвенно.

Философия, напротив, представляет собой такую отрасль знания, где мировоззренческий, ценностный компонент играет главную роль. Философия — это и есть рационализация ценностных установок, направленная на обретение смысла познаваемых явлений (мироздания, природы, общества, сознания, человека, государства, права). Поскольку ценностные ориентиры у людей (классов и других социальных групп) разные, создаваемые философией смысловые модели также различаются вплоть до антагонистических противоречий. Внесение философии (т.е. смысловых моделей) в юридическую догматику губительно для последней. Философия разрушает мир юридической логики, внося в него хаос и разлад. Посредством философии в юридическую догму проникают ценностные и политико-идеологические установки, разрушающие целостность юридической ткани. Кстати, среди юристов-отраслевиков распространено заблуждение, что методологической основой догматической юриспруденции выступает философия позитивизма. Этого, конечно, нет. В основе отраслевой юридической науки (так же, как и теории юридического позитивизма) лежит не философия, а формальная логика, отцом которой является Аристотель.

Все приведенные выше рассуждения в полной мере распространяются и на науку конституционного (государственного) права, но с существенными оговорками. Главный компонент науки конституционного права, конечно,

догматический. Задача этой науки в том, чтобы создать юридическую догматику, способную придать государству, его органам и всему государственному устройству страны легальную формализованность, а функционирование государственного аппарата и правопорядка в целом сделать бесперебойным и эффективным. Без догматического компонента конституционно-правовая наука перестает таковой быть, она превращается либо в политическую публицистику (политическую пропаганду), либо в обществоведческую дисциплину без внятного предмета и четких границ.

Вместе с тем конституционное право со времен своего возникновения (эпоха буржуазных революций) всегда стояло рядом с политикой. Не зря немецкие и русские юристы конца XIX — начала XX в. не считали публичное право (прежде всего государственное) собственно правом. Если защиту норм, например, гражданского права государственная власть готова гарантировать, то в случае нарушения конституционного законодательства самой властью последняя становится судьей в собственном деле. Власть, нарушившую конституцию, привлекать к ответственности некому. Сама власть решает, нарушать ей закон или нет, восстанавливать нарушенное ею право или нет, привлекать к ответственности высших должностных лиц государства или нет. Нормы конституции, утверждали немецкие и русские юристы, есть по большей части политические и моральные декларации власти о своих намерениях, которые она соблюдает или не соблюдает в зависимости от своей выгоды и политической целесообразности.

В отличие от других отраслевых наук в конституционном праве политико-идеологические и ценностные установки прочно заняли свое место. При определении общественно-го строя, статусе человека и гражданина, характера политического (государственного) режима, полномочий и порядка формирования парламента, при апелляции к народу в том или ином аспекте национальные конституции прямо или косвенно, завуалированно или открыто заявляют о своих политико-идеологических и ценностных ориентирах. Конституции могут заявлять, например, о характере своей демократии (либеральной, социалистической, фашистской и т.п.), политического режима (демократического, социалистического и т.п.), собственности (частной или общенародной) и т.д. Так, модель либеральной (буржуазной) демократии, принятой в качестве базовой в странах Запада и в России, есть не что иное, как красивая мифологема, основанная на метафизических (т.е. берущихся без доказательств, на веру) постулатах о народе как источнике власти, о правах человека как врожденных и неотчуждаемых, об ограничении власти правом как политико-юридической и моральной норме и т.п. Добросовестный социологический анализ без труда разбивает все эти априорные установки: народ (массы, как говорили диктаторы XX в.) всегда и везде — не субъект политики, а объект политического манипулирования, и власть сама решает, быть ей правовой или нет, предоставлять и гарантировать права гражданам или нет.

Таким образом, анализ конституционных актов не только в догматическом, но также в политико-идеологическом и ценностном (философском) аспектах — вещь обычная, что мы в полной мере наблюдаем в книге Б.С. Эбзеева. В отличие от других не очень удачных попыток сочетать догматический, исторический, политико-идеологический, социологический и философский анализ конституционных актов, автор монографии демонстрирует блестящие способности к такому методологическому синтезу. На ее страницах разворачивается впечатляющая картина принятия Конституции РФ 1993 г., ее развития и функционирования,

а с ней вместе мы видим новейшую историю нашей страны как цепь драматических, а порой и трагических событий. Книга «берет за живое», потому что автор четко обозначает и отстаивает свою позицию государственника, борющегося за целостность России, ее стабильное и поступательное развитие в деле укрепления институтов власти и гражданского общества. Особый интерес к произведению вызывает также тем, что Б.С. Эбзеев не просто сторонний наблюдатель процессов, связанных с принятием и функционированием Конституции РФ, он их непосредственный участник. Мы можем из первых рук узнать, что думает о конституционном процессе последних 30 лет первоклассный юрист и государственный деятель Б.С. Эбзеев.

В работе убедительно показывается связь теории государственного суверенитета с политикой и интересами правящих классов. В течение столетий, утверждает автор, государственный суверенитет, единый, неотчуждаемый и неделимый, составляет основополагающее начало государственного развития народов. В основе теории суверенитета лежит догмат единой воли народа, который выступает в качестве особой юридической личности (юридической фикции, добавим мы), которая стоит над всеми властями и обладает первоначальным и неотчуждаемым верховенством, является носителем суверенитета и единственным источником государственной власти. Неделимость народного суверенитета предопределяет неделимость государственного суверенитета. Вместе с тем тезис о неделимости суверенитета отодвигается в сторону, если того требуют политические интересы. В истории, утверждает автор, такое происходило дважды. Первый раз в эпоху Великой французской революции, когда надо было поделить суверенитет между монархом и парламентом. Второй раз теория делимости суверенитета служила обоснованию конструкции немецкого союзного государства во главе с Пруссией в 1871 г. В известной мере теория делимости суверенитета была воспринята Конституцией СССР 1936 г., где провозглашался ограниченный суверенитет союзных республик. В настоящее время теория делимости суверенитета послужила обоснованием образования Европейского Союза (с. 221, 222).

Теория делимости суверенитета, продолжает Б.С. Эбзеев, и основывавшаяся на ней конституционная практика «базировались на смешении понятий государственной власти и суверенитета и отождествлении суверенитета как свойства государственной власти с опасными для единства и целостности государства представлениями о суверенитете государственного органа» (с. 222). Давно установлено, утверждает автор, что делится не суверенитет, а полномочия между государственными органами. Конституция РФ твердо стоит на позиции неделимости государственного суверенитета. Признание неделимости государственного суверенитета отвечает коренным интересам России, государственность которой «остаётся главным двигателем культуры и прогресса нашей Родины и непререкаемым условием свободы и благополучия человека» (с. 228).

Б.С. Эбзеев — человек демократических убеждений, но смотрит на демократию (в том числе на демократию в России) реалистически, понимая ее обусловленность различными факторами (культурно-историческими, экономическими, политическими). По его мнению, в науке конституционного права складывается тенденция, предлагающая «интерпретировать понятие демократии в России в отрыве от Конституции, а ее саму — сквозь призму априорных теоретических представлений о демократии» (с. 274). Последняя советская Конституция РСФСР 1978 г. (с учетом многочисленных поправок конца 80-х — начала 90-х годов) как

раз и пала жертвой разрушительной критики, опиравшейся на оторванную от жизни теорию либеральной демократии. Автор убежден, что предложенная Конституцией РФ модель демократического устройства создана с учетом конкретно-исторических условий страны и только с этих позиций следует анализировать и Конституцию РФ, и демократию в стране. Подчеркивается также, что демократия в России в ее западноевропейском варианте стала результатом не естественно-исторической эволюции, а социального выбора, не подготовленного историческим развитием общества. «Именно поэтому она не способна немедленно оправдать возглавившиеся на нее надежды» (с. 275). При этом автор выражает уверенность, что у России в обозримом будущем нет альтернативы демократии. Игнорирование данной реальности стало одной из причин гибели советского строя.

Б.С. Эбзеев был Президентом Карачаево-Черкесской Республики, т.е. занимался государственным управлением в регионе, где национальный вопрос традиционно является одним из самых острых. Именно в национальных республиках проверяется способность и готовность их руководителей быть не на словах, а на деле патриотами России, бороться за ее единство и против этнического сепаратизма. В этой связи особый интерес представляют его политические и юридические взгляды на национально-государственное строительство России. Свой подход Б.С. Эбзеев формулирует предельно точно, ясно и открыто. Он предлагает рассматривать принцип самоопределения наций и национально-территориальное устройство России в первую очередь с позиции исторической и политической и только во вторую — с юридической.

В историко-политическом контексте автор анализирует советский федерализм. Как он полагает, главная идея, которую Ленин вложил в советский федерализм, состоит не в отделении народов России и образовании ими самостоятельных государств, а в свободном определении народами России путей своего социального развития (с. 255, 256). Принцип свободного выхода из СССР сыграл большую роль в его распаде. «Народы бывшей Российской Империи активно «оснащались» не только государственными структурами, но и территориями. Причем далеко не всегда исторически принадлежавшими им. Украина, например, только после образования СССР и благодаря России получила Донецк, Луганск, Львов и всю Западную Украину, Харьков, Херсон, Одессу. В 1954 г. Украине из состава РСФСР был решением не уполномоченного на это действовавшей в тот период Конституцией РСФСР Президиума Верховного Совета РСФСР передан Крым. Разумеется, при этом никто из принимавших это ничтожное с юридической точки зрения решение не озаботился получением согласия русского народа. Социалистический интернационализм был выше «юридического формализма» и не нуждался в чьей-либо санкции» (с. 259).

Международные правовые акты второй половины XX в., доказывает Б.С. Эбзеев, говоря о принципе равноправия и самоопределения народов, имели в виду не расчленение суверенных государств, а образование государств народами, находящимися под колониальным господством и иностранной оккупацией. Принцип равноправия и самоопределения — не политическая абстракция, которая может быть использована в целях политической пропаганды, а норма Конституции РФ, выражающая требование единого мирного правопорядка, который ни при каких условиях не может быть поставлен под угрозу. Конечный тезис автор формулирует так: носителем принципа самоопределения является государство, так как оно воплощает право народа

на государственное бытие, а право народа на самоопределение в смысле выхода из суверенного государства не имеет оснований (с. 269, 270).

* * *

В книге Б.С. Эбзеева обсуждаются многие другие проблемы науки конституционного права и конституционного строительства России. В краткой рецензии всего не перечислишь. У автора есть способность, не часто встречающаяся у обществоведов: умение просто, доходчиво, логично, убедительно изложить существо сложных теоретических вопросов. Широчайшая эрудиция и высокий профессионализм делают работы Б.С. Эбзеева интересными не только для специалистов, но и для всех, кто

интересуется историей России, ее государственностью и политической культурой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Эбзеев Б.С.* Философия российского конституционализма: очерки. М., 2023. С. 11, 12, 221, 222, 228, 255, 256, 259, 269, 270, 274, 275.

REFERENCES

2. *Ebzeev B.S.* Philosophy of the Russian constitutionalism: essays. M., 2023. P. 11, 12, 221, 222, 228, 255, 256, 259, 269, 270, 274, 275 (in Russ.).

Сведения об авторе

ЖУКОВ Вячеслав Николаевич — доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; 119991 г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13 (4-й учебный корпус); главный научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

ZHUKOV Vyacheslav N. — Doctor of Law, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law and Political Science of the Faculty of Law at Lomonosov Moscow State University; 1 Leninskie Gory, bld. 13 (4th academic building), 119991 Moscow, Russia; Chief Researcher, Sector of Philosophy of Law, Theory and History of the State and Law, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenska str., 119019 Moscow, Russia